

Тембот Керашев
ОДИНОКИЙ ВСАДНИК

РОМАН

Перевод с адыгейского автора.

Литературная редакция Лидии ЛИБЕДИНСКОЙ.

АДЫГЕЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КРАСНОДАРСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Майкоп 1977

Адыгский всадник... Силуэт его, как реликтовый знак, многие века привычно вписывался в окружающую природу, и, казалось, невозможно представить себе без экзотической фигуры всадника северо-кавказский ландшафт.

Адыгами называли себя черкесы. Самыми большими среди адыгских племен были абадзехи, бжедуги, шапсуги, темиргой, кабардинцы и беслинеи. Существовали и другие племена, численностью поменьше.

Кто знает, сколько столетий, а может, и тысячелетий складывался тип адыгского всадника? Но сложившись, стал он неповторимо самобытным и сноровким, являя собой яркий пример чудесной приспособляемости всего живого на Земле. Доспехи и экипировка его по тем временам в совершенстве отвечали требованиям жизни и борьбы. Со всей строгостью многовекового опыта отбирались необходимость, полезность и удобство каждой вещи для походов и битв - ничего лишнего, ничего во имя украшения, ничего яркого и блестящего, что могло бы привлечь внимание врага и стать мишенью.

Бурка и смушковая шапка - черные. Рукоять кинжала и верхние ободки газырей - из черной кости. Даже пряжки, бляшки и наконечники на поясе и сбруе коня изготавливались из черной кости или железа, а уж если и употребляли серебро, то блеск его притенялся чернью. А неизменную черкеску из грубого домотканого сукна почти всегда шили темно-серого цвета, чтобы была неотличима от скальных камней и стволов деревьев.

Жизнь, заполненная отчаянной и постоянной борьбой за существование, за кров свой, за родную землю, породила у адыгов и соответствующее понятие мужской красоты: привлекательным и достойным уважения почитался лишь суровый облик мужа-воина, и пусть невзрачна его одежда, но должна она хранить отметины боевитой мужественности того, кто побывал в переделках, обветрен бурями битв и обтесан трудностями походов

Правобережье реки Кубани издревле являлось торной дорогой для народов, устремлявшихся к причерноморским степям. А степное Прикубанье и Приазовье были излюбленным местом кочевий. На заре нашей эры скифское царство Атея захватывало и Кубань. Стремительные гривастые конницы скифов несколько веков рыскали по приазовско-прикубанским степям, нередко залетая в Закубанье, к адыгам

Скифов сменили сарматы и аланы. Нашествие гуннов смело и перемешало эти племена. Кровавый "Адила", как именовали адыги Аттилу, добрался и до них. Отхлынув, гунны оставили после себя могильные курганы, пепел пожарищ и страшную память.

Вслед за гуннами адыгское Приазовье было колонизировано искусственным в рабовладении Византийским царством, образовавшим малое Боспорско-Керченское колониальное государство, и тоже пытавшимся прибрать адыгов к рукам. Но вскоре Византию сменил деспотичный Хазарский Каганат.

Татаро-монгольское нашествие и поход Батые на приазовский город Азак, погромы Тимура страшным ураганом обрушились и на адыгов.

Позже безуспешно пытались приручить адыгов генуэзцы - предприимчивые торговцы и колонизаторы. За генуэзцами последовали крымские ханы, ногайские каймаканы и сираскиры, и снова постоянные набеги и упорное стремление поработить адыгов.

Пройдя через это невообразимое крошево народов и племен, адыги выкристаллизовались с поразительной этнической стойкостью. Мало что позаимствовали они у разнообразных своих соседей. Окружавший мир был враждебно настроен к ним и потому неприемлем. Каждое новое соседство начиналось погромами и продолжалось бесконечными набегами. Опасность нападений непрестанно витала над адыгами. Обида, гнев и боль утрат не успевали заглухнуть, чтобы дать возможность адыгам с доброжелательным любопытством приглядеться к своим соседям. Так поневоле рождалась недоверчивая замкнутость и враждебная настороженность.

Народ вынужден был всегда и всюду быть воином. Обороняться приходилось от иноземных нашествий, от набегов феодалов из соседних племен, от разбоя местных орков - мелкодворянского сословия, главной опоры князей. Жили в постоянной готовности быстро увести свои семьи в дебри гор и лесов, едва грянет опасность. Это отучало адыгов от свойственной людям привязанности к месту поселения. Не стало у них и пристрастия к постройке больших и удобных жилищ, к украшению их. Не было места в их жизни сосредоточенному и спокойному творчеству. Все помыслы, весь уклад подчинялись постоянной необходимости защищать родной край

И даже то небольшое, что удавалось адыгам перенять у других народов, приходилось прилаживать и приспособлять к вечной борьбе за существование

Широкий бесформенный халат, который носил весь Восток, адыги переделали в черкеску. Она до пояса плотно охватывала тело, давая свободу рукам, а широкий подол ее не мешал стремительно взлететь в седло и в стужу согревал колени. Когда появилось огнестрельное оружие, вместо нагрудных карманов на черкеску нашили газыри. Газырь по-адыгски означает - "готовое", то есть готовый заряд. В каждом газыре пороха розно на один заряд. Затычкой служила свинцовая пуля, отлитая по мерке ружья владельца и обернутая в тряпицу. Газыри нашивались - повыше, почти у самого подбородка. Причем каждый газырь был прикреплен плетеной тесемкой к ткани черкески. Всадник на всем скаку, в считанные секунды мог перезарядить ружье.

Газырей было шестнадцать, по восемь с каждой стороны. Два крайних, оказывающиеся уже подмышками, в походах зачастую использовались и для - иных целей. В одном хранился сухой трут, в другом - пучок тонких еловых щепок, - чтобы в ненастную погоду легче развести огонь. Огнем для высекаания искры служил наконечник поясного ремня.

Чтобы было сподручней в бою, рукава черкески доходили лишь до локтя. Длинные рукава носили только старики.

На поясе вместо фигурных блях, ныне служащих для украшения, носили в старину на каждом боку по коробке из железа или серебра. В одной хранилась мазь, исцеляющая раны, в другой - жир для смазки оружия. И восточную саблю, изогнутую как полумесяц, адыги переделали на свой лад. В боях они убедились, что восточная сабля неудобна для самого эффективного ее назначения - прокола противника. Саблю выпрямили, сохранив лишь небольшой изгиб, удлиннили, и получилась знаменитая адыгская шашка, которая, если ударить ею с протяжкой, сечет лучше сабли и для прокола весьма приспособлена.

Односторонний изогнутый восточный кинжал адыги превратили в прямой, обоюдоострый кинжал - "камэ", а под ножнами камэ пристроили маленький острый ножичек, используемый как нож перочинный.

Большая часть жизни адыга проходила в седле. И потому широкие плоские седла, какие они видели повсюду, адыги перекроили на свой лад - создали крутое седло, с пухлой четырехлопастной кожаной подушкой, которая плотно обхватывала бедра седока, чтобы меньше уставал всадник при дальних переездах.

Удобно была прилажена и бурка в тороках. За спиной - ружье в чехле с прикрепленной к нему сошкой для прицельной стрельбы. Два козлиных бурдюка, помогающие преодолевать верхом большие водные преграды, и за седлом - кожаная переметная сума.

Чтобы защитить себя от сырости, всадники брали в дальние походы свиток из вошеной бязи и этой длинной широкой лентой в случае ненастья обертывали торс поверх нижнего белья.

Коней адыги выпестовали применительно к своим требованиям. В прошлом лошадей для упряжи не пользовались, она нужна была лишь под седло, а значит, ценилась в ней прежде всего выносливость. В этом адыги были так же требовательны к коню, как и к самим себе. В песне "Достойной матери сыны" пелось:

Когда в кольчуги порах

Вскипает пеной кровь,

Тогда мужчине впору

Смелей кидаться в бой...

Адыги старательно и искусно выхаживали коней, добываясь от них такой же неукротимости. Знатоки утверждают, что чем дальше и утомительнее путь, тем горячее становится чистокровный адыгский конь - шагдий. И еще говорят, что шагдий, проскакав наметом множество перегонов "от крика до крика", лишь глубоко вздохнет раз-другой и вновь бойко зашагает, отфыркиваясь и яростно грызя удила.

Лошадей адыги выводили не слишком крупных, но и не мелких. Рассуждали так: очень крупные кони, как правило, маловыносливы, тряски в ходьбе, больше корма требуют. А от мелких лошадей не жди большой мощи.

Породистый адыгский конь статью своей напоминал лань. Адыги так и говорили, когда хотели отметить достоинства коня: "Ланья стать, ланья неутомимость в беге". Это сходство было не случайным: выправка лани и адыгского коня складывалась, надо полагать, в сходных условиях, когда выносливость и неутомимость в стремительном беге были залогом спасения и победы. В отчаянном напряжении всех сил корпус и шея животного вытягивались в струнку

Адыги всегда предпочитали красиво выгнутой крутой шее раскормленной лошади прямую, сухую, ланью шею коня - работяги, а капризной игривости коня-баловня спокойную умную ланью зоркость. Так, по властному требованию самой жизни складывался тип адыгского всадника.

Часть первая

1

Ерстэм Залэко, оставив позади лесистые увалы абадзехских предгорий, перед восходом солнца "вступил в пределы земель темиргоевского племени. Одет он со всей строгой суровостью адыгского мужа. Однако все на нем - от крестьянской шапки с узким меховым околышем до черных сафьяновых ноговиц и чуваков из телячьей кожи, подшитых воловьей шкурой, - было новое. Лишь ножны да чехол пистолета потертые и иссечены густой сетью царапин. Видно, оделся он так не для многотрудного похода. Догадка подтверждалась еще и тем, что у него за седлом не видно переметной сумы, неизменной спутницы адыга в дальних походах.

В старину говорили, что в Абадзехии можно встретить мужчин необыкновенной красоты, а рядом с ними на редкость неказистых. Ерстэма, пожалуй, следовало отнести к разряду красивых абадзехов. Он был крупного сложения, черты лица тоже крупные, четкие. Курчавилась черная борода, красиво вились небольшие усики. В поясе тонок - как говорится, осиная талия, а в плечах широк и крепок. От всей его фигуры веяло силой и уверенностью. Внушительная мужская красота. Однако видно, что нрава он незадиристого, а скорее добродушного, во всем облике его угадывалась склонность к раздумьям и некоторой мечтательности.

Но сейчас глаза Ерстэма светились настороженной озабоченностью. Оно и понятно: земля темиргоев, где властвовали и бесчинствовали орки, не располагала к беспечной задумчивости.

Исконную вражду питали абадзехи к оркам и князьям соседних с ними племен - темиргоевцев и бжедугов. Именем орков абадзехские матери страшили детей, и дети при одном слове "орк" мгновенно затихали.

Детство Ерстэма тоже было полно ужасов, порожденных рассказами старших о злодеяниях и жестокостях орков. Почти каждый вечер приходилось ему слушать в кунацкой эти страшные рассказы. Когда отец бывал дома, в кунацкой всегда было много людей - собирались друзья отца, нередко навевались и гости из дальних аулов. В их разговорах неизменно фигурировали и орки, и князья. Да и сказки, что там рассказывались, тоже почти всегда были о них - о князьях и орках.

Подросток Тэм - так домашние уменьшительно называли Ерстэма - неутомимо простаивал целые вечера в углу или у притолоки двери, затаив дыхание слушая рассказы старших. Порой он не понимал, где сказка, а где быль, и постепенно князья и орки переплелись в его представлении со сказочными чудовищами и богатырями. И страны, где, по словам старших, обитали орки и князья, рисовались Ерстэму какими-то диковинными.

Впрочем, орки и князья не только внушали ему страх, но и обладали какой-то жуткой притягательной силой. И когда в детских мечтах своих, подражая старшим, Ерстэм отправлялся в далекие путешествия, путь его неизменно лежал в страшную и неведомую страну темиргоевцев, где ему предстояло расправиться с чудовищами-орками. Почему-то еще в отроческие годы Темиргой он предпочитал Бжедугии, и все мечтания его о мужестве и походах были связаны именно с этой страной.

И когда Ерстэм подрос и, оседлав коня, пустился в дорогу, первая соседняя страна, куда он направил свой путь, была Темиргой. Однако и Темиргой и сами темиргоевцы оказались вовсе не такими диковинными и страшными. Правда, равнинная лесостепь, где находилась страна темиргоевцев, была совсем не похожа на его родную Абадзехию, и Ерстэм почувствовал себя там неуютно и томительно. Зато темиргоевцы с первого же посещения понравились ему. Особенно по душе пришлись их свадебные игрища, степенное чувство собственного достоинства, сердечное радушие к гостям. А что совсем привело в восхищение, так это темиргоевские девушки.

И темиргоевские орки оказались на деле не такие УЖ чудовищами. Князей во время первых своих поездок Ерстэму увидеть не довелось, но орков встречал он повсюду - люди как люди, они придерживались строгих орковских традиций вежливости и были совсем непохожи на людоедов. Да и мужская стать у них что надо и доспехи добротны, ничего не скажешь.

Таковы были первые впечатления Ерстэма, когда в силу юной незрелости ума он судил о людях лишь по внешним признакам. Но как бы то ни было, на первых порах все темиргоевцы понравились Ерстэму, и он отзывался о них с восторгом. Это-то наивное восхищение и послужило причиной того, что поездки в эту страну ему пришлось прекратить, и довольно надолго.

Однажды он с гордостью рассказал отцу о том, что подружился с несколькими "замечательными" молодыми орками - темиргоевцами. Отец разгневался: "Видно, ты еще ни умом, ли мужеством не вышел, чтобы ездить по чужим краям! Дружба с орками к добру тебя не приведет!" - коротко отрезал он. И пока жив был отец, держал он Ерстэма возле себя, приучая больше к работам по хозяйству. Правда, от участия в молодежных играх, в конных и пеших состязаниях на родной земле сына он не удерживал.

Отец замечал, что Ерстэм, не в пример двум старшим, падох на славу, в состязаниях стремится показать мужество и счастлив бывает попасть на гребень доброй людской молвы. До отца, конечно, доходили слухи о нередких победах сына, но он делал вид, будто не придает значения подобному "баловству". На самом деле отец с затаенным интересом зорко следил за похождениями Ерстэма. И Ерстэм постоянно чувствовал этот настороженный догляд отца и опасался, как бы следствием его не явилось какое-либо грозное повеление или строжайший запрет. Но противопоставить свое слово отцу, спорить с ним и даже просить его о чем-либо Ерстэм не решался. Велика была почтительная робость всех трех братьев перед отцом. Ерстэм знал, какое лестное мнение распространено в народе о его отце. Отца причисляли к самым выдающим - мужам Абадзехии, не раз отличившихся в боях, когда на родной край надвигалась опасность. И как молод был Ерстэм, понимал, что, что своими небольшими победами отца ему не удивить, и всячески избегал хвастаться перед ним.

Тем не менее однажды Ерстэм все-таки допустил оплошность, которой всячески старался избежать. Как-то на большом свадебном игрище - джегу он вышел победителем во всех видах состязаний. Гордый

своим успехом, он. Не удержался и рассказал об этом отцу. Но тот короткой фразой охладил его пыл: "Кто кичится малым успехом, тот лишен истинного мужества!.."

Удивительный был нрав у отца! Ерстэм часто вспоминал его и размышлял о нем. Для него отец навсегда стал образцом истинной адыгской мужественности. К сыновьям он был не слишком суров. Крика и ругани от него никто никогда не слышал. И в требованиях своих он не проявлял глупого упрямства. Когда, бывало, сыновья высказывали нечто разумное, отец не кичился своим старшинством, а соглашался с сыновьями. Однако поблажки им не давал, был немногословен, ценил каждое свое слово.

Словом, все три брата, помимо должного почтения, испытывали к отцу большое человеческое уважение. Не было в их семье и тех неурядиц и противоречий, которые нередко возникают, когда сыновья становятся самостоятельными. Неограниченный авторитет отца, его такт и чуткость предупреждали возможность подобных недоразумений.

Перед самой кончиной, отдавая жене последние распоряжения, отец сказал: "Младший-то пристрастен к походам, так ты не неволь его. Довольно того, что хозяйством будут заниматься старшие. Неплохо, если в роду кто-нибудь станет выезжать в другие страны - может, помянут в мире и наш род. А уж как помянут, это будет зависеть от его достоинств, что сможет он проявить. Непохоже, чтобы наш младший стал бесчеловечным трусом". На страницах нашего повествования мы встречаемся с Ерстэмом в пору полного возмужания, в том возрасте, когда, как говорится, сила и разум сплетаются воедино. Он уже изъездил немало стран, и дальних и близких, и не раз представлялся ему случай в полную меру проявить и ум свой и мужество. И в родной Абадзехии, да и срединных племен шла о нем добрая молва. Он уже в полной мере познал, что такое князья и орки, и не только не искал их дружбы, но старался избегать всяческого общения с ними. Осознанно и убежденно созрела в его сердце непримиримая вражда к ним всех жителей Абадзехии.

Впрочем, и дальние страны, куда попадал Ерстэм и люди, которые там жили, их образ жизни - все это проходило словно мимо его сердца. Порой он встречал много удивительного, такого, чему можно бы и позавидовать, видел и такое, что в душе осуждал, - бесчеловечность и звериную жестокость. Но все это не затрагивало его души, и не было ему до всего этого никакого дела. Понравится ему где-то - погостит там, надоест - уедет без всякого сожаления. И знакомства, которые заводил он там, редко перерастали в сердечную дружбу, близости душевной не возникало - чужие люди...

Ерстэм напоминал в этом отношении любителей старых легенд и сказок. В чужую страну он приезжал словно в сказку, посмотреть чудеса, и покидал страну, как сказку, которую дослушал до конца. Порой он сам дивился этой странной своей непричастности.

И единственные места, где он чувствовал себя совершенно иначе, были Темиргой и Бжедугия. Только теперь он понял причину особого интереса абадзехов к этим краям. Там жил тот же адыгский народ. Земли их граничили, и то, что происходило у родственных племен, задевало и абадзехов, оттуда, из Темиргоя и Бжедугии, грозило постоянной напастью. Опасность, что деспотический княжеский строй мог захватить и Абадзехию, висела над ними тревожной тучей.

Больше всего занимали Ерстэма раздумья над основами тиранической власти князей и орков. Он не в силах был постигнуть их ни разумом, ни с простой человеческой точки зрения. Пшитлей и фокотлей, т. е. крепостных крестьян и крестьян незакрепощенных, полусвободных, было в тех странах куда больше, чем князей и орков. Так почему же они терпят такое надругательство над собой? Абадзеху трудно было в этом разобраться.

Ерстэм предпочел бы погибнуть в борьбе, чем перенести хоть одно проявление деспотизма, которому ему приходилось быть свидетелем. Он непримиримой и неукротимой карающей силой восстал бы против орков.

Так что же заставляет народ подчиняться этим извергам? Или орки обладают таинственной завораживающей силой?

Случалось, что Ерстэм с трудом удерживался, чтобы с обнаженной шашкой не кинуться против несправедливости орков. Но он понимал, что неумно одинокому всаднику пытаться установить в чужом

краю свои порядки. Это равносильно тому, чтобы, будучи гостем, в чужой семье вводить свой уклад жизни - кроме конфуза ничего получиться не могло.

2

Пограничные меж двумя племенами земли были безлюдны. Да и граница-то ничем здесь не обозначена. Вблизи этой условной черты не было ни абадзехских, ни темиргоевских поселений, словно извечная вражда отпугивала их.

По всему предгорью тянулся сплошной дремучий лес, который адыги называли "Тхачег" - "Божий кров". Кое-где встречались просторные поляны, но они не были вспаханы, на некоторых косили сено. Эти глухие пограничные места служили путями передвижения разного темного люда. Здесь проходили и потайные тропы работорговцев. Иноземных рабов возили безбоязненно, в открытую. А невольников - адыгов провозить по адыгской земле открыто боялись и переправляли их по этим безлюдным местам.

Здесь Ерстэму не раз приходилось сталкиваться с неблагоприятными людьми. Так он на деле проверил правдивость абадзехской поговорки: "На людях орки полны учтивости, а в лесу - что волки". Встретят одинокого всадника, учуют легкую добычу, и пощады от них не жди. А преступления свои, совершенные на границе, сваливали на абадзехов. Потому-то абадзехи старались никогда не сталкиваться с орками в пограничных местах.

Ерстэм, как и все абадзехи, с невольной тревогой проезжал эти места - как бы не повстречаться с злоумышленниками.

По глухой лесной дороге он выехал на какую-то большую поляну. По краям высокая трава для покоса, и лишь в середине небольшие полоски кукурузы и проса. Весна была в разгаре, и Ерстэм отметил про себя, что здешняя кукуруза уже поднялась на четверть, в то время как в Абадзехии едва достигла трех листиков. И просо здесь куда гуще и выше.

Сколько раз проезжал Ерстэм, а все никак не мог привыкнуть к здешним местам. "Как можно жить на этой равнине, чтобы глаз твой ни за что не цеплялся, блуждая по бескрайней дали. Какая тоска!.."

"И восход солнца тут совсем не такой, как у нас в горах", - подумал Ерстэм и обратил взгляд на восток. Там, перед самым восходом солнца, творилось на небосклоне чудесное смешение света и красок.

Восход на равнине каждый раз сызнава восхищал Ерстэма, и из груди его вырывался восторженный вздох. Казалось, солнце поднимается из-под черной кромки земли. А в Абадзехии восход солнца невозможно увидеть. Сначала оно позолотит вершину противоположной горы, и лишь потом, когда день уже будет в разгаре, и само покажется из-за горы, - перед взором абадзеха всегда высится какая-нибудь гора!

Зато здесь, на равнине, не увидишь чудесной игры солнечных бликов на снежных вершинах, на цветущих лугах нагорных пастбищ. Солнце Абадзехии, искрами разбрызганное по горам и долам, неповторимо прекрасно. Так думал Ерстэм.

Он проехал уже половину поляны, когда вспомнил, что сейчас перед ним должна открыться опушка, с которой дорога уходит в лес. Эта мысль вызвала тревогу. Не раз приходилось ему сталкиваться с опасностью именно на таких опушках. Особенно опасны они в Бжедугии и Темиргое, где служат засадой грабителям. Злоумышленники укроются возле того места, где дорога входит в лес, и ждут, пока путник медленно едет по поляне. Если оружие его и доспехи не вызывают соблазна, грабители не обнаруживаются и пропускают путника. Но если у всадника завидный конь, да к тому же доспехи богаты, тогда его вмиг заарканивают, грабят, и идет он дальше пешком. А молодого парня берут в плен и уводят в рабство. Таких грабителей-работорговцев именовали по-особому - "тугуруги". Разумеется, Ерстэм тоже был достаточно наслышан о тугуругах. Более того, однажды он столкнулся с ними. Но, как говорил он, рассказывая обычно о своих приключениях, "его счастье победило". На него уже набросили аркан, но Ерстэм, прежде чем

тугуруги затянули его, успел перерезать веревку кинжалом. А трех бандитов, что в ярости кинулись на него, обратил вбегств

С тех пор Ерстэм сделал вывод: самое страшное оружие тугуругов - аркан. Просто нападут - против них можно бороться. Убьют выстрелом, нет в этом для тебя ни вины, ни позора. А вот если свалят арканом наземь, сядут на тебя двое или трое, свяжут по рукам и ногам - тогда тебе вечный и неизгладимый позор. Не успеешь опомниться, как в мгновение ока станешь рабом...

Ничего страшнее Ерстэм и представить себе не мог. Если дело до борьбы дойдет, то, будь врагов много или мало, Ерстэм был уверен, что сумеет побороть их или хотя бы достойно умереть. Но аркан...

Говорят, догадка и подозрение идут впереди человека. Не успел Ерстэм подумать, не кроется ли за этой опушкой леса впереди коварная опасность, как в этот момент ему почудилось, будто у въезда в лес, походившего на черный мрачный спуск в подземелье, мелькнул темный силуэт всадника. И не только почудилось: Ерстэм уже был уверен, что въявь видел этот силуэт, метнувшийся в тени деревьев. Но, как внимательно он ни вглядывался, ничего больше не увидел.

Неопределенная, но явная опасность грозила Ерстэму. Очень уж не хотелось ему еще раз повстречаться с тугуругами. Так не лучше ли свернуть в лес по какой-либо боковой тропе? Широкая двухколейная дорога, по которой он ехал, проходила по самому краю поляны. От нее к лесу бежало множество тропинок. Одна, уже заросшая травой, колея дороги, тоже сворачивала в лес... "Кто знает, - думал Ерстэм, - возможно, эти тропинки и дорога проложены людьми, которые так же, как я, остерегались зловещей опушки?"

Тех, кто свернул с дороги во избежание опасности, Ерстэм не осуждал. "Правильно они поступили, - подумал он. - Но с ними, возможно, находились женщины и дети. Или, может быть, у них не было оружия для защиты? Иначе уважающий себя адыгский мужчина не позволил бы себе такое. Меня в темиргоевской стране знают. И если хоть один из тех, кому знакомо мое имя, разгласит обо мне новость: "Вот как мы его напугала, с дороги заставили свернуть!" - это ляжет на меня несмываемым позором! Разумно или глупо, но уж лучше пусть меня убьют или уведут в рабство. Верно, в таких случаях говорят адыги: "Или доблесть, или смерть!"

И отвергнув всякую мысль о том, чтобы свернуть с дороги, Ерстэм приготовился к встрече с опасностью.

Первым делом он сложил вдвое свою плеть и засунул ее за голенище сафьяновых ноговиц - освободив правую руку. Тут плеть не понадобится.

После того столкновения с тугуругами Ерстэм часто и подолгу обдумывал различные способы защиты от аркана. Прежде всего он пришел к выводу, что надо исключить попытку скорее проскочить через опасную зону, потому что скачущий конь лишь стремительнее затянет петлю и даже руку поднять не успеешь, как окажешься на земле. Значит, необходимо, едва почувствуешь бросок аркана, немедленно остановить коня, перерезать веревку и сбросить аркан. А для этого нужна свободная рука. Ну, а дальнейшие действия будут зависеть от твоего мужества, силы и ловкости.

Спокойным размеренным шагом Ерстэм въехал в лес. По обе стороны дороги росли могучие столетние дубы, образуя подобие мрачного затененного коридора. Приняв вид беспечного путника, продвигался Ерстэм сквозь сумрачную чащу. Он проехал уже около ста шагов, не заметив никакого движения.

Еще двести шагов, и снова никого и даже никаких подозрительных шорохов. "Как говорится, ужаленный змеей и аркана боится", - с осуждающей усмешкой подумал он о себе. Ему стало обидно и стыдно. Кажется, уже предпочел бы, чтобы на него набросили аркан и он смог бы проверить, на что способен перед лицом опасности. Не то, что же это получается: ему, как последнему трусу, мерещатся всякие страхи?

"Счастье, люди не знают, что творится у нас на душе, иначе какими тщедушными трусами мы бы им показались. Ведь нет, верно, человека, которому неведом страх, будь он хоть сверхмужественный герой..." - укорял себя Ерстэм.

Не успел он так подумать, как из глубины леса, слева от него раздался душераздирающий, короткий вопль, похожий на крик ребенка. "Уа-а-а-у!.." - сдавленно крикнул кто-то, и, словно кричащему зажали рот, голос оборвался.

Ерстэм был уверен, это крик безысходного отчаяния. Но кто же будет душить ребенка в лесной глухомани?

Да и откуда здесь взяться ребенку? Тем не менее Ерстэм не сомневался: это был отчаянный детский вопль.

Если бы тугуруга устроили здесь засаду, то Ерстэм в этот момент оказался бы в полной их власти, потому что крик ребенка заставил его позабыть обо всем на свете.

А вдруг и вправду какой-нибудь ребенок забрел в чашу леса и на него напал хищный зверь? Надо спешить ему на помощь! Несомненно, ребенку угрожает смертельная опасность!..

Ерстэм огляделся, отыскивая место, где можно было бы въехать в густой лес. Но вековая чаща с непролазным подлеском была неприступна.

Ерстэм уже хотел было спешиться, но понял, что и пешком ему не продрасться. Он каблуком ударил коня и ринулся вскачь по дороге. Вскоре он обнаружил старую, давно наезженную, но уже заросшую травой колею, уходящую в глубь леса. Ерстэм остановился в надежде услышать хоть какой-нибудь звук, который указал бы ему направление, куда ехать. Но вокруг была тишина. Казалось, даже птицы замолкли.

И лишь ступив на колею, Ерстэм вдруг заметил следы коня. Следы были свежие, примята трава не успела выпрямиться.

Внимательно взглядевшись, Ерстэм установил, что идут следы в двух направлениях: один и тот же конь, выехал из лесу и вернулся обратно. Ерстэм растерялся. "Если выехал, то зачем вернулся обратно?" Уж не следы ли это того всадника, черный силуэт которого он заметил в лесном проеме? Значит, добравшись до опушки, он вернулся шагов триста назад, и снова въехал в лес? А может, он его, Ерстэма, заметил? Почему он боится попадаться на глаза людям? Выходит, злоумышленник какой-то! Безусловно, крик ребенка и всадник, мелькнувший в тени, связаны между собой!" - решил Ерстэм и торопливо пустил рысью коня. Но вскоре он снова вынужден был перейти на шаг - над дорогой низко нависали ветви деревьев, и проехать можно было, только пригнувшись, к седлу.

Через несколько шагов, Ерстэм заметил сквозь листву всадника. В первую минуту, когда он его увидел, верховой стоял на месте, словно ожидая Ерстэма. Да, он стоял, вытянув шею, и напряженно смотрел в его сторону. Но в этот самый момент ветка заслепила глаза Ерстэма, и он вынужден был наклонить голову, а когда выпрямился, верховой уже медленным шагом двигался ему навстречу с беспечным видом.

Верховой приблизился, и Ерстэм смог лучше разглядеть его. Широкоплечий, угловатый парняга, могучего сложения, по одежде - орк. Орковская высокая шапка, темно-серая черкеска, ноговицы и выцветшие чувяки, бывшие некогда красными. Все потерто, потрепано. Уздечка и конский -нагрудник, по обычаю орков, когда-то, видно, были выкрашены корой ольхи в красный цвет, но теперь они тоже выцвели, обтрепались и выглядели весьма невзрачно. Верховой явно походил: на злоумышленника-хищника, шатающегося в погоне за добычей. Позади у него приторочены были бурка и аркан, однако ружья за спиной не видно. Пистолет и шашка - вот и все его оружие.

Он по-орковски кичливо и величаво, подняв голову, смотрел на приближающегося всадника. Его взгляд поразил Ерстэма...

Звериного-яростного взгляд ринувшегося на тебя в исступлении гнева врага Ерстэму приходилось встречать. Видел он и взгляд человека, охваченного смертельным ужасом. Но таких глаз, как у этого парняга, ему до сих пор видеть не доводилось. На него смотрел хищный зверь, готовящийся к прыжку на несчастную жертву, и в глазах его вспыхивали огоньки алчного нетерпения. Остро пронзающий взгляд, но при этом всадник старался держаться безмятежно и величаво...

Ерстэм сразу почувствовал, что намерения у него отнюдь не добрые. Вспомнилась поговорка: "Орки в лесу - что волки". Ерстэм всем существом чувствовал надвигающуюся на него опасность.

"По всему видно, что он уверен в своих силах, - рассуждал Ерстэм.- И встретившегося одинокого всадника уже считает своим достоянием... Но каким образом собирается он действовать? За оружие не хватает, а спокойно и беспечно дожидается моего приближения. Эх, что бы там ни было, а по-хорошему нам не разминуться..."

Откровенная враждебность и наглая, почти насмешливая самоуверенность незнакомца задела мужскую гордость Ерстэма, и в сердце его поднялся жаркий гнев.

"Посмотрим!.. Счастье тому, чья сила возьмет верх!.." - надумал он и решил не уклоняться от встречи. Однако условия встречи были явно неравные. Ведь Ерстэм не станет нападать первым, а значит, тот, кто затаил коварный умысел, изберет и наиболее выгодный для себя способ нападения. И вдобавок, на его стороне будет преимущество внезапности. Да и заросшая узкая колея неудобна для боя, следовательно, победа легко может склониться на сторону нападающего.

Когда они уже были в нескольких шагах друг от друга, Ерстэм движением руки молча приветствовал незнакомца. И тот тоже, без слов, ответил на приветствие.

- Мне послышался детский крик, что здесь случилось? - спросил Ерстэм, натянув поводья и останавливая коня.

- Кроме птичьего крика, я ничего не слышал! - было ему ответом.

Откровенная пренебрежительность, с какой незнакомый всадник обходился с ним, немигающий, насмешливый наглый взгляд лишь сильнее разожгли гнев Ерстэма. В сердце закипело острое желание сбить с него спесь и наглость, но он с усилием сдержался.

Ерстэм понимал, что орк откровенно врет. Теперь он не сомневался, что всадник этот имеет прямое отношение к крику ребенка. Он заподозрил, что где-то поблизости должны находиться соучастники негодяя, возможно, он прикрывал сообщников.

Но Ерстэм рассудил, что лучше сейчас не связываться с орком, а прежде всего надо выяснить участь ребенка, и в нерешительности остановился.

Тем временем противник, медленно двигаясь, поравнялся с Ерстэмом. На узкой колее, теснимо с двух сторон деревьями, трудно было разминуться, их стремени с лязгом стукнулись друг о друга. И в этот же момент орк внезапно схватил Ерстэма за запястье правой руки, с силой рванул и, отведя ее за спину, сжал на поясице. Затем он так же стремительно перехватил и левую повыше локтя. Но тут он непредусмотрительно чуть ослабил правую руку, и, воспользовавшись этим, Ерстэм вырвал свою руку и резким рывком захватил правую руку противника.

Словно соразмеряя силу своих рук, они некоторое время пытались одолеть один другого. Но сила Ерстэма взяла верх: он отвел правую руку парню за спину и, не теряя ни секунды, заломил и левую его руку, обе вместе стиснув на поясице.

Конь Ерстэма неподвижно стоял, на месте, а лошадь парня продолжала двигаться, вперед, и руки его, сжатые Ерстэмом, стали постепенно выворачиваться. Парень не выдержал, издав глухой невнятный стон, ослабил колени и спиной стал сползать на землю через лошадиный круп.

Ерстэм легко спрыгнул с коня и, прижав врага к земле, выхватил из кармана шаровар свернутый в кольцо-тонкий шильбыр - крепкий ремешок длиной в два-три метра, который адыги всегда брали в дорогу для самых разнообразных нужд, - и крепко связал ему руки. Достав еще один шильбыр, он связал и ноги.

Поднявшись, Ерстэм с удивлением поглядел на связанного парня: за все время, кроме невольного глухого стона, он не издал ни звука. И сейчас, когда дело его уже, можно считать, было конченным, он лежал

поверженный, парень даже не охнул, мало того, он не взглянул на своего противника. Словно затравленный волк, сжал зубы, не выказывал никаких признаков ярости или боли. Лежал нем и недвижим.

"А ты, хоть и негодяй, однако мужества у тебя хватает, - мелькнула мысль у Ерстэма. - Видно, знает адыгскую поговорку: "Бесполезно кричать "нана" под занесенным мечом". На мгновение Ерстэм мысленно представил себя в положении этого орка и содрогнулся: он предпочел бы смерть. В душе его шевельнулась жалость к побежденному.

- Приятель, - сказал Ерстэм, - советую тебе лежать спокойно, пока я не вернусь. Конечно, за твои злодейские намерения против меня следовало обойтись с тобою пожестче, но, так и быть, на первый раз прощаю! Однако, предупреждаю, второй раз не попадайся!.. - Он вытащил из его кобуры пистолет, заткнул за пояс и пояснил: - Это чтобы не вздумал развязать руки и выстрелить мне в спину. Ты, кажется, не имеешь привычки соблюдать человеческие правила...

Ерстэм сел на коня и по тропе двинулся в ту сторону, откуда появился орк. "У него наверняка есть сообщники..." - думал он.

Предположение Ерстэма вполне оправдалось: проехав немного, он увидел спутника своего врага. Этот выглядел совсем юнцом. Не в пример тому орку юноша был одет очень нарядно и пестро. Газыри, пояс, кинжал покрыты позолотой, тесемка от пистолета, шитая золотом, четко выделялась на новенькой темно-синей черкеске. Чувяки и ноговицы - без единой царапины, огненнокрасные.

Паренек, видимо, ничего не подозревал о том, что произошло совсем неподалеку, и верхом поджидал своего спутника. На холке коня он держал мальчика- подростка.

Ерстэму все стало понятно: этот парень - баловень родовитых и богатых родителей. А его спутник - бродяга из орков-голяков, хищник, натаскивает орковского отпрыска по их ремеслу - грабежу, воровству и наездам. Похищение малыша - первое мужское "дело" орка-юнца. Верно, подъехав к опушке леса и собираясь пересечь большую поляну, они увидели там Ерстэма и, не желая встречаться с кем бы то ни было, по этой глухой колее вернулись обратно в лесную чащу. Неопытный паренек спрятался поглубже в лесу, а его бывалый наставник расположился ближе к дороге.

Если бы им удалось украденного малыша доставить в Крым и продать в рабство, они выручили бы изрядное количество мануфактуры, и слава о юном орке широко разнеслась бы по родному краю. Возможно, о нем даже упомянули бы в хвалебной "Песне многих мужей":

Из похода возвращается герой, Целый воз добычи он везет домой...

Ерстэм неторопливым шагом направился к юноше, который широко раскрытыми глазами смотрел на него. Паренек, видно, недоумевал: кто он, подъезжающий к нему всадник? Враг? Но тогда он не мог бы не встретиться с его спутником - а о силе и доблести своего наставника он был высокого мнения. Друг, пожелавший присоединиться к ним? Но он никогда его не сидел...

- Парень, - обратился Ерстэм к юноше самым мирным тоном. - Ты, должно быть, орк. Не знаю, известно ли тебе правило, существующее между орками: когда вот так, орк с орком встретятся, принято без лишней ссоры возвращать похищенное. Мы встретились с тобой, и ты должен вернуть мне этого малыша. Паренек еще некоторое время продолжал стоять молча, словно в шоке. Наконец, до его сознания стало доходить происходящее, - он сбросил малыша наземь, а сам, как "настоящий мужчина", схватился за рукоять шашки. Но Ерстэм внушительным голосом остановил его:

- Оставь в покое оружие, дружок, оно тебе пользы не принесет! Это не детская игрушка...

Юноша, видимо, внял словам и тотчас же убрал руку с рукояти шашки.

- Судя по тому, что ты начинаешь наше знакомство, хватаясь за оружие, между нами может произойти неприятная стычка. Потому дай-ка сюда пистолет, - продолжал Ерстэм и, обращаясь к мальчугану, испуганно стоявшему на обочине тропы, добавил: - Малыш, подойди-ка к нему и вытащи пистолет. Не бойся!

Но малыш нерешительно мялся.

- Возьми, возьми, эго дело - пистолет! - произнес юноша и сам принялся вытягивать дратву, которой была закреплена крышка на кобуре пистолета.

- Я говорил, что тебе лучше не братья за оружие! - уже более сурово повторил Ерстэм и, подбегав, вынул у юноши пистолет. - А теперь идем, я помогу тебе найти твоего спутника. Становись впереди меня. А ты, малыш, следуй за мной, обратился он к мальчику. - Ваш аул далеко отсюда? Ты сможешь сам найти дорогу?

- Наш аул близко, если отпустишь, доберусь! - бойко выпалил мальчуган.

- А верхом умеешь ездить?

- Умею ли ездить верхом? - обиженно воскликнул мальчонка. - Зачем спрашиваешь?!

- Э, оказывается, ты настоящий мужчина!

Ерстэм подвел молодых людей к связанному парню. Ют уже лежал навзничь, однако даже не взглянул на своего подопечного и не произнес ни слова.

- Малыш, иди поймай того оседланного коня, - приказал Ерстэм мальчику и обратился к оркам: - Одного коня отдаю малышу, во искупление страданий, которые вы причинили ему. Ваши пистолеты беру с собой, не уверен, что вы, налетчики и грабители, не станете стрелять мне в спину. А теперь, как говорится, будьте здоровы и благополучны! - прибавил он, криво усмехнувшись.

Ерстэм сам усадил малыша на орковского коня, пустил его впереди себя, и они тронулись в путь.

3

- А ты рысью можешь, молодец? - опросил Ерстэм, сбоку подъезжая к малышу.

- Конечно! - ответил тот, уже оправившись от потрясения. - Папа меня часто сажает верхом на нашего вороного. А он здорово скачет, я на нем всех товарищей перегоняю.

- О, да ты, выходит, бравый наездник! - усмехнулся в усы Ерстэм. - Тогда давай рысью, надо скорее отъехать подальше от твоих врагов.

Однако, когда они пустили коней рысцой, малыша стало сильно подкидывать - короткие ноги не доставали до стремени. Ерстэм остановил его, укоротил стремяна, и малыш, браво приподнимаясь, ловко поскакал вперед.

Отъехав довольно далеко, Ерстэм снова перевел коней на шаг и принялся расспрашивать малыша:

- Аул ваш далеко?

- Нет, не очень. Проехать еще столько, сколько мы проехали, свернуть налево, а там уж совсем близко. А ты не бывал в нашем ауле? Никогда не заезжал в Джеджанэ?

- Кому принадлежит ваш аул, князю или тлехотлешу?*

- Тлехотлешу. Крестьян у него немного, в ауле больше фокотлей.

- А похитителей своих ты знаешь? Видел их раньше?

- Сроду не видал. Младший говорит по-нашему, старший как-то странно.

- Они тебя из аула украли?

- Нет, я нес еду чабанам. По дороге они на меня напали и схватили. Это было на рассвете. - И, словно испугавшись даже воспоминания, малыш быстро оглянулся и прибавил: - Ух, эти!.. Свирепее их нет на свете! Когда я закричал, мне в рот затолкали тряпку, я чуть не задохнулся.

*Тлекотлеи - второе по знатности и значению после князя сословие

-Кому ты еду нес? У вас есть овцы?

-Отцу нес... Это общая отара, она принадлежит трем семьям и пасут ее три чабана - по одному человеку от каждой семьи.

-Так много овец, что нужны три чабана?

-Наших там около ста овец. Стадо не такое уж большое, но если не будет чабанов, орки его расхитят.

-Так ты из фокотлей, выходит?

-Да...

Вскоре они въехали в лесостепь, тут уже места пошли более обжитые. На пересекающихся наезженных дорогах слышался визг колес, катились деревянные арбы.

Им повстречались два всадника - по одежде и обличью фокотли. Они пристальным взглядом окинули босоногого мальчишку, который ехал верхом на отличном, богато оседланном коне. Даже проехав, несколько раз оглянулись.

Ерстэм забеспокоился: "Если фокотлей так удивило, что малыш едет на добром коне, то как же на это посмотрят орки?"

Он не знал, как быть с малышом. Не хотелось, чтобы его видели в ауле рядом с мальчиком, едущим верхом на чужом коне. Да и огласка о его столкновении с орком была ни к чему. А фокотли, конечно, начнут выражать бурную благодарность за спасение ребенка, начнутся торжественные застолья. Орки же проникнутся к нему мстительной враждой. Зачем Ерстэму в чужой стране лишние недруги?

Интерес, что проявили эти два всадника к малышу, не на шутку встревожил Ерстэма. Он стал сомневаться, разумно ли отпустить его одного.

Их дорогу пересекла другая, хорошо наезженная. Малыш натянул поводья и остановил коня.

- Здесь нам нужно свернуть, - сказал он. - Эта дорога ведет в наш аул.

Путь Ерстэма лежал в противоположную сторону, и он в нерешительности остановился.

- А где отара твоего отца? - спросил он.

- Тоже сюда, в сторону нашего аула.

- Тогда вот что, дружок, отправляйся-ка ты прямо к отцу на пастбище. О случившемся расскажешь только ему и больше никому ни слова. Не то, если хабар пойдет по аулу, он может дойти и до того жестокого орка, что похитил тебя. А уж он найдет след своего коня и до тебя доберется. Понял, какая опасность грозит тебе? А твой отец придумает, как лучше поступить с чужим конем. Ехать старайся не по людной дороге, а укромными обочинам. Если кто-нибудь из встречных спросит, откуда конь, скажи так: "Какой-то путник послал меня на своем коне за провизией". Больше ничего не говори, понял?

- Понял, но... - замялся малыш. - Разве ты не заедешь к нам в гости? Отец разгневется; "Такого всадника не пригласил в дом!" Он в этих делах очень строг. Всегда наказывает: если встречный спросит меня о чем-

нибудь, я первым долгом должен сказать ему: "Кеблаг" - пожалуй в гости. А я до сих пор не догадался сказать тебе "кеблаг". Узнает отец, шкуру с меня спустит. Так вот, я прошу тебя - кеблаг! Если не в аул" то хотя бы к отцу, на пастбище.

- Да обогатит бог ваш дом! - ответил Ерстэм торжественно, по всем правилам, и, чуть улыбнувшись, добавил: - Если бы я не торопился по делу, непременно погостил бы у такого бравого мужчины, как ты. Замечательный парень, а вот один промах допустил.

- Какой же? - встревоженно воскликнул малыш.

- Забыл адыгский обычай и не уступил спутнику, что старше тебя, правую сторону дороги. Малыш, всерьез сконфуженный, покраснел.

- Эх, и это забыл!.. Прошу тебя, если когда-нибудь встретишься с моим отцом, не говори ему. - Я не потому напоминаю об этом, что осуждаю тебя. В нынешних обстоятельствах не мудрено забыть и что-нибудь более важное. Впредь не ошибайся! Да, чуть не забыл: эти два пистолета тоже передай отцу. Но кроме отца никому их не показывай! - проговорил Ерстэм, отвязал бурку, принадлежавшую орку, завернул в нее пистолеты и приторочил обратно. - Доброго пути, малыш!

Ерстэм смотрел вслед удаляющемуся мальчику и думал: "Судя по тому, как отец воспитывает малыша, он, должно быть, настоящий адыгский мужчина. А темиргоевские фокотли, оказывается, такие же, как и наши абадзехи. Удивительно... Разные племена, а нравы и обычаи похожи... Но их орки... как узнать, что они за люди?.. Вот, к примеру, тот, с которым я сегодня повстречался. Как он величаво, достойно и вежливо ответил на мое приветствие! И как мгновенно обернулся беспощадным хищником! В мужестве ему не откажешь. Готов испустить дух без единого стога. Но какова цель подобного мужества? Хорошо, что моя сила взяла верх, не то бы мне несдобровать!.. Хм!.." - усмехнулся про себя Ерстэм, повернул коня и поехал своей дорогой.

Чем дальше, тем дорога становилась многолюдней. Визжали колеса, цокали копыта...

На одном отрезке пути встречных стало особенно много, верховые - группами и поодиночке, вереницы арб - все двигалось вперемежку. На арбах - женщины, и с ними парни-погонщики. Тут же лежали связанные барашки, корзины, сундуки, кошелки. Попадались и арбы, к которым сзади были привязаны годовалые бычки, а некоторые ехали в сопровождении всадников. Похоже, что все они направлялись в один аул, на какое-то торжество, вероятнее всего - на свадебный джегу.

Ерстэму не раз приходилось съезжать с дороги, чтобы уступить путь арбам. Всадников он рассматривал внимательно, с откровенным любопытством. По обличью фокотли не смешивались с орками. Такого резкого различия в Абадзехии не увидишь.

Первый признак орка - его конь. Поджарый и худощавый, натренированный для постоянных разъездов. Потом высокие шапки, которые орки надевали в дорогу.

А главная примета - сафьяновые ноговицы и чувяки. При выездах в другие аулы или на торжества орки надевали обувь из красного сафьяна. У княжеских племен темиргоев и бжедугов существовал закон: фокотли и пшитли не имели права носить обувь красного цвета.

Но Ерстэма более всего занимало несходство характера и повадок орков и фокотлей. Орк в седле держался надменно и сурово - с полным сознанием, что он - господин. А в глазах его неизменно - выражение острой неприязни к выходцам из народа. Он, орк, - особой крови и особой кости!

Поведение фокотлей напоминало Ерстэму повадки человека, пробирающегося через враждебный лагерь. Лишь бы орк не прицепился, лишь бы не иступить с ним в стычку и не нажить беды - мстительной вражды или обременительного штрафа. Спокойный, чуть скептически" и печальный взор фокотля всегда опасно настроен...

И сам Ерстэм, попадая, в Темиргой и Бжедугию, чувствовал себя словно во вражеском стане, возникало стремление во что бы то ни стало избежать ссоры и неприятностей. Похоже, что темиргогвским фокотлям приходится всю жизнь проводить в непрестанном ожидании беды.

Два верховых, явно орки, громко смеясь, неслись на рысях навстречу Ерстэму. Показавшись из-за поворота и увидев внушительного всадника - Ерстэма, - парни вдруг приумолкли, приняли благовоспитанный вид и, переведя коней на шаг, проехали мимо, исподлобья внимательно разглядывая Ерстэма, как говорится, с ног до головы. Когда они уже разминулись, до Ерстэма донеслись слова одного из них: "Важный всадник, но, видимо, слишком - плотно позавтракал..." И они громко расхохотались.

"К чему бы он это сказал, что он имел в виду?.." - смутился и удивился Ерстэм. Когда парни скрылись из виду, он принялся придирчиво осматривать себя. "Живота у меня нет, что же дало ему повод сказать такое?" - думал он. Но, взглянув на черкеску, ахнул: оказалось, у него чуть пониже груди оборвались три петли на плетеных кавказских пуговицах, и черкеска на этом месте раздвинулась, как жабий зев.

"Ох, какая неприятность! - не на шутку огорчился Ерстэм, - Дал повод орковским балагурам посмеяться над собой! Какой острый глаз у этого негодника и что за ядовитый язык!"

Вконец огорченный и сконфуженный, Ерстэм потрогал рукой прореху. Еще собираясь в путь, он заметил, - что петли на этих пуговицах ослабли, но в этот момент некому было их заменить. Сестренка ушла в гости к бабушке, а просить мать, у которой к старости глаза совсем ослабели, он не решился. Побоялся, что укорит его: "А почему жену не заставляешь смотреть за одеждой?" И старших двух снох не стал просить, опасаясь такого же ответа.

"Они правы, - думал Ерстэм, - кому же следить за исправностью моей одежды, как не жене!". Однако он не захотел и к ней обратиться - в те дни между ними произошла крупная ссора. "Ладно, если, случаем, оторвутся в дороге, сам как-нибудь починю", - решил Ерстэм.

И вот неприятность, которой он и опасался, произошла. По-видимому, эти петли порвались, когда он боролся с тем негодяем. Как бы там ни было, но появляться в таком виде на людях недопустимо. Может, в доме, где остановится, будут молодые женщины, попросить их? Нет, нельзя. Наверняка они тоже воспримут это как последствие обжорства. Так или иначе, придется починить самому. "Сверну ка с дороги в лес и там, как бобыль, займусь починкой".

"Ох!" - горько вздохнул Ерстэм. Заныла застарелая рана его души, тайное горе его жизни. И женатый, он одинок. "Женился, бравый мужчина, на княжне - вот и хлебай лиха!" - произнес он вслух, укоряя себя. Да, в этом деле он совершил непоправимую ошибку. Подвело стремление уподобиться героям сказок, чьи судьбы всегда заканчивались доброй присказкой: "Взял в жены прекрасную княжну и стал жить да поживать счастливо и богато". По молодости и неопытности не подумал о том, как прижиться избалованной княжне к крестьянской семье.

Выходило, будто он похитил княжну, а на деле княжна сама побудила похитить ее...

Когда родители пытались отнять у него свою дочь, надо было добровольно отдать ее. Тем более что с первых же дней женитьбы убедился в своей ошибке. Но как согласиться, как допустить, чтобы распространилась молва, будто у Ерстэма Залэко отняли жену!

Во всей Абадзехии не одобряли его женитьбы. Но когда дело совершилось, все соплеменники стали за него горой против бжедугских князей, пытавшихся забрать у абадзеха жену. Князья - родители прислали посредников, чтобы те передали: "Пусть лучше подбру-поздорову сам отправит домой нашу дочь, иначе дело добром не обойдется!" - И вся Абадзехия возмутилась: "Если бжедугские князья так удалы и могучи, пусть силой забирают свою дочь, ставшую женой абадзеха!" - таков был ответ абадзехского племени. Много шуму тогда поднялось, но бжедугские князья так и не решились силой отнять девушку.

Да, недаром адыги говорят: "Кто желает несчастья своему дому, пусть женится на княжне..."

Ерстэм поднялся на вершину холма у долины Етако, и лес кончился. Открывшуюся перед его взором широкую лощину уже не назовешь поляной, - поле, луга, пастбища. Посередине петляла речка-грязнуха

Етако. И дальше, за реку, до самого леса, черневшего на взгорье далекого холма, простиралась эта зеленая лощина, лишь кое-где росли отдельные могучие деревья, остатки былых лесов.

Выехав на солнечное поле, Ерстэм спохватился, боясь показаться на свету с расстегнутой черкеской, торопливо вернулся под Сень деревьев, отыскал небольшую полянку и спешился.

Он снял с себя оружие, потом черкеску. Отвязал небольшую кожаную сумку, где возил мелкие дорожные принадлежности, забрался рукой в мешок, и на его лице изобразились испуг и озабоченность, как у человека, который не обнаружил в кармане денег. Он торопливо шарил в сумке и, не находя того, что искал, поспешно высыпал наземь все содержимое. Обнаружив среди прочих мелочей, лохматый лоскут медвежьей шкуры, он быстро поднял его и некоторое время благоговейно подержал на ладони, поглаживая рукой. Ерстэм продолжал что-то напряженно искать глазами. Белый клык борова! Он всегда и всюду возил его с собою, и вот клыка не оказалось! Охваченный суеверным страхом, он сидел молча. Неужели потерял талисман бога лесов? Потому-то, верно, едва въехал он в страну темиргоев, началась неприятные приключения. Все понятно - бог лесов разгневался на него!..

И вдруг он вспомнил: перед самым отъездом он, по привычке, решил проверить содержимое сумки, выложил все, перебрал. Ясное дело, забыл положить обратно. Если так, не беда. Нет на свете человека, который бы ничего не забывал. Бог лесов, пожалуй, не осудит его...

Ерстэм облегченно вздохнул. Он приподнялся и, став как на молитву, держа в руках клочок медвежьей шкуры, вознес мольбы: "О Мазитх! О Зекотх! Молю вас простить мне эту забывчивость! Прошу облегчить мой путь, уберечь от дурных людей и злых зверей! Помогите мне одолеть врагов!"

Успокоенный и умиротворенный, Ерстэм снова опустился наземь и принялся перебирать содержимое кожаной сумки. Отобрал что-то завернутое в вошеную тряпку и осторожно развернул. Там оказались шила разных размеров, несколько мотков ниток, куски дратвы, кусочки сукна. Нашелся и маленький сверточек, в котором было несколько иголок.

Ерстэм принялся за починку злополучных петель.

4

Окончив работу, Ерстэм аккуратно уложил все вещицы в мешок, облачился в доспехи и только собрался сесть на коня, как со стороны лощины до него донеслись крики и ругань. "Что еще случилось? Неужели боги совсем разгневались на меня и решили обрушить на мою голову все неприятности?!" - встревожился Ерстэм. Так не хотелось снова влезать в какую-нибудь стычку на темиргоевской земле. Однако он быстро вскочил на коня и поскакал.

Голоса становились все громче, и постепенно Ерстэм стал различать отдельные слова. На краю леса он остановил коня и из-за деревьев взглянул на лощину. Неподдалеку от него паслось большое стадо овец.

Под старым развесистым одиноким дубом, гордо выпрямившись, стоял чабан, крупный мужчина, с черной окладистой бородой. Его выцветшая бурка пестрела черными заплатами, на голове - круглая крестьянская суконная шапка. А перед ним, грозя и ругаясь, стояли два верховых, по всему видно, что орки.

- Негодяй! - кричал один из орков. - Ты хоть и пшитль, а все же адыг, значит, должен понять, олух: компания всадников остановилась в лесу на отдых, им требуется две овцы!

-Я прекрасно понимаю, о чем вы говорите, - возражал чабан, как свойственно сильному человеку, спокойно и с достоинством. - Так поймите же и вы меня. Я всего лишь пшитль и пасу господских овец. Взять из гурта хоть одну из них я не волен.

- Или ты, дурья голова, не знаешь адыгского обычая!? Из первой же отары, что встретится путникам, им должны дать овец, - не пропадать же с голоду?!

- Я не знаю такого обычая. Меня поставили охранять и пасти овец, а не раздавать их. Если мой господин, хозяин отары, прикажет, я хоть все стадо отдам.

- Ох ты, болван, где это видано, чтобы путники целый день искали хозяина отары, оставаясь голодными?!

- Не слышал я о таком обычае, чтобы пшитль - крестьянин своего господина - был вправе раздавать по собственному усмотрению господских овец, - повторил чабан. - Наоборот, мне велено охранять их, без единой потери!

В спор вступил и второй орк: - Много болтаешь, отдай-ка лучше овец "по-доброму... Иначе!.. - Только через мой труп вам достанутся овцы! - упрямо и спокойно ответил чабан.

- Будешь болтать, дождешься беды, негодяй! - окончательно рассвирепел первый орк.

-Если господа не досчитаются овец, они меня бить: будут, а если я вам не отдам овец, вы меня тоже побьете! Так не все ли равно, от кого терпеть побои? Ну, а уж если вы решили отнять у меня овец силой, давайте сыграем в войну! - насмешливо отвечал чабан и вытянул вперед свой посох.

- Да что это мы разрешаем болвану болтать в полную глотку! - воскликнул второй орк, ударил коня и, подлетев к чабану, с силой хлестнул его плетью.

Тут и чабан грозой обернулся: отступил на несколько шагов, молнией метнулся вперед и принялся посохом колотить орка. Он кружился вокруг всадника, недосыгаемый для плети, продолжая дубасить его что есть силы. Орк выхватил шашку и попытался широким взмахом перерубить посох. Но чабан выбил у него из рук шашку.

"Ну и молодец этот пшитль!" - восхищенно произнес Ерстэм. Но то, что он увидел, заставило его умолкнуть: взбешенные орки выхватили пистолеты, а чабан достал из-под бурки лук, наложил стрелу и "крикнул:

- Того, кто первым вздумает выстрелить, стрелой свалю с седла! Именем ваших отцов заклинаю, оставь те меня в покое!

Ерстэм позабыл свое решение не вмешиваться в дела темиргоевцев и, хлестнув коня, с места в карьер ринулся к месту стычки.

Завидев скачущего всадника, похожего на орка, верховые опомнились, вложили пистолеты в кобуру, а тот, чью шашку выбил чабан, свесился и, быстро подняв ее, вложил в ножны.

- Какой позор! И все из-за каких-то двух овец! - подсакав, крикнул Ерстэм.

Парни пристыженно опустили глаза.

- Дело не в овцах, - сказал один из них. - Этот олух пытается выставить против нас свое чабанье правило.

-Что же неправильного вы усмотрели в его словах?

- Ты, верно, не адыг - не знаешь наших обычаев!

- Обычаи вы знаете не хуже меня и все же нарушаете их! - сурово продолжал Ерстэм.

- А если тебе известны адыгские обычаи, как можешь ты заступаться за того, кто отказывает путникам в дорожной провизии?

- Все правильно, путников полагается угощать, но это может сделать лишь сам хозяин. - Ерстэм обернулся к чабану и опросил: - Чья это отара? - Альджеруковых. Я их крестьянин, пришла моя очередь, и я целую неделю пасу господских овец. Ты, наверное, слышал об Альджеруко - тлекотлешах? Аул Альджерукай - это их аул, - пояснил чабан, пряча лук.

- Альджеруковы, говоришь!.. - с испугом проронил один из орков.

- Надо было так сразу и говорить, олух несчастный! - окрысился другой.

- Альджеруковы мне знакомы, - сказал Ерстэм. - Оба брата очень строгие и горячие. Если узнают, что вы напали на их чабана, не простят!

- Разве этот дурак-человек, чтобы из-за него Альджеруковы обиделись?! Большое дело, обругали какого-то пшитля! - попытался оправдаться один из орков.

А еще утверждаете, что знаете темиргоевские обычаи! Ничего вы не знаете! Орк волен поступать со своим пшитлем, как захочет, но если чужой обидит его пшитля, он тем самым оскорбит и орка. Как вы сможете теперь умиловить Альджеруковых? - все настойчивее спрашивал Ерстэм.

Попутали нас, сказали, что эти овцы принадлежат фокотлям... Поняв, что дело тут не шуточное, если речь идет о фамилии тлекотлешей Альджеруковых, молодые обормоты перепугались и поспешили ретироваться.

Проводив глазами всадников, удаляющихся крупной рысью, Ерстэм и чабан весело переглянулись. Ерстэм улыбнулся чабану. И чабан ответил ему спокойной, учтивой и добродушной улыбкой - всем широченным крупным лицом улыбнулся - словно душу раскрыл Ерстэм у.

- Вот такова наша жизнь!.. - со вздохом - проговорил чабан, выпрямился и, приняв торжественную осанку, - продолжал: - Ты хоть - по виду схож с орками, а по поступкам, надо думать, абадзех.

Спасибо тебе. У адыгов не принято расспрашивать путника, кто он, куда и откуда едет, и я не опрашиваю тебя об этом. Но, кто бы ты ни был, - ты гость, милости просим, посети наш шалаш! Поглядев в ту сторону, куда указал чабан, Ерстэм примерно на расстоянии одного крика увидел кошару, крытый соломой плетеный большой сарай и загон для овец, огороженный высоким плетнем. Возле плетня на четырех столбах поднималась вышка, увенчанная маленьким шалашом.

- Да обогатит бог ваш дом! - сказал Ерстэм, спешился, подошел к чабану и поздоровался за руку.

Теперь Ерстэм мог повнимательнее разглядеть его. Не в пример неприглядной одежде - лохмотья латанные, лоскут на лоскуте, - чабан показался Ерстэму мужчиной достойным и привлекательным. Рослый, богатырского сложения.

Но больше всего Ерстэма занимало то, что он, подневольный пшитль, не сгибается униженно перед гостем, а встречает его приветливо и радушно, как хозяин.

- Ты один пасешь столько овец? - спросил Ерстэм, окинув взглядом рассыпавшееся по лощине большое стадо. - У тебя ни людей, ни собак...

- Мой напарник отправился за провизией в аул. Со бак я запер в загоне, чтобы дали знать, если кто заберется на - кошару. Кеблаг, милости просим! Если не можешь долго погостить, отдавай нашей соль-каши. Хотя я и сказал, что мой напарник отправился за провизией, это вовсе не значит, что нам нечем угостить гостя. Пожалуй в шалаш! Если не досыта ублажим, то и голодом не уморим.

- Нет, спасибо! - отклонил его приглашение Ерстэм.

- А ты мужественно себя вел, не дал спуску оркам.

- Какое у нас мужество! Когда неумогу придется, делаем вид, что сопротивляемся. А что толку? Мы - пшитли, нас даже человеческого звания не удостоивают, где уж тут проявить доблесть! Безысходная печаль омрачила лицо чабана, и он отвел взор.

- Верно, вы в большой беде... - начал Ерстэм, но тотчас же оборвал себя и, помолчав мгновение, спросил: - По дороге мне встречалось много арб и всадников. Куда они направляются? На похороны или свадебное торжество?

- Они, верно, едут в наш аул, на большой свадебный джегу.

- Если на торжество стекается столько народу, верно, свадьба в родовитой семье?

- Семья из фокотлей, а невеста - княжна.

- Как же это - фокотль и княжна?!

- Всякое бывает. В Темиргое порой и фокотлю присваивается звание орка. Как только не изощряются князья и орки, чтобы одурачить и покрепче приручить фокотлей. Вот и сейчас один из княжичей Болотоковых женится, так он невесту свою поселил почетной гостьей в фокотлевской семье. Семья-то хоть и фокотль, но сильная, многолюдная. Князю - выгодно породниться с такой... Большие торжества в нашем ауле, семидневный джегу. Завтра последний, седьмой день. "Танец одной девушки" будет исполнен. Поэтому, наверное, люди туда и хлынули.

-А что значит - танец одной девушки? Что-то я в нашей Абадзехии такого не слышал.

-В Темиргое девушке, которая славится красотой и достоинствами, предоставляют право одной исполнить на джегу почетный танец.

- Красивый обычай. Хорошо бы посмотреть... - не решительно произнес Ерстэм.

- Так в чем же дело? Ты верхом, волен распоряжаться собой, вот и поезжай.

- Являться чужому гостю - удобно ли? Я в ауле вашем никогда не бывал...

- Что ж тут такого? Не у кого остановиться, пожалуй к нам домой - там тебя мой старшим брат радушно встретит. Если, конечно, не погнушаешься быть гостем пшитля.

- Там, где есть адыги, без пристанища не останешься. Но ведь я по делу еду... - Ерстэм подумал, постоял в нерешительности и вдруг добавил: - Нет, не разумно было бы пропустить столь интересное зрелище. Как проехать в ваш аул?

-А вот дорога, что идет вдоль леса, - указал рукой чабан, - и приведет тебя туда. Аул наш - Альджерукай. Его еще именуют Улепсын. Возле аула, на берегу речонки Ульки был некогда большой ключевой источник, от него и пошло это название.

- Далеко?

- Нет, совсем близко. Отсюда не более десяти "криков"* будет.

Ерстэм уже взялся было за луку седла, собираясь сесть на коня, но, словно вспомнив что-то, снял руку и спросил:

- Эти два пария вашего края люди?

- Я никогда их не видел. Негодяи они, и нежелательно было бы вновь повстречаться с ними. Это про таких говорят: "Да сохранит тебя от них Емыш!"

Ерстэм удивленно вскинул брови, с усмешкой спросил:

-А тебе не возбраняется поминать Емыша? Говорят, вы, темиргоевцы, по велению крымского хана приняли религию ислама.

-Приняли, правда, наши князья свирепствуют, заставляя людей исповедовать эту веру. Но... мы привыкли к старым богам. Для нас, чабанов, лучшего бога, чем наш Емыш, не сыскать. Новый бог принадлежит князьям и оркам, и мы от него никакой доброты не видим. А разве вас, абадзехов, не заставили принять новую веру?

- Нет, мы не подчиняемся крымскому хану и богов своих не меняем.

- Счастье вам, что нет у вас ни князей, ни орков.

- А вы разве не можете их прогнать?

- Что, мы?.. Не в нашей это воле...

*"К р и к" - расстояние, на которое слышен крик человека

5

Ерстэм никак не мог привыкнуть к расположению темиргоевских аулов и чувствовал себя в них как в западне. Не таковы абадзехские аулы! Абадзехи любят селиться просторно, враскидку, и аулы их обычно тянутся вдоль долины реки или по ущелью. А темиргоевцы живут скученно, словно стадо во время полуденного отдыха. Аулы крупные, а въездов мало. Две-три улицы, по которым можно попасть в аул, и те так извилисты, так запутаны, что трудно в них разобраться. С Ерстэмом не раз приключалось - думает, что по улице едет, а попадает в чужой двор или упирается в чьи-то ворота.

Аул Альджерукай, куда он приехал, был именно такой. Довольно крупный аул. Околица окружена непроницаемым крепким плетнем, почти доверху утыканным колочками облепихи.

Но тут Ерстэм увидел такое, чего до сих пор в аулах не встречал - перепончатую узкую вышку минарета. Деревянный лук полумесяца, увенчивающий минарет, напомнил Ерстэму крымские поселения...

Он без труда отличал орковские дворы от фокотле-крестьянских. У орков перед домом простиралась травянисто-зеленая обширная лужайка. Хозяйственные постройки и загоны для скота отнесены далеко на задворки. И еще один отличительный признак: у ворот орка обязательно вкопана ветвистая коновязь.

У фокотлей подворье куда более скученное, сапетки, зернохранилища и хозяйственные постройки расположены почти у самого дома. Неизменная у адыгов, поросшая травой площадка, значительно меньших размеров.

День клонился к вечеру, крестьяне возвращались с поля, и аул огласился пронзительным визгом - скрипели колеса деревянных арб.

Во дворах мелькали люди, больше женщины, они несли медные котлы, дрова или воду. Ерстэму попадались на глаза оборванные, унылые фигуры рабов и рабынь, напоминавшие жуткие призраки. А в некоторых дворах, преимущественно орковских, возле кунацких или конюшен виднелись праздные, затянутые в черкеску мужчины. Вдруг внимание Ерстэма привлек какой-то парень. Облокотившись обеими руками на плетеные ворота, он стоял в глубокой задумчивости. Однако увидев Ерстэма, поспешно выпрямился и некоторое время напряженно вглядывался в незнакомого всадника, затем быстро отворил ворота и вышел на улицу

- Кеблаг, Ерстэм Залэко! - проговорил он, идя навстречу Ерстэму

Тот удивленно смотрел на парня. Первое, что бросалось в глаза, - его брови, черные, необыкновенно широкие и густые, без изгиба смыкающиеся на переносице: - и нависшие над глазами. Под их тяжестью и взгляд парня качался очень суровым

И Ерстэм не мог понять, радушно или формально произнес он гостеприимное слово "кеблаг", ни один мускул не шелохнулся на его непроницаемо суровом и загорелом лице

- Да обогатит бог ваш дом! - отвечал Ерстэм, не останавливая коня.

Парень сделал два шага вперед и повторил чуть громче:

- Ерстэм, если ты не ищешь приюта у орков или баев, милости просим, кеблаг, будь нашим гостем!

Ерстэм придержал коня и с нескрываемым интересом поглядел на парня. И в самом деле: когда он приезжал в Темиргой, всегда получалось так, что останавливался в состоятельных семьях, будь то фокотли-

или армянские купцы, с которыми он вел дела. "Не с умыслом ли он это говорит? - подумал Ерстэм. - Не упрекает ли за то, что я общаюсь только с баями?"

Слова пария за живое задела Ерстэма, и он ответил, вкладывая в свои слова особый смысл: -Ни орков, ни богатых я -не ищю. Я ищю достойного человека!..

Парень, смутившись, опустил глаза.

- Не смею утверждать, что заслуживаю этого звания, - произнес он смягчившимся голосом. - Недаром говорят: "Быть человеком нелегкая доля". - Впервые по его лицу скользнула мягкая улыбка. Взглянув на Ерстэма, он добавил: - Если мы и не достойные люди, то уж сердцем чисты и будем рады, если ты пожалуешь к нам.

- Ну, раз ты понимаешь, что такое быть человеком, и от чистого сердца говоришь "кеблаг", мне этого вполне достаточно, охотно погощу у тебя. - Ерстэм быстро спешился. Парень кинулся к нему и принял поводья.

В этот момент по улице с визгом проехала арба, наполненная свежескошенны сеном. Ведя волов за поводок, впереди шел старый, дряхлый унаут - раб. Ерстэм застыл, уставившись на старика скорбным взглядом. Разумеется, он не впервые увидел раба, но каждый раз их жалкие фигуры поднимали в сердце Ерстэма тягостные раздумья. И у абадзехов тоже встречаются семьи, где есть один или несколько рабов-пленных на войне или купленных. Но благодаря их укладу жизни, раб вскоре становился у абадзехов как бы членом семьи. А в Темиргое и Бжедугии рабы навсегда остаются рабами и больше напоминают призраков в человеческом обличье. Все людское им чуждо.

Вот и этот старик, что плелся впереди волов, - даже не вспомнил, что положено приветствовать людей. Горестно сгорбившись, он, как и те изнуренные волы, которых он вел, едва тащился, шаркая по пыли дырявыми чувяками. Ни надежд, ни мечтаний, ни чувства человеческого достоинства... На нем, видно, брошенная орком, старая черкеска с изодранными полами, словно их терзала целая свора собак. Нижнего белья, разумеется, нет - седые волосы на груди курчавятся из-под черкески. На голове старая, изодранная смушковая шапка.

В глазах Ерстэма отразилась боль, и парень, наблюдавший за ним, заметил это и, вздохнув, сказал с горечью: - Орки мечтают и нас, фокотлей, сделать такими же!

Вслед за своим провожатым Ерстэм вошел во двор. Небольшая травянистая лужайка перед домом чисто выметена. Строения довольно скучены, два зернохранилища, курятник, загон для скота почти вплотную примыкали к жилому дому. Большая часть подворья - под огородом, который разделен на две части - большой и малый. Ограда и плетневые перегородки сделаны добротнo и крепко, кое-где украшены узорами.

"А этот бровастый парень, по всему видно, хороший работник", - подумал Ерстэм.

Кунацкая и конюшня находились под одной крышей, прямо перед жилым домом. В конюшне могло разместиться не более двух-трех коней, и Ерстэм решил: "Видно, немного гостей у него бывает - значит, не известен еще этот парень среди адыгов".

У адыгов кунацкая не просто помещение для гостей. Эта комната, построенная отдельно, крытая непомерно большой соломенной шапкой, согревалась теплом человеческих отношений. Самым излюбленным местом дружеских встреч была кунацкая. Все мужские дела замышлялись в кунацких. Адыги говорят: "В лесу и в ночи не произноси вслух свою тайну", а вот в кунацкой можно. Юноша, охваченный волнением первой любви, только в кунацкой открывал другу то, что творится с ним.

Кунацкая была местом глубоких раздумий и откровенных бесед. Здесь сталкивались различные мнения, проявлялись мудрость и остроумие одних и недомыслие других. В кунацкой рождалась добрая молва о "людях с ясным сердцем" - даровитых ораторах, мудрых и остроумных.

Здесь звучали бесконечные рассказы, легенды, сказки и песни. Здесь складывалась, развивалась и жила устная история народа. В кунацкой вершился и народный суд о событиях и поступках людей.

Но главное в жизни кунацких было то, что они являлись школой для молодежи, здесь учились правилам поведения, мужеству и человечности. Молодежь получала наглядные уроки, что хорошо, что плохо, каким надо быть, как достойно жить.

Но не все кунацкие одинаковы. У каждой семьи - своя кунацкая. Встречались кунацкие, постоянно пустующие, наполненные затхлой сыростью. Не всякая кунацкая привлекала людей. Лишь та обладала притягательной силой, чей хозяин отличался достоинствами, добротой и благожелательностью к людям. Доверие и уважение к хозяину переносилось и на кунацкую.

Присев на скамью, Ерстэм спросил:

- Откуда ты знаешь меня, я не помню, чтобы мы встречались?

- Есть ли на нашей адыгской земле мужчина, который бы не слышал хабар о тебе? А я к тому же видел тебя, и не однажды, - на базаре в Каплу*.

* Каплу - ногайское поселение около нынешнего города Славянска на протоке р. Кубани; бывшее местопребывание сираскира прикубанских ногайцев.

- Возможно. Бывает, что я заезжаю в Каплу... Ерстэм оглядел кунацкую: грубо сколоченная деревянная кровать под узорчатой циновкой, поверх циновки возле стены свернутая постель. Чехол на матрасе - из домотканой бязи, окрашенной в желтый цвет, а подкладка шерстяного одеяла - из пестрой иноземной ткани - букаран. И бешмет на парне - тоже из иноземного черного ластика.

"В дому чувствуется некоторый достаток, - соображал Ерстэм. - Интересно, сам он ездил в Крым или у местных торговцев приобрел?"

- Ты, верно, из тех мужчин, что любят странствовать? - спросил он.

- Нет, выезжаем редко, чтобы выменять кое-что не обходимое. Путешествия, наезды и грабежи - занятия для орков, а для фокотлей - работать и защищаться от орков и князей.

Повадки парня сказали Ерстэму, что в нем таится скрытое мужество и сила. Такой не станет гнуть голову перед орками. Да и умен не по годам.

- А ты ладишь с орками? - снова спросил Ерстэм, чувствуя, что судьба парня уже не безразлична ему. Тот нехотя ответил:

- Стараюсь не заводить с ними ни дружбы, ни вражды. Не то, как учют непокорного, житья от них не станет. Словно волчья свора выследят, в рабство уведут или уничтожат. Чтобы расправиться с фокотлем, для них все средства хороши. Нет у них иной заботы, как побольше выжать из своих крестьян да обирать нас, фокотлей. А главное развлечение - ездить на разбой в чужие края. Боюсь, моего терпения ненадолго хватит. Если бы не страх за мать и братишку, я бы уже давно сорвался...

- Сколько душ в семье? Отец?..

- Отец погиб в бою во время нашествия крымского хана.

- Как фамилия?

- Мы из рода Пченитлековых. А зовут меня - Батым.

- Сколько тебе лет?

- Двадцать пять.

- О, меж нами небольшая разница! Мне тридцать. Как же ты, такой молодой, дома остался? Я слышал, в вашем ауле большой джегу.

-Я как раз туда собирался. Братишка, на случай, если кто из гостей, приехавших на джегу, пожалует к нам, поехал за барашком для угощения - я его поджидал. Верно, джегу большой, но самое главное будет завтра - танец одной девушки! Ты как раз вовремя подъехал.

-Я за этим и с пути свернул. У нас, абадзехов, та кого нет, хотелось бы посмотреть. А девушку, что будет одна танцевать, уже выбрали?

-Нет еще! Правда, некоторых уже называют, но пока трудно предположить, на кого падет выбор. Джегу устраивает фокотлевская семья, и они хотят, чтобы танец исполняла девушка из фокотлей. Большинство аула считает достойной этой высокой чести племянницу той семьи, что устраивает джегу. Она сейчас в свите при княжне-невесте. Суанд - ее зовут. По матери она и наша племянница, рода Пчениткековых. Потому нам бы, конечно, очень хотелось, чтобы выбор пал на Суанд. Но тут дело такое, джегу то устраивают для невесты- княжны, и орки могут настоять, чтобы выбор пал на девушку из орков. Из-за этого может разгореться серьезная ссора...

-А какова она собой, девушка из фокотлей, которую молва удостоивает такой чести? - Не потому, что она наша племянница, но и красотой, и достоинствами нет ей в ауле равной. Да ты сам увидишь...

-Как получилось, что жених князь выбрал для невесты дом фокотля?*

* У адыгов был обычай до привода в дом жениха невесты, помещать ее на некоторое время в чужой семье, после чего между двумя семьями возникало кумовство.

-Это, видимо, отец его, Болотохов Джанчерий, старший из князей Болотоковых. Умный мужчина. Мастер завязывать коварные узлы. Хитростью пытается обойти фокотлей и прибрать их к рукам. Наверняка он придумал. А жених - кичливый, гордый дурак.

-Фокотлевская семья, на дружбу с которой позарился князь Болотоков, и вправду значительна?

-Семья большая, сильная и состоятельная. Темгановых, у нас, можно сказать, пол-аула. Но выбор князя пал на эту семью из-за старика - Таура Темган, с чьим словом люди считаются. Да и мужеством его не превзойдешь. А ближайших их сородичей, двух братьев Темгановых, народ славит как самых мужественных в ауле. Сестра их - Суанд, о которой я говорил тебе. Да и других родичей семьи Таура не назовешь слабыми. Тому, кто хочет породниться с крепкой фокотлевской семьей, лучший выбор сделать трудно.

-А что, старик Темган не из тех ли, кто лебезит перед князем, надеясь, что получит звание орка?

-Не-ет! Вот это-то и удивительно: старик Таур, да и вся их семья, особенно неприязненно относятся к оркам! А братья Суанд выступают открыто против них. Как я слышан, то, что невесту-княжну у них поселили, они восприняли как большую беду. Никто в семье этого не хотел. Чудо будет, если Темгановы с князем подружатся! Но вероятнее всего, из этой затеи выйдет какая-нибудь неприятность...

6

Под вечер в кунацкой начали появляться посетители - приходили познакомиться с гостем. Шли и по одному и по несколько человек сразу, величавые и корректные, исполненные достоинства и, вместе с тем, скромные до застенчивости

И во всех Ерстэм отмечал ту же фокотлевскую затаенную горечь неволи..

Поначалу и посетители и гость настороженно присматривались друг к другу, но чем дальше шел разговор, тем больше проникались доверием друг к другу. В госте не замечали они иноплеменной чуждости или гордой напыщенности от сознания славы, которой было окружено его имя. Простой, задушевный человек, держится с ними как с равными. И понемногу исчезала опасливая сдержанность, раскрывались сердца. Среди присутствующих не было ни одного орка, и потому разговор вскоре пошел без оглядки

Первым делом стали расспрашивать гостя об Абадзехии - как там живут без князей и орков?

-Мы знаем, что князей у абадзехов нет, но слышали, что есть орки. Как вы ладите с ними? - спросил пожилой посетитель.

- Таких орков, как ваши, у нас нет, - отвечал Ерстэм. - Правда, и у нас в Абадзехии находятся люди, пытающиеся проявить орковское своеволие. Обычно они владеют одной или двумя крестьянскими семьями, а то и рабами. Но если начинают зазнаваться и обращаться со своими крестьянами или рабами по-орковски, то есть жестоко и бесчеловечно, народ тотчас их одергивает. У нас человека из абадзехов превратить в пшителя или раба нельзя. Такого в Абадзехии не допустят.

- Орки не могут жить без наездов и разбоя, - заговорил другой старик. - Как же ваши орки обходятся, если вы так крепко их в узде держите?

Ерстэм усмехнулся.

- Да, эту породу людей трудно удержать. У нас в Абадзехии, кроме тех, кто домогается орковского звания, немало и других, склонных к наездам и разбою. Но в самой Абадзехии никому не позволено разбойничать или заниматься грабежами. Если кого-нибудь уличат в таких делах, могут даже к смерти приговорить. Злостных преступников, к примеру, заставляют прыгать черех узкое ущелье реки Белой. "Тоипч" - "Два прыжка", что равносильно верной смерти. А вот если вырвутся в другие края, конечно, вольны творить, что хотят - разве могут абадзехи повелевать ими на чужой земле!

- Вот бы и нам такие порядки! - воскликнул кто-то.

- Это верно, - подтвердил другой.- Такие законы нам по душе. Но как же вы, абадзехи, умудряетесь держать столь справедливый закон? Вот этого я не могу понять.

Ерстэму поневоле пришлось пуститься в обстоятельный рассказ об Абадзехии, о съездах всей страны, о семиаульных сходах, об аульских и квартальных старшинах, о священной палке, на которой принимают клятву, и хранится она под скалой в каменном гроте, о молебствиях и жертвоприношениях, о посевах, животноводстве, охоте.

Ерстэм рассказал также об утесе - "Тыбгы". На вершине этого утеса находится широкое горное пастбище. Взобраться туда можно лишь дальним окольным путем. Когда ягнята, родившиеся там, подрастают настолько что их можно употреблять в пищу, пастухи, желая оповестить аулы об этом радостном событии, сажают в корзину барашка и на воловьей веревке спускают по отвесному утесу вниз. Поэтому утес и называется Тыбгы, что означает - Баранин утес. Батым за весь вечер ни разу не присел, стоял перед почетным гостем, даже не коснувшись рукой деревянных колышков, вбитых в стену вместо вешалки. Обычно эти колышки служили надежной опорой молодым людям, которым приходилось простаивать перед старшими целые вечера. Но перед особо почетным и уважаемым гостем опираться даже на эти колышки по адыгскому обычаю не полагалось.

Батым попросил у старших разрешения задать гостю вопрос и своим вопросом дал новое направление разговору, что шел в кунацкой.

-Наши орки, возвращаясь из походов, всякие сказки рассказывают, - сказал он. - О разных там одноглазых великанах, семиголовых драконах, которых они побеждают, о скалах, что сами раскрываются и захлопываются. По ихним рассказам выходит также, что кроме одиноких длинных белых домов в древних степях ни чего больше нет. А ты, Ерстэм, много путешествуешь, наверное, и в дальних краях побывал - что скажешь про эти рассказы? Каковы страны, что расположены и на Западе и на Востоке? Живут ли там люди и какие они?

Ерстэм рассказал и об этом. А Батым, видно следуя каким-то своим затаенным мыслям, снова спросил:

-Теперь скажи: когда ты отправляешься в походы и нет у тебя намерения разбойничать и грабить, как ты обходишься в чужом краю? Надо же тебе и пристанище иметь, и пищу добывать? Ерстэм только сейчас

понял, какие мысли тревожат его хозяина. Он внимательно поглядел на Батыша, чуть заметно улыбнулся и ответил:

- Это ты правильно заметил: если отправляешься разбойничать и грабить, тогда веди себя по волчьему закону - что добудешь, то и съешь. И пристанище должен искать такое, чтобы хозяин был тебе подобен. Ну, а если нет у тебя злых умыслов, то надо завести знакомства с местными людьми. В безлюдных местах дело решается проще - седло под голову и бурка вместо одеяла. Заночуешь в селении, помня, что у каждого народа свои законы гостеприимства, по без крова и пищи крестьяне тебя не оставят. В больших городах дело посложнее, там за все нужно платить - и за ночлег, и за еду, и даже за воду. Там все продается и покупается.

-Вот это дела! - воскликнул кто-то. - Если за все платить нужно, значит, вези с собой и шкуры и от резы! Как такое возможно?

-Везем же коня, когда отправляемся в Каплу за солью... - раздался голос.

-Но существуют деньги... - сказал Ерстэм.

-Деньги?! Какой толк отдать свое добро за круглый кусок меди?

-А если за этот кусок ты сможешь получить то, что тебе надо? - пытался объяснить Ерстэм.

-Кто же это тебе за деньги отдаст добро? Попробуй, к примеру, за деньги получить что-нибудь в нашем ауле!

-И в самом деле, что ж это получается? - вмешался в разговор Батым. - Ну, положим, в Каплу деньги имеют хождение, но в адыгских и ногайских аулах их у тебя никто не возьмет. Значит, за всем необходимым снова отправляйся в Каплу?

-Мне нечего вам возразить, - проговорил Ерстэм. - В наших аулах деньги тоже пока еще не имеют хождения. Но кое-где уже встречаются люди, занимающиеся торговлей, вот они, если тебе что понадобится, продадут и купят за деньги. И я в Темиргой приехал по торговому делу, да вот услышал, что в вашем ауле большой джегу, и свернул сюда. А дело у меня такое: мне нужно купить породистых темиргоевских лошадей. Если я вздумаю уплатить за них, что говорится, барахлом - тканями, скотом, воском, медом, - хлопот не оберешься. Вот я и решил так: в ауле Ермыльхабль живут адыгские армяне, они ведут большую торговлю, платят деньгами и товарами. Я попрошу их приобрести для меня в Темиргое лошадей и расплачусь с ними деньгами.

-В Каплу мы видели, как торговля идет на крымские и турецкие деньги, - заговорил один из посетителей, до сих пор молчавший. - Не могу разобраться, как разные деньги ценятся? Один род денег - это еще так-сяк, если постараться можно понять. Но деньги различных стран, мелкие и крупнее - это и вовсе путаница какая-то.

Ерстэм засмеялся.

-Если попадете в город Азык, что в устье реки Тен, то к турецким и крымским прибавятся еще и русские деньги!..

-А ты разбираешься?

-Поначалу и я путался. В Крыму ходят турецкий пиастр и крымский пиастр. Турецкий пиастр равняется семи с половиной крымским пиастрам. А крымский пиастр делится на двадцать пять бешликов и сто аспаров. Крымский пиастр равняется русским десяти копейкам. Это усвоить не трудно, а вот куда труднее разобраться, сколько стоит один и тот же пиастр в разных городах.

-Скажи-ка, а в чьих руках сейчас Азык? Мы слышали, что он то у русских, то к туркам переходит.

-Был у урусов падишахом очень умный мужчина. Петр его звали. Это мне один знакомый урус рассказал, сапожник, проживающий в Азыке. Лет двадцать тому назад русский падишах Петр отнял у турков город Азык. Но, спустя семнадцать лет, отдал город обратно, и теперь Азык у турков в руках.

-Ты бывал на земле русских, какие они люди?

-Вглубь русской земли не забирался, а в окраинные села заезжал. Там трудно понять величие государства. Но слышал, что Русское государство сильное. Турецкий падишах и крымские ханы только России и боятся. Говорят, Россия заодно с нами, адыгами. Недавно слышал хабар, что кабардинский князь Хатажукин Мхамет ездил к русскому падишаху и просил русского падишаха защитить адыгов от посягательств турецкого падишаха и крымского хана. Слух идет, что он крепко приказал крымским ханам не обижать адыгов. Русские все сильнее нажимают на крымского хана и к нам продвигаются.

-Вот что мне хотелось бы узнать, Ерстэм, - не мог успокоиться Батым. - О твоих путешествиях мы много слышаны. Одного я не понимаю: зачем ты столько разъезжаешь, когда, как нам известно, разбоем не занимаешься, да и торговым делом не особенно увлечен? Ерстэм, явно затрудняясь, медлил с ответом. - Правду сказать, я и сам не знаю, что влечет меня в чужие края... - помолчав немного, проговорил Ерстэм.- Я напомню вам начало одной адыгской сказки. У родителей был единственный сын, который вел себя странно и скрытно, не проявлял ни достоинств, ни недостатков. Родители хотели женить его, он отказывался. Наконец вмешались уважаемые в ауле люди и уговорили парня жениться.

Но, как сказывается в сказке, в первую же ночь он повел себя с молодухой очень странно. Ставил невесту в угол, на голове у нее прилаживал массивное кольцо и, отойдя к порогу, пускал через это кольцо стрелу за стрелой. Невеста дрожала от страха ни жива, ни мертва. Родители парня заметили, что девушка бледнеет и тает на глазах не ест, не пьет, ни с кем не разговаривает. Сидит, сжавшись, в углу и думает свою горькую думу. Подослала к ней разбитную соседскую старушку, и та допыталась о причине ее печали: "Так, мол, и так, две ночи жива осталась, а третья, наверное, принесет мне гибель". Старуха смекнула в чем дело и дала молодухе такой совет: "Он хочет сказать этим, что рано, мол, его женили и не успел он поездить по свету! показать свою доблесть. Вот и проверяет, способна ли ты стать терпеливой супругой наездника-воина. Ты скажи ему сегодня ночью: "Зачем на мне проверяешь свою доблесть. Отправляйся-ка на Восток, там живут семь братьев великанов, которых еще никому не удавалось победить, - померяйся с ними силой".

Молодуха исполнила наказ, и муж, выслушав ее, ответил: "Аферым, если я окажусь достойным мужем, ты станешь мне достойной женой. Жди меня, я вернусь!" И он тут же оседлал коня и уехал в неведомые края, навстречу неведомым врагам- великанам и другим опасностям.

- Так вот, - продолжал с улыбкой Ерстэм. - Наверное, в крови каждого адыга с детства живет тяга к бродяжничеству, желание познать неведомое. Потому они вдруг срываются, седлают коня и отправляются в путь в другие аулы или в дальние края.

А когда адыги слышат: "В таком-то ауле большой джегу", - какой переполох поднимается и тянутся вереницы арб к всадников - людей посмотреть и себя показать. Вот и я таков... Для чего мне это нужно, какая цель - и самому неведомо.

Езжу по разным странам, смотрю па на их обычаи и законы. Может, когда-нибудь постигну, в чем счастье..,

-И у нас в душах есть желание найти житье-бытье более разумнее, чем наше, - проговорил с грустью один из старших. - А видел ты, чтобы в чужих землях жили справедливей?

-В тех краях, где мне удалось побывать, не видел. Хоть бедно у нас, но лучше нашей абадзехской при вольной жизни ничего нет. Во всех странах живут властители, подобные вашим князьям и оркам. Ну, в городах немного иначе: кроме пшитлей и рабов есть свободные ремесленники и торговцы. Мастерству ремесленников можно позавидовать, а больше ничего там нет, что можно было бы предпочесть нашей жизни. Одно я за метил: в тех краях властители и баи живут куда роскошнее и власть у них куда более крепкая. Не занимаются они, как паши орки, мелким разбоем, а требуют этого от своих подчиненных. Сами же живут в свое удовольствие. Ерстэм помолчал и огляделся. Видя, какое множество людей, солидных и

степенных, собралось в маленькой кунацкой Батыма, Ерстэм подумал: "А я был не прав. Хотя и молод этот парень, но таит в себе мужество, достоинство, и люди уважают его..."

Все лучшее, что готовится в доме, в первую очередь посылают в кунацкую. Поздней ночью в кунацкую Батыма принесли угощение.

Вскоре после приезда Ерстэма, его поспешно накормили - чтобы гость утолил первый голод, попотчевали жареным сыром и простоквашей. Но настоящее угощение было готово только сейчас.

Ерстэм немало удивился количеству и разнообразию блюд. Для такой маленькой фокотлевской семьи угощение было слишком роскошным. Еще днем, поглядывая во двор в проем окошка, он не заметил там никого, кроме одной старушки, видимо, матери Батыма. Трудно поверить, чтобы подобное угощение могла приготовить одна старуха, какой бы искусницей она ни была. "Выходит, - решил Ерстэм, - и здесь, как у нас в Абадзехии, соседи помогают друг другу и радость и горе переживают сердце к сердцу, рука об руку. Но ясно и другое: верно, доброй славой пользуется семья Батыма, иначе соседи не пришли бы ей на помощь так охотно и быстро".

Раздумывая, Ерстэм, украдкой приглядывался к своему молодому хозяину. Он и во время разговора не выпускал Батыма из поля зрения. При первом знакомстве парень ему показался неуклюжим, угловатым и каким-то корявым: лицо длинное, нос великоват, рот широкий. Но чем дальше, тем он нравился ему все больше. Даже некоторая его неуклюжесть стала казаться Ерстэму привлекательной, и он подумал, что Батым по-своему красив - его украшали мужество и искренность. И поведение соответствовало его человеческим достоинствам: за весь вечер Ерстэм не услышал от него ни одной неуместной шутки или громкого смеха.

7

Утром, когда гость позавтракал, Батым, убрав круглый трехногий столик, выпрямившись, встал перед ним и торжественно произнес:

-А теперь, наш гость, если хочешь побывать на джегу, кони оседланы. Сейчас самая пора ехать!

-Мы на джегу верхом поедим? - удивился Ерстэм. - Это так далеко? А я думал, здесь, в ауле.

-Не знаю, как в ваших краях, а у нас каждый, кто считает себя мужчиной и имеет коня, приезжает на джегу верхом, так смотреть удобнее, да и зачем стоять целый день, покойнее сидеть в седле. А сегодня, хотим мы этого или не хотим, должны ехать верхом. Нынче седьмой, последний день джегу. Значит, будут все виды состязаний. Надо быть и при оружии, и при шашке, и на коне. Уже весь аул знает, что ты гостить у нас, нет мужчины, который не слышал бы доброй молвы о тебе. Каждый, кто надеется на свою силу и мужество, постарается проверить, на что ты способен. А уж орки особенно рады будут заставить тебя хоть в чем-нибудь промахнуться. Наверняка выставят против тебя самых сильных и коварных. Сегодня ты не просто участник джегу, ты представляешь честь и достоинство абадзехских фокотлей. Я не раз слышал, как из-за тебя наши фокотли с орками спорили. Поэтому смотри, не подкачай! Будь начеку...

Ерстэм не столько слушал Батыма, сколько с удивлением смотрел на него. Все, что говорил Батым, сам знал, по то, что в Темиргое есть люди, которые исполнены к нему такой дружеской верности, он и не подозревал до сих пор. Мягко улынувшись, Ерстэм сказал:

-Так если ты заранее обо всем подумал, что же мне осталось? Батым тоже хитро улыбнулся:

-На твою долю осталась самая малость - мужество и доблесть!

-Не слишком ли многого ты ждешь от меня? - пытливо взглянул на Батыма Ерстэм.

- Нет на свете человека сильнее, мужественнее и доблестнее всех. Что не сможешь силой одолеть, победишь сметкой и ловкостью. И снова Ерстэм был удивлен разумностью парня, однако хвалить не стал, а лишь шутливо ответил:

- Против этого возразить нечего. Ну что ж, поглядим, как на деле все обернется...

У коновязи Ерстэм увидел двух оседланных лошадей. Один из них был его конь, а другой... Ерстэм с изумлением уставился на него. Более неуклюжего и невзрачного коня ему, пожалуй, видеть не доводилось. Мышиного цвета, ершисто-мохнатый, длиннющая голова до переносицы закрыта пышной челкой. Ноздри так раздуваются, что, кажется, в них можно засунуть самый большой кулак. Грива петая, пышная, спускается до половины передней ноги. Широоченные плоские копыта как опрокинутые виски. Однако живот подтянут, да и по всему складу чувствовалось, что это натренированный верховой конь.

- Какой же он породы? И чей это конь? - с невольным изумлением воскликнул Ерстэм.

- Что, красив? - засмеялся Батым.

- Не знаю, красив ли он, но беда, если тебя увидят на нем девушки, попадешь в песню-насмешку!

- Я и сам знаю, - погрузнев, сказал Батым. - Но сейчас мне не до того, что скажут девушки или орки. Единственная моя забота - иметь годного верхового коня.

- Или ты не нашел ничего получше? Приезжай ко мне, я дам тебе коня - выносливого и красивого.

- Спасибо, - возразил Батым. - Может быть много добыть я и не могу, но если бы постарался, приобрел бы статного коня. Да разве орки допустят, чтобы фокотлевский парняга имел хорошую лошадь? Или попроси ее на время и не возвратят, или силой отнимут а то и просто украдут. А если к тому же на добром коне окажется мужественный седок, который способен пойти против орков, они устроят засаду и убьют его. Фокотля, что и конем, и мужеством превзошел бы их, орки не потерпят или в рабство уведут или уничтожат. А как защититься? Ведь не сядешь в засаду и не станешь подло, по-воровски стрелять в них. А они, когда дело касается пшитлей и фокотлей, ничем не гнушаются. Вздумаешь отомстить, восстанешь, убьешь нескольких орков, так они все скопом против тебя ополчатся, сожгут дом, семью продадут в рабство. Не пощадят ни женщин, ни детей. Вот это и сковывает нас, фокотлей, потому и вынуждены мы скрывать и достоинства своих коней, и собственное мужество. Разумеется, таиться всю жизнь невозможно, кое-кто не выдерживает, карающим одиноком всадником восстает против орков и гибнет в неравной борьбе...

- Знаешь, о чем я думаю, - произнес Ерстэм. - А почему бы и вам, фокотлям, не восстать сообща против орков?.. Батым безнадежно махнул рукой.

- Не получается у нас действовать заодно. Одни из фокотлей поддались обману орков, а немало и таких, что верят: первородство дано оркам от бога, у них кровь и кости особые. А те, кто готовы не щадить жизни в борьбе с орками, страшатся за участь жен и детей...

-Что же, конь твой, несмотря на столь неказистый вид, обладает какими-нибудь особыми достоинствами?- вернулся Ерстэм к началу разговора.

-В достоинствах коня ты, конечно, разбираешься лучше других, потому скажи сам... - Несмотря на его невзрачность, конь выглядит бойким и энергичным, - проговорил Ерстэм, издали рассматривая коня. - Бабки передних ног поставлены прямо как у свиньи - значит, в беге вынослив. Мускулы задних ляжек круты и мощны, как у оленя, - признак силы. А глаза, словно груши, навывкате, выходят, зорки. И строение груди мне правится. Сильный конь. А что у него на шее? Ах да, прости, заворот шерсти... А ну-ка, посмотрим с другой стороны... - неуверенно произнес Ерстэм, подошел к коню и откинул гриву. - О, на шее с обеих сторон, один против другого, завороты шерсти, так называемый "черсин" - знак резвости в беге. - Ерстэм, не на шутку заинтересованный, нагнулся и пощупал щетки волос на лодыжках. - У-и-у! - громко воскликнул он. Удивительное дело, да у него тут роговые шишечки! Все признаки хорошего скакуна! Ерстэм еще некоторое время осматривал коня и наконец сказал задумчиво:

- А все же он какой-то необычный, корявый и неуклюжий, - не могу с уверенностью сказать, что за конь...

- А ты все распознал! - обрадованно воскликнул Батым. - Хорошо в конях разбираешься! Мой Самум уже прославился своей резвостью. Но главные его достоинства - сила удара груди и необычайная выносливость - пока никому неизвестны. Я это держу в секрете. Знаешь, он от Ульки до Лабы рысью проскачет, и ни капельки не заметно, что хоть немного устал, наоборот, все резвее становится! Короче, редкий конь сравнится достоинствами с Самум. А невзрачный вид его отвращает от него орков. Ты прав, поначалу в ауле начали было насмехаться надо мной, но когда я обогнал лучших коней, то зубоскалам пришлось прикусить язык. Я как тот сказочный герой: "Верхом на петухе, а борода - семь четвертей..."

- Выходит, ты выбрал самого подходящего коня, - засмеялся Ерстэм. - А что значит "Самум"?

- В стране арабов такой сильный ветер бывает. Мулла об этом в проповеди говорил. Вот я и назвал так своего коня.

- Мулла, говоришь? Разве ты из тех, кого уже обратили в мусульманскую веру?

- Крымский хан приказывает нашим князьям в новую веру людей обращать, а князья нами строжайше повелевают. А в моем сердце лишь два бога - бог лесов и бог походов. Нет справедливее этих богов: о трусах не тревожатся, а мужественным помогают. Перед тем как сесть на коня, Батым быстро сбегал в дом, и когда вышел оттуда на боку у него висел колчан с крепким луком и стрел.

- Зачем тебе лук? - снова удивился Ерстэм.

- В другие состязания меня, фокотлевского парня не допустят, а вот в соревновании по стрельбе из лука я участие, - весело ответил Батым, видно, вовсе не огорчаясь, что его не удостоят каких-то там состязаний. Доспехи Батыма соответствовали неприятельской внешности его коня. Поверх грубых ноговиц из телячьей кожи - плотные воловьих чувяки - постолы. Шаровары и черкеска домотканого темно-серого сукна. Все поношенное, а рукава черкески по примеру мужей-воинов короткие, чуть ниже локтя и тоже изрядно обтрепаны. На поясе висел длинный черный кинжал. Шапка - обычная фокотлевская, серого сукна, с околышем из ягнячьей шкуры. Однако, несмотря на то что Батым был одет бедно и невзрачно, Ерстэм не заметил в его поведении никаких признаков смущения или недовольства своей бедностью - казалось, он просто не думал об этом.

-Ведь ружье или пистолет оружие получше лука - разве их у тебя нету? - спросил Ерстэм, когда они выехали на улицу.

- Дороговато это для меня. Да и лук сподручнее. На охоте я ружья не признаю: загремит, всю дичь распугает.

- Но у ружья есть преимущества - стреляет дальше... - возразил Ерстэм.

- Если к дичи поближе подкрасться, зачем такое преимущество? - не сдавался Батым.

Звуки свадебного джегу они услышали еще издали. Сначала донеслись звуки камыля* и трещоток. Похоже, камылистов было двое или трое. На сложный орнамент музыкального рисунка, выводимый камылистами, словно шумный град; сыпалась дробь трещоточников. Джегу был в разгаре. Множество люден, не уместившихся на зеленом подворье перед домом, повалили плетневую ограду, и место игрищ распространилось и на улицу - тут не до плетня - не каждый день бывает такой джегу! Небольшой кон - плетеное зернохранилище, стоявшее возле дома, - тоже опрокинули, сбили крышку и уволокли подальше. Во время джегу адыги не щадили ни себя, ни своих строении. И те, кто справлял джегу, тоже ничего не жалели. Пусть царит безоглядное веселье - наперекор всем бедам и напастям...

* К а м ы л ь - духовой музыкальный инструмент у адыгов - медная или железная полая трубка с тремя отверстиями.

Адыги понимал и: джегу не только место развлечения, это место радостных и веселых встреч. А что может быть отраднее доброго общения людей друг с другом? Поговорка "Да сошлет тебя бог туда, где ты не увидишь человека!" звучала для адыгов самым страшным заклятьем. И еще адыги говорили: "Зачем человеку блага" которых не увидят люди и не смогут разлить с тобой?" Нередко можно было видеть, как

старик, оставив накрытый в кунацкой трехногий стол, беспокойно шаг по двору, напряженно поглядывая через забор к соседям,- он привык делить трапезу с другом и не мог в одиночестве сесть за стол.

И еще не было для адыгов ничего дороже доброго мнения людей. А самым страшным считалось худое слово, худая молва. И потому на джегу адыги, понятное дело, старались предстать перед людьми в наилучшем виде. Здесь как бы находила воплощение извечная мечта всех народов о достоинстве и красоте человеческой, их стремление совершенствоваться и упорядочить свое сообщество.

Поразительное зрелище - джегу! Бывали однодневные, трехдневные и семидневные джегу. И все эти дни огромное число людей, с достоинством, стараясь даже громко не кашлять, простаивали в восхищенном созерцании происходящего, словно опьяненные тем, что они Люди и находятся среди Людей. Забывали даже о пище. Короткий перерыв на обед - и снова все сходились на джегу - чтобы испытать радость веселого общения. И лишь по окончании джегу, после того, как невесту торжественно вводили в дом, устраивалось пиршество.

Раз начавшись, джегу переставал быть делом только того, кто устраивал свадьбу, он становился торжественным и важным событием для всего аула. Более того, на некоторые джегу съезжались люди из дальних аулов и даже из других племен. На джегу господствовал строгий порядок. Блюстителем порядка, полновластным жрецом джегу являлся джегуако. Обычно это бывал искусным импровизатор, талантливый артист-самородок. Он имел на джегу непререкаемую власть и право покарать провинившегося искусством. Одно острое слово - и человек обречен на позор. Восхваляющая песня - и человек вознесен на вершину славы. А так как все это вершилось на людях, джегуако вынужден был быть справедливым и неподкупным.

Потому-то на адыгейских джегу этому строгому распорядку вынуждены были подчиняться не только орки, но и князья. Разумеется, обладая властью, они могли бы и на джегу проявить свою деспотичную волю. Но существовала сила, которой они боялись, - общественное мнение. У адыгов господствующий класс не имел своего регулярного войска, а опирался на тонкий верхушечный слой орского сословия. В случае войны это сословие тонуло в народном ополчении фокотлей и крестьян. Значит, осуждение людей могло расшатать и подкосить власть князей и орков, вызвать неповиновение. А ведь осуждение не уничтожишь и не запретишь, ни оружием, ни насилием.

Выбеленный длинный дом был окружен густой веренице м столбов, поддерживающих широкий навес. Стены вверху и внизу украшены орнаментами, выложенными красной глиной.

Перед домом полукругом стояли пестро разряженные девушки. А со стороны улицы этот полукруг замыкала плотная толпа мужчин, образуя изнутри свободный овальный круг для танцев. Далее, как угрюмый черный лес, высились ряды всадников. И уже за ними шумная толпа юнцов и детворы. Мальчишки в поисках места, откуда лучше видно происходящее, взбирались на деревья или устраивались на плетне с противоположной стороны улицы.

Мужчины и девушки стояли торжественно и неподвижно. Зато кони под всадниками в волнении топтались на месте. На почетном месте, в самой середине мужских рядов, находились всадники-орки. Батым хотел было и Ерстэ-ма отвести туда, он, мол, гость из другого края, ему следует занять почетное место! Но Ерстэм наотрез отказался и стал в конце полукруга, среди фокотлей.

Зачарованное волнение, царившее на джегу, сразу захватило Ерстэма. Покорный звукам чародея-камья, он застыл на месте как замороженный. Непонятную, колдовскую власть имел над Прстэмом каммль. Еще отроком, бывало, слышит звуки камья, и сладостный озноб пробежит по телу.

Похоже было, что скромность домашнего обихода и суровость мужского одяния адыги пытались восполнить яркостью девичьих нарядов. У Ерстэма рябило в глазах от невообразимого сочетания самых пестрых расцветок, шелка и бархата, узоров и орнаментов, шитых серебром и золотом, от шапочек, сплошь

покрытых вышивками ч жарко горящих на солнце красным золотом или лунным серебром. А серебряные пояса и застежки на груди, покрытые блестящей позолотой! Все искрилось и переливалось на солнце!

Хотя это был фокотлевский джегу, но устраивали его в честь невесты- княжны, поэтому на нем присутствовали и орковские девушки. Им тоже предоставили особо почетное место в середине девичьего ряда. Ерстэм сразу распознавал орковских девиц. Они отличались от девушек - фокотлей куда более богатыми нарядами, на их украшениях ярче сверкала позолота. Но ни красота, ни наряды знатных девиц не затронули сердца Ерстэма. Как они ми жеманились, как ни опускали в смущении глаза, однако угадывалась в них орковская заносчивость и презрение к простому люду. Ерстэма не обманешь - надменная посадка головы, брезгливая усмешка, молниеносный змеиный взгляд - все это Ерстэм хорошо знал, - повадки княжны, которую привел он в свой дом...

Тайная боль непоправимой ошибки вновь пронзила сердце Ерстэма, и сразу потухли яркие краски веселого джегу, казалось, померк светлый день...

Ерстэм стоял, забывшись в печальном раздумье, когда вдруг Батым прошептал ему:

- Младший из братьев Альджеруковых, которым принадлежит этот аул, - Кушук, присутствует на джегу! Вон среди всадииков - орков... Ерстэм отыскал взглядом среди всадников молодого тлекотлеша и боковым взором долго и внимательно рассматривал его.

- Сразу видно, змеиной породы,- шепнул он Батым у. Батым так же тихо ответил:

- Коварством этот затмит даже старшего своего брата... Немного погодя, Батым снова зашептал:

- Гость наш, ты не заметил девушку, о которой я тебе вчера говорил, нашу племянницу? Вот она - Суанд, - Батым указал глазами в сторону фокотлевских девушек.

Ерстэм каким-то внутренним чутьем угадал, какая из них Суанд. Первое, что бросилрсь ему в глаза,- ее маленькая "золотая" шапочка, невысокая, как яркий хохолок, чуть вкось сидевшая у нее на макушке. Шапочка казалась невесомо легкой и красочной, к а к расписная игрушка. И сама девушка показалась Ерстэму легкой и воздушной, слов но пестрая птица, вот-вот готовая вспорхнуть и улететь. Ерстэм долго не отводил от нее глаз.

-Красивая, ничего не скажешь... - ответил он Батыму.- Если она еще и умна вровень своей красоте...

- О, наша Суанд очень умна и еще более лукава! - быстро проговорил Батым, обрадованный похвалой Ерстэма- Все парни нашего аула не могут постичь, где пределы ее ума и лукавства.

Ерстэм продолжал разглядывать ее и вдруг опомнился: неприлично так откровенно глядеть па девушку. Но взгляд его невольно снова и снова возвращался к ней.

Чем она так привлекала? Красотой? Да, она красива: мягкий овал лица и безупречно правильные черты. Лучистые большие глаза. Лучистые, но не смеющиеся...

Ерстэм догадался, почему девушка вызывала у него столь пристальное любопытство - причиной была ее еле заметная грусть. Но почему она грустна? Трудно представить, что униженное положение фокотля могло волновать молоденькую девушку. Тем не менее грусть явно омрачала ее лицо.

Ерстэму вдруг стало жаль девушку... Может, безответная любовь? - подумал он. Или и вправду ее самолюбие задето тем, что она вынуждена стоять ниже кичливых орковских девиц?

Джегуако по очереди выводил девушек на танец. По отношению же к мужчинам он не соблюдал никакой очередности, а выбирал их по родовитости и достоинствам. На конец черед дошел и до Суанд. Джегуако подошел к ней, взял за руку и вывел в круг. Не доходя до центра круга, он остановился и, обращаясь к мужской половине, выкрикнул:

- Фокотлевскую девушку Суанд, красотой и достоинствами не имеющую себе равных, мы достаиваем сегодня чести танцевать с Альджеруко Кушук, славящимся храбростью и красотой! Покажи нам, Кушук, что и в танце ты равен своей доблести!

Альджеруко спешился, снял шашку и повесил ее на луку седла, пробрался сквозь густую толпу и вышел в круг.

Кушук и вправду был изящен, высок, тонок в талии и широк в плечах. А вот лицом не совсем ладно скроен - пучеглазый, нос тупой и широкий, крупные скулы, крутой подбородок. Не будь он так родовит, его можно было бы упрекнуть, что слишком вычурно и богато разукрашена его одежда: шапка из золотистой персидской смушки, сафьяновые ноговицы и чувяки-красные, пояс, кинжал, ободки газырей и ручка пистолета ярко высеребрены и позолочены.

Сознавая свою родовитость, Кушук шел гордо подняв голову, ступая уверенно и твердо. Но... в руке он держал сложенную вдвое плеть...

Танцевать с плетью в руке было не принято. Все присутствующие сразу заметили промах Кушука и затаились, ожидая - допустит ли джегуако столь явное нарушение обычаев? Ведь если джегуако захочет, он сможет оправдать даже и такой поступок тлекотлеша...

Суанд, наклонившись к джегуако, что-то сказала ему, и он, спохватившись, быстро поднял руку и остановил Кушука. Смущённый, стараясь придать своему голосу шуточный тон, джегуако произнес:

- Кушук, свет очей моих, ты напугал девушку! Она пожаловалась: "Боюсь, ударит меня плетью, лучше бы ты выбрал мне другого, без плети в руках...". Права она, оставь плеть...

Люди в страхе застыли. Стерпит ли такое оскорбление парень из свирепого рода Альджерукозовых? А если не стерпит, как поведет себя этот родовитый тлекотлеш? Альджеруковы одна из самых сильных семей в Темиргое после князей Болотоковых. Целым аулом владеют! Ударит гордыни в голову молодому отпрыску важного рода, бог знает что может натворить. Да и джегуако не должен был осаживать его на людях. Мало что девочка от недомыслия скажет! Все ж таки он - тлекотлеш!..

Кушук с удивлением взглянул на свою руку, в которой была плеть, и окаменел. Поначалу густая краска залила его лицо, но тут же вся кровь отхлынула, и он стал мертвенно бледным. Родовая спесь вскипела в нем: "Отхлещу сейчас плетью этого подлого фокотля, который осмелился так нагло разговаривать со мной. Разрушу их джегу и уеду!..".

Но тут же задумался: а что из этого выйдет? Конечно, многие орки одобряют его. Но крестьяне, и не только их аула, а возможно, и всей Адыгеи несомненно станут осуждать. Он знает, какие быстрые ноги у дурных вестей. Молва пойдет колесить по всему Темиргую, да и по всей Адыгее. А если о его поступке насмешливо упомянут в "Песне многих мужей", такое клеймо вовеки не смыть. И, наконец, если он взбудоражит фокотлей, как посмотрит на то старший князь Болотоков? Конечно, не одобрит. Это он, стремясь задобрить и обмануть фокотлей, поместил у них свою невестку..."

И Альджеруко ни словом "е возразил джегуако, не поворачиваясь спиной к девушкам, вспять вернулся к своему коню, сел верхом и, не оглянувшись, покинул джегу.

Взволнованный гул поднялся над толпой: одни осуждали поступок Кушука, другие одобряли. Ерстэм тоже высказал Батыму свое мнение:

- А парень-то не глуп, нашел выход из положения. Правда, если бы он не покинул джегу, его победа была бы полной...

- Ой, что наделала Суанд! - искренне огорчился Батым. - Нельзя было так поступать. Какое ей дело до его плети!..

- Почему же, Суанд правильно поступила: зачем допустить, чтобы с ней танцевали не по обычаю, с плетью в руке? - возразил Ерстэм.

- Но ведь с нынешнего дня он ее непримиримый враг! Уж я-то хорошо знаю, каков их род

-Но ведь и защитники у нее есть, ты и ее дядя А два брата? Да еще весь большой род Темгановых Или вы не мужчины, не сможете защитить девушку?

- Все было бы просто, если бы речь шла об открытой, честной борьбе. Беда в том, что не угадаешь на какую подлость они пойдут... Стрясется беда, тогда что толку в нашей защите?

Джегуако подняв руку, стоял, ожидая, пока утихомирится людской говор, потом невозмутимо, словно ничего не произошло, выкрикнул:

- О, аул! Наша красавица Суанд снова указала на мою ошибку: высокого гостя, прибывшего из другого края, мы до сих пор не пригласили на танец. Права наша Суанд. Если взглянем в сторону Абадзехии, то увидим знаменитого мужа Ерстэма Залэко, хвала о котором облетела всю адыгскую землю! Ерстэм, вот тебе моя шапка, вот моя голова - знак нашей просьбы не осуждать нас за допущенную оплошность и исполнить нам лучший абадзехский танец!

Танцы темиргоевцев несколько отличались от абадзехских. Темиргоевцы в танцах были более сдержанны, величаво спокойны. Абадзехи же, словно ободряемые своей вольностью, танцевали свободно, "подчас допуская шутивную игривость.

И Ерстэм поначалу не смог приноровиться к характеру темиргоевского танца, у него невольно прорывались быстрые витки, стремительные выпады, он часто менял темп - в общем, танцевал по - абадзехски. Но как ни менял Ерстэм рисунок танца, какие бы колена ни выкидывал, Суанд улавливала его малейшее движение, стараясь в то же время сохранить темиргоевскую плавность танца. Ерстэм оценил искусство девушки и, словно желая до конца проверить ее, начал все свободнее и виртуознее танцевать по-абадзехски, перемежая плавность со стремительностью.

Люди заметили это шутивное соперничество, и в толпе вдруг вспыхнул звонкий всплеск хлопков. Кто-то выкрикивал, подбадривая Суанд: "Мардж, Суанд, не посрами нас перед гостем!", "Покажи ему, каковы наши девушки!" Но многие приняли и сторону Ерстэма.

Люди полагали, что Ерстэм, гордый своей известностью, заважничает, не станет танцевать от души, а лишь вяло несколько раз пройдет по кругу для видимости. И увидев, как важный гость без тени гордыни, от всего сердца делит и веселье и радость темиргоевских фокотлей, прониклись к нему симпатией.

"У этого человека мужество равно его славе, а человечность вровень с доблестью!" - решили аульчане

Джегу бушевал аплодисментами. Палили в воздух из пистолетов. А Ерстэм не слышал этого шума и не видел ничего, кроме Суанд. С каждым движением она казалась ему все прекраснее. В платье из черного бархата, искусно усеянного золотым шитьем, она мелькала перед ним в пороховом дыму, как нечто неземное. Глядя, как Суанд покорно и ловко подстраивалась к его вывертам, он вдруг мечтательно подумал: "Хорошо бы иметь такую жену, которая вот так скромно, тихо и чутко обходила бы мужскую угловатость и оберегала покой семьи..."

Когда Суанд стояла в ряду девушек в деревянных башмаках-ходулях, Ерстэм подумал, что она довольно высока ростом, но теперь, танцуя в пестро расшитых, мягких сафьяновых чувяках, она казалась тоненькой и слабенькой девочкой. И эта ее хрупкость поднимала у него в сердце теплую волну. Однако он чувствовал: нисходительности Суанд не допустит. Ее мимолетный лучистый, по-взрослому серьезный взгляд, который иногда она обращала на него, внушал ему даже некоторую робость. И еще Ерстэм улавливал в ее глазах какой-то укор себе...

Озадаченный этим открытием, Ерстэм кончил танец и вернулся на свое место. Быть может, до нее дошли слухи о его скандальной женитьбе и она упрекает его за то, что соблазнился родовитостью т- княжна! Но какое ей дело до чужого человека? А может, это укор фокотлей в его измене своему сословию? Но возможно ли, чтобы молоденькая девушка размышляла о сословной нетерпимости? И что кроется за ее грустью?

Поглощенный своими думами, Ерстэм забылся и опомнился, лишь когда джегуако громко назвал имя Суанд. Джегу приближался к концу, и Суанд была удостоена почетного права - исполнить "танец одной девушки".

Услышав это, Ерстэм не на шутку потревожился. Встревожился за Суанд. Правда, он никогда не видел танца одной девушки. Но, как бы там ни было, что может сделать в танце девушка без партнера? Другое дело - мужчина. Он смог бы допустить неожиданные вольные приемы, стремительные выпады. Но девушка... Опутанная робкой застенчивостью, что сможет она показать интересного? А такая девушка, как Суанд, не сумеет она оправдать возложенные на нее надежды, верно, не на шутку огорчится.

Суанд, как нарядное изваяние, неподвижно стояла в самой середине круга, куда ее поставил джегуако. Все, затаив дыхание, не сводили с нее напряженных глаз.

Скрипач начал наигрывать медленный танец - зафак, камылисты ему вторили. Суанд, словно растерявшись, еще несколько мгновений стояла неподвижно. И вдруг поплыла, чуть неуверенно и мягко. Медленно перебирала ногами, медленно шевелила пестро-расшитыми нарукавниками, и, казалось, что легкий ветерок колеблет их.

У Ерстэма упало сердце. Нет, не напрасно он волновался! Разве так можно? Еле двигается. Надо было начинать необычно, сильно... Но у Суанд был, оказывается, свой замысел. В той же мягкой манере она отступила назад и на все четыре стороны отвесила поясные поклоны собравшимся, которые удостоили ее такой чести. Исполнив ритуал, она стала не торопясь менять ритм танца. Переплетая все фигуры зафак, она некоторое время танцевала в центре круга. Порой переходила на "хакуач" - вариант зафак - то уплывала вбок, точно испугавшись чего, то отступала, то кружилась и убегала вспять, словно спасаясь от погони. Но что бы она ни делала, какую изворотливость ни проявляла, она не теряла плавной и горделивой сдержанности. Угадывалось, что этой гордой осанкой она хотела выразить глубокое почтение к людям и лишь из уважения к ним удерживала юную резвость и буйную силу, - а не сдержись она, и взвилась бы к небесам в вихре танца.

Величавая, уважительная сдержанность и плавность движений - таков был танец адыгов. Надо полагать, они рассуждали так: достигнутая мечта уже не мечта. Натянутая тетива внушает больший страх, чем спущенная стрела. Если в буйном танце вывернешь себя то и ждать от тебя нечего будет.

Суанд долго танцевала зафак, но вот музыканты переменили ритм и мотив - заиграли "каракамыш" мгновенно преобразился танец. Мелькая из-под длинного подола ярко расшитыми чувяками, быстро-быстро пошла она вокруг всей арены. Подол ее платья заметно дрожал от быстрых движений ног. Иногда, подражая мужчинам, она замирала на месте и, чуть придерживая платье двумя пальцами, как волчок, вертелась на месте в вихревом танце. Мгновенье, - и снова парящая пестрая птица начинала быстрый и плавный облет круга - гордая, статная, легкая.

9

К вечеру, в пору раннего "ястребиного боя" танцы закончились. И пешие, и верховые - все направились на выгон. А девушек - одних на конях вынесли, остальных вывезли на арбах. По всему выгону то тут, то там стояли одинокие, могучие дубы, к ветвям которых на нитках подвешены куриные яйца - мишень для стрельбы из лука и пистолета.

Стелкам из ружья мишень приготовили особую: ровно обрубили толстую корягу и посередине образовавшегося светлого круга углем зачернили кружок величиной с куриное яйцо. В самую середину кружка всажено было острие шила. Первенство присуждалось стрелку, который с трех выстрелов собьет острие.

Ерстэм с Батьшом стоял в сторонке и оглядывался. Хотя он и старался делать вид, что ему здесь все интересно, но глаза его искали только Суанд. А ее нигде не было. В большой группе девушек снова

возникли танины, видно, молодежь решила поразвлечься, пока не начнутся состязания. Но и там Суанд не видно.

- А где же Суанд? - не выдержал наконец Ерстэм.

- Ее нет здесь, - ответил Батым, не замечая волнения, звучавшего в голосе Ерстэма. - Суанд среди тех девушек, что находятся при невесте- княжне. - Помолчав, Батым доверительно продолжал: - Как я слышал, невеста очень угнетает семью Темгана. Недовольна, что ее, княжну, поместили к фокотлям, вот и вымещает на них свой гнев. Капризничает, дуется, все ей не нравится, пищей ихней брезгует. Как говорится, грозной бровью отшвыривает.

Ерстэм промолчал. Рассказ Батыма не удивил его,- все это Ерстэм хорошо познал на своем опыте.

Однако настроение у него испортилось, и он потерял всякий интерес к играм, на которых не присутствовала Суанд. Исчезло прекрасное видение, заронившее в его сердце безотчетную мечту. Он с горечью понял всю иллюзорность и недоступность привидевшегося счастья. Ерстэм снова представил себе Суанд такой, какой она танцевала с ним, и только сейчас с некоторым смущением понял, что, даже опустив взор, она, конечно же, чувствовала, как он любовался ею... Вот она какая не поднимая глаз, все замечает, все понимает... Чистая сердцем и помыслами, с чуть заметной умной лукавинкой...

"Если эта девушка полюбит, полюбит навсегда", - подумал Ерстэм.

Да-а... Если бы у него была хоть малая надежда на такое счастье, он жизни не пожалел бы и прямо с праздника увез ее. Но куда он ее повезет? В его доме - княжна...

У Ерстэма больно защемило сердце. Он вдруг почувствовал себя одиноким и ненужным на чужбине. И какое ему дело до этих игр и состязаний! Нет, не примет он в них участия!

Три орковских всадника удивленно и с откровенным любопытством разглядывали коня Батыма. Уже проехав, один из них снова оглянулся и, прыснув, сказал:

- А этот верхом на верблюде или на муле?.. Они громко расхохотались.

Но Батым вовсе не обиделся и спокойно бросил им вслед:

- Это не верблюд и не -мул, это - лесное чудовище. Такого вы еще не видели - берегитесь, он вас слопаёт!.. Ерстэм улыбнулся и произнес:

- А ты и вправду коня выбрал подходящего, Батым, орки на него не зарятся...

В состязаниях в стрельбе из ружья участвовали преимущественно орки. С тех пор как появилось ружье, они пренебрегали луком. Стрелки же из лука почти все были фокотли. Батым стоял, не проявляя никакого желания участвовать в состязаниях. Ерстэм заподозрил, что он считает неудобным оставить в одиночестве гостя, и спросил:

- Батым, или ты не собираешься принять участия в состязаниях? Ведь уже начинают? - И добавил: - Мне было бы любопытно поглядеть, как ты стреляешь.

- Зачем мне меткость в стрельбе показывать? Если фокотль меток, это опасно для орков, понимаешь?..

- Выходит, ты такой стрелок, что у орков есть основания бояться тебя?

-Если не попадать в цель, зачем таскать с собою лук?

В этот момент несколько пеших людей подошли к ним. С большинством из них Ерстэм уже познакомился вчера в кунацкой Батыма.

Он спешился и поздоровался с ними.

- Что ж ты, Батым, стоишь? - спросил один из них.

- А что же мне, летать что ли? - засмеялся Батым.

- Не будешь участвовать в стрельбе? Зачем тогда взял с собою лук?

- И я упрощаю его показать мне, на что он способен, - бросил Ерстэм.

- Что с тобой, Батым, не в твоём обычае отказывать гостю! Все стали дружно наседать на Батыма.

- Наш Батым в стрельбе из лука всегда был не из слабых, не понимаем, чего испугался...

- А вдруг посчастливится, премию получишь - целого барана. Вот угощение будет твоему гостю, и мы с ним полакомимся.

- Мой гость без угощения не останется! - обиделся Батым.

- Разве можно сравнить обычное угощение с выигранным, овечьим славой победителя?! Как ты на это смотришь, гость?

- Если бы мой хозяин удостоился такой чести, разумеется, я был бы счастлив. Может, тогда некоторая доля его славы досталась бы и мне, гостю, - улыбнулся Ерстэм. Батым согласился.

Хорошо именем нашего гостя я приму участие в состязаниях. Пусть это поможет мне, ведь мой гость всегда выходит победителем, - оказал он, передал поводья одному из присутствующих и направился к месту стрельбищ

На сегодня были установлены такие правила: стрелять с пятидесяти шагов три раза, тот считается победителем, кто разобьет подряд три подвешенных яйца

Из тех, кто стрелял до Батыма, пока такое никому не удавалось. Один при первом выстреле задел оперением стрелы подвешенное яйцо и покачнул его

-Ох, чуть-чуть не вышло! - воскликнул в сердцах кто-то из болельщиков

-Точно - не вышло!.. - с издевкой подхватил другой и заставил еще пуще смеяться присутствующих

Дошел черед и до Батыма. По всему видно, что в ауле его любили и слышаны были о его мужестве. Раздались подбадривающие возгласы:

-Батым, смотри не промахнись!

-Опозоришь наш околоток, оштрафуем!

-Если не надеешься на себя, подожми хвост и беги подобру-поздорову!

-Это тебе -не дикая коза, а -маленькое яичко - целься как следует! Батым отвечал спокойно, с беспечным видом:

-Я стреляю сегодня именем моего гостя, и это при дает мне уверенность. Потому что победа - его постоянная доля! Один из стариков сурово осадил Батыма:

-У, негодный, глупости болтаешь! Если промахнешься, и гостю конфуз, и нам, темиргоевцам, позор!

-Нет, Гуатыж, я говорю так с разрешения моего гостя. Если я окажусь негодным, он обещал выручить меня

-Ну ладно, стреляй! Становись да ноги раздвинь!- нетерпеливо крикнул то-то

-На войне или на охоте некогда ноги раздвигать и выбирать удобную позу! - возразил Батым. - Достоин похвалы лишь тот, кто на ходу попадает в цель

И он уверенным шагом подошел к черте и, на ходу положив стрелу на лук, почти не целясь, выстрелил. Яйцо разлетелось вдребезги. "О-о-о!" - пронесся над толпой гул удивления.

И следующие две стрелы Батым спустил так же стремительно. Одно за другим разлетелись еще два яйца.

Среди фокотлей поднялся ободряющий шум, радостные восклицания. А там, где особняком толпились молодые орки, лишь многозначительно переглядывались.

Батым, не обращая внимания на похвалы, стремглав побежал, собрал свои стрелы и, вытерев их о полы черкески, вложил в колчан.

Ерстэм не удивился тому, что Батым оказался столь метким стрелком. Понимал, не будь он уверен в себе, не стал - бы во всеуслышание заявлять, что стреляет именем гостя.

Его удивило другое: попасть одним махом, без прицела, в такую маленькую мишень для этого требуется особое мастерство и большой опыт. Ерстэм "и сам, пока приобрел ружье и пистолет, достаточно имел дело с луком и стрелами. И даже считался одним из лучших стрелков. Но для того чтобы обрести такую меткость, какой обладал Ерстэм, ему пришлось немало помучиться.

Бывало, на охоте, бил дичь без промаха, а в прицельной стрельбе по мелкой мишени нет-нет да и промахнется. Как ни старался соблюдать все правила стрельбы, неведомо по какой причине то попадет, то нет. Он долго как одержимый испытывал, проверял, изучал, менял стрелы и лук, азартно и настойчиво допытываясь, в чем же тайна меткой стрельбы? И лишь постепенно, делая открытие за открытием, обнаружил, что та меткость в стрельбе, которую в сказках называют "пройти стрелой через игольное ушко", зависит не только от силы и ловкости стрелка, а и от многих, многих других причин.

Неужели же этот паренек сам разведает тайны этого искусства?!" - с недоверием подумал Ерстэм.

- Я похож на охотника, который вместо дикой козы убил домашнего барашка! - радостно говорил Батым, подходя к своему гостю.

Ерстэм молча взял из колчана Батыма несколько стрел, отличавшихся по оперению от других, и принялся внимательно рассматривать каждую из них. Так и есть, его предположения оправдались: место накладки стрелы на древко лука и ее упора в тетиву отмечены были мерными угольными мазками. Ерстэм начал перебирать стрелы в колчане: преобладающее большинство было оперено вороньим крылом и лишь некоторые пером белохвостого орлана. Ерстэм знал, что стрелы с таким оперением особо ценились в Крыму, и пользовалась ими главным образом татарская знать.

Ерстэм отобрал десять стрел, сработанных с особой тщательностью; по размеру, форме и тяжести наконечников их трудно было отличить друг от друга.

Много труда, верно, ты положил, чтобы сработать эти стрелы... - сказал Ерстэм, возвращая их Батыму и многозначительно улыбаясь. Батым удивленно вскинул на гостя глаза.

- А ты, оказывается, тоже понимаешь, какое значение имеет отделка стрелы? Я думал, что кроме меня до этого еще никто не додумался.

- Я тоже когда-то с азартом занимался стрельбой из лука... - коротко ответил Ерстэм.

Объявили о начале состязаний на шашках. Отдельно состязались верховые и пешие.

Ерстэм скорее инстинктивно, чем осознанно, почувствовал на себе чей-то настойчивый взгляд. И словно кто-то подтолкнул его, неожиданно для самого себя оглянулся. Его глаза встретились с острым, злобным взглядом какого-то всадника, стоявшего среди красно-чувячных орков. Незнакомец отвел глаза.

Ерстэму почудилось, будто он где-то видел и это лицо и эту фигуру, - однако никак не мог припомнить, где именно. Он стоял, то и дело взглядывая на него, и вдруг вспомнил: "Так это ж вероломный оркский парняга!..

Ну, конечно! Как же он добрался сюда? И где так быстро достал нового ионя? А может, они настигли мальчика и отняли у него своего коня?!" - встревожился Ерстэм, но, приглядевшись, вспомнил, что в лесу всадник был на гнедом коне, а сейчас под ним - вороной.

И одет парняга так же, как в лесу. Заметив, что у него на поясе нет пистолета, Ерстэм успокоился: значит, не настигли они бедного мальчугана...

Ерстэм опять встретился взглядом с парнем, но теперь тот не отвел глаз, а глядел на него с открытой ненавистью. "А ты приобрел смертельного и коварного врага, сказал себе Ерстэм. - Такой ничем не погнушается, и засаду устроит, и не посовестится в спину выстрелить. Он будет неотступно ждать малейшей твоей оплошности. Кажется, он вовсе не опасается, что я обнаружю позорное приключение в лесу, понимает, что до такого злословия я не унижусь. Умный негодай... Посмотрим же, чье счастье возьмет верх..."

Продолжались - игры на шашках. В кругу действовали трое распорядителей. Они же и определяли победителей.

Ерстэм заметил: его враг подозвал одного из распорядителей, что-то сказал ему, и они вместе направились туда, где стоял Ерстэм.

- Ерстэм Залэко! - произнес распорядитель, приветствуя гостя. - Этот парень тоже наш гость, из Бжедугли он, - Емытлеко Хату. Хочет посмотреть, как ты владеешь шашкой, хочет поиграть с тобой. Что ты на это скажешь?

Ерстэм ответил не сразу. Разумеется, у него не было никакого желания принимать участие в играх и, тем более, иметь дело с этим парнем. Кроме того, Ерстэм подозревал, что парня подговорили орки. "Орк-голяк, рыскающий в поисках поживы, как нельзя лучше годится для темных дел. Орки, верно, знают, что парень неплохо владеет шашкой, вот и решили опорочить меня. А сам парень идет на это, чтобы свести со мной счеты... Прав был Батым, когда предостерегал..."

Ерстэм решил не путаться в такое дело и с шутливой улыбкой ответил распорядителю:

-Я хочу одного: стоять на своем гостевом месте, если, конечно, мне позволят, и смотреть на играющих, а сам же играть, ни состязаться охоты не имею.

Тут вмешался Хату:

- Ты - гость, и я тоже - гость. Мне хочется проверить, такова ли на самом деле доблесть Ерстэма Залэко, как молва о нем идет, иных намерений у меня нет... Или ты страшишься?

- А что ж в этом удивительного? Смотри, какой ты богатырь!.. - усмехнулся Ерстэм, прозрачно намекая парню на происшедшее в лесу. - Не привык я зря обнажать свою шашку.

- Ставлю своего коня. А если хочешь, поставлю и жизнь - я готов на все условия! - с наглой уверенностью наступал Хату.

- Если тебе твоя жизнь не нужна, то мне моя нужна - натянато рассмеялся Ерстэм.

- Тот, кто дорожит своей жизнью, называется трусом! Тогда мое дело уже сделано!..

Батым видя, что его гостя оскорбляют, не выдержал. По нашим обычаям хозяин должен защищать от опасности своего гостя, потому вместо него я ставлю свою жизнь. Жизнь за жизнь! Идет? - выпалил он в гнев.

- А ты, малый, знай, что я приехал из Бжедугии не для того, чтобы скрестить шашку с низкорожденным холопом! - презрительно бросил Хату.

Он произнес эти слова громко, и они явно пришлись по душе оркам: и их группе раздался смех.

Ерстэм вышел из себя. Он с силой схватил за локоть Батыма, который бросился было на обидчика.

- Вернись на свое место! - сурово приказал он, а сам, словно желая притушить гнев, постоял несколько мгновений молча и вдруг уже совершенно спокойно, но сурово проговорил:

- Я согласен. Жизнь за жизнь! Из нас двоих кто-нибудь должен остаться здесь навсегда.

Ерстэм сел на коня и выехал на арену. Два всадника, став друг против друга, обнажили шашки. Хату, не ожидая обычного в таких случаях ритуального скрещения шашек, неожиданно пустил коня, и, размахнувшись со всей силы, с плеча ударил Ерстэма. Если учесть, что Хату был широкоплечим, могучего сложения, то сила его удара могла быть неотразимой. Тем более, что, по всему видно, Ерстэм вовсе не ожидал коварного наскока. Зрители решили, что дело Ерстэма кончено. Но Ерстэм выказал такую силу руки, какой никто от него не ожидал: он спокойно подставил врагу шашку тыльной стороной и легко отвел удар. От шашки полетели искры.

- Что за рука у этого мужчины?! - воскликнул кто-то из фокотлей.

Так с самого начала Хату раскрыл свои мстительные намерения. Но Ерстэм сразу понял, что владеть шашкой он не такой уж мастер: искусством прокола явно не обладал, все норовил ударить с размаху и сразу покончить с противником. И Ерстэм только отражал его удары. Зрители не могли понять поведения Ерстэма: противник пытался нанести смертельный удар, а тот только защищался, подставляя свою шашку...

У знатоков вызывало недоумение и другое: между ударами Хату был небольшой отрезок времени, когда Ерстэм с успехом мог бы стремительным рывком проколоть его. Но Ерстэм пренебрегал и этой возможностью. Некоторые из фокотлей досадливо ворчали: "Что делает, чудак! Затеяв азартную игру, он накличет на себя беду!"

Хату, недавно заменив коня, нового, видно, еще не успел приручить. Он был туг на узду, неповоротлив, нередко ставил седока под удар противника - спиной к нему. Но Ерстэм даже это преимущество не пытался использовать. Фокотли с тревогой следили за боем: "Уж не собирается ли этот мужчина пощадить противника? Или у него какие-то другие намерения?.. Нет, это не умно!"

Бой продолжался с нарастающей горячностью. Отведя размашистый удар Хату, Ерстэм толкнул своего коня, вплотную подлетел к врагу и, не давая времени на размах, сцепил шашки у самой рукояти. Некоторое время они боролись, словно проверяя силу кистей рук концы шашек торчали под острым углом и ни одна из них не наклонилась в сторону. Наконец шашка Ерстэма стала наклоняться. Все ахнули: это был явный признак, что сила Хату перевесила. Шашка Ерстэма довольно далеко отклонилась. Но то, что последовало, произошло так стремительно, что люди не успели разглядеть, как это случилось. Конец шашки Хату внезапно резко покачнулся, и в одно мгновение шашка была выбита из его руки, а Ерстэм, сделав молниеносный выпад, направил острие шашки в самое сердце врага. Тот растерянно охнул и непроизвольно схватился за грудь. Но Ерстэм так же быстро отвел шашку, вложил ее в ножны и, приблизившись к Хату, тихо сказал:

- Приятель, во второй раз я прощаю тебя. Если встанешь против меня в третий раз, пеняй на себя!..

Ерстэм вернулся к Батыму.

- Прочь отсюда! - и уехал, не оглядываясь, выказав этим явное порицание оркам, которые науськивали своего ставленника против гостя.

Ерстэм и Батым возвращались шагом.

Молчал Ерстэм. Молчал и Батым. Но по частым взглядам, которые он исподлобья бросал на гостя, по лукавой улыбке, что играла на его губах, Ерстэм понимал: ему явно не терпится начать разговор и он

усилием воли сдерживает себя, глядя, как гость, хмуро уставившись в затылок своего коня, угрюмо едет рядом.

Но, наконец Батым не выдержал и, громко хихикнув, произнес:

- Чуть-чуть не заставил его крикнуть - "Мама!"... Ерстэм вскинул голову и недоуменно посмотрел на Батыма.

- Кого?

- Кого же, как не Хату! Ты ловко выдавил из него "Ох!.."

- Бывает, друг, такое, что невольно и неожиданно для себя охнешь... - улыбнулся Ерстэм.

Батым пожалел о своей глупой шутке. "Вот это мужчина, - пристыдил он себя. - Зря человека не оговорит, лишнего слова не вымолвит. И никогда не похвастается. Таким и должен быть настоящий адыгский мужчина!" Немного погодя Ерстэм вдруг спросил:

- А кто такой этот Хату?

- Из Бжедугии он. Видно, из орков-голяков. Подружился с орковской семьей в нашем ауле и часто навещается "к ним. Бывает, месяц и два гостит. Вместе с их старшим сыном частенько выезжает на разбой. И младшего с собою берет, приучает к орковскому "мужскому делу". Орки из нашего аула "весьма высокого мнения о Хату..."

Когда подъехавши к аулу, Ерстэм взглянул на запад и, натянув поводья, долго смотрел на заходящее солнце. Как раскаленный медный таз, оно опускалось за черный пунктир далекого леса. Огненный шар коснулся земли и, казалось, поджег землю - полнеба охватил пожар. По пылающему небосклону плыли купы белесых облаков - тоже словно подпаленные снизу. Трава деревьев, крыши домов купались в золотых струях.

Не понимая, что поразило его гостя, Батым недоуменно спросил:

-Что ты там увидел?

-У вас и закат солнца необычен... - коротко бросил Ерстэм, не оборачиваясь и продолжая глядеть на запад.

- А разве у вас закат не такой?

- Совсем не такой... - Ерстэм помолчал, тронул коня, повернул его к аулу и продолжал: - У нас ничего подобного не увидишь.

Задолго до заката тени гор смыкаются в долинах. Небосклон еще светел, горные вершины окрашены в золото, а в долинах и лощинах уже вечер...

- Удивительно!.. - задумчиво проронил Батым. - Мне давно хочется повидать ваш абадзехский край. Там должно быть много интересного...

- Приезжай, покажу тебе всю Абадзехию.

- Хорошо бы, но... - Батым помялся и добавил:

- Для поездки в Абадзехию нужно мужество.

- Думаешь, в Абадзехию только особо мужественных пускают?

- Не о том я... Фокотлей, которые ездят в Абадзехию, наши орки берут под наблюдение и начинают преследовать как врагов...

- Справедливые слова... - подумав, согласился Ерстэм.

- Да, много трудностей связано с поездкой фокотля в Абадзехию... - грустно протянул Батым.

Скот возвращался с пастбища. Тревожный рев коров и буйволов, бляение овец, звонкая дробь молока о ведра весь этот шквал звуков пролетел над аулом и схлынул - так после короткой грозы устанавливается внезапная тишина.

Сумерки сгущались.

Батым и его гость, помывшись и отдохнув, сидели в ожидании ужина. Вдруг в бархатной тишине, опустившейся на аул, раздался крик муэдзина, зовущего к вечерней молитве. Сначала хриплый продолжительный вопль, а потом речитативом зазвучали арабские слова...

- Что это? - в испуге спросил Ерстэм.

- Вот уже год как кричит, а мы никак не можем привыкнуть, - ответил Батым. - Пять раз в сутки оглушает он нас своим криком. Днем еще ничего, шум, аульная сутолока... Но вечерами, когда вот так, дневная суета стихает, эти крики и вопли душу выматывают.

- Я и забыл, что сегодня "видел у вас в ауле минарет!

- Год назад построили. По распоряжению самого старшего князя Болототсова в каждом ауле воздвигли такую мечеть. Говорят, по велению крымского хана. А у вас в Абадзехии нет мечетей? Может, ты впервые слышишь крик муэдзина?

- Крик муэдзина слышать мне "приходилось. В Крыму. Но в адыгском ауле до сих пор мечети я не видел. Откуда же так скоро нашелся адыг- муэдзин?

- Пока адыгов-муэдзинов у нас нет. Муллу в чалме с большим ворохом материи на голове прислали к нам из Крыма. Какой-то он косноязычный. И муэдзином служит, и намаз совершает. Со двора послышался голос:

- Батым!

Он вышел на зов и вскоре вернулся в сопровождении пожилого мужчины и юноши. Ерстэм поднялся им навстречу. Юноша остановился у дверной притолоки, там, где полагалась стоять молодым, старший подошел к гостю, поздоровался за руку и тоже отступил к двери.

- Заходи, присядь, - пригласил его Ерстэм.

- Сидеть не входит в наши намерения...- сказал тот и, словно не зная, как начать, обратился к Батыму взором, исполненный просьбы о помощи. Батым сделал шаг в центр кунацкой и стал пояснять:

- Ерстэм, их прислал Таур Темган, старший в доме, где сегодня происходил джегу. Таур просит тебя пожаловать к нему и отведать соль-кашу. Как ты на это помотришь?

- Если зовет старший, иного ответа как согласие не может быть, - ответил Ерстэм.

- Если так,- забеспокоился вдруг Батым, обращаясь к гостям, - то вы присядьте. Ужин уже готов - поешьте и можете идти. Куда же ты пойдешь, Ерстэм, не отведав пицци хозяина?

Но пожилой посетитель не согласился.

- Угощение хозяина гость всегда успеет отведать. А Таур уже ждет. Если Ерстэм сейчас же, не садясь за стол, пожалует к Тауру, тот будет ему очень благодарен. Таур хотел раньше послать нас, но, подумав, решил: "Надо дать отдышаться человеку, который целый день провел на джегу..."

- А хозяйка, что готовила угощение, не будет меня осуждать? - вопросительно поглядел на Батыма Ерстэм. Пожилой посетитель поспешил возразить:

- И хозяйку поставим в известность. Ради Таура она не осудит тебя.

Конюшня и кунацкая во дворе Таура, как обычно, находились под одной крышей. Длинное просторное строение стояло лицом к жилому дому. Подворье, показавшееся Ерстэму днем, во время джегу, сказочно пышным и нарядным, сейчас выглядело довольно мрачно. Ерстэма больше всего удивил длинный жилой дом. От него веяло холодом и зловещим молчанием. Во всяком случае, здесь не было никаких признаков веселья, что бывает в дамах, где находится невеста и идет свадебная суета ни звуков песен, ни веселящейся молодежи, ни приглушенных шуток и девичьего смеха. Дом был погружен во мрак. Лишь из средней, так называемой "большой комбаты", где обычно жили старики, в проем двери виднелся пляшущий слабый отблеск огня в очаге, "и доносился тревожно-затаенный говор женщин. Дом был темен, молчалив и пасмурен.

"Что за беда тяжелой печалью наполнила этот дом? Что случилось у них?.." - с тревогой подумал Ерстэм.

А вот возле двери кунацкой толпилась молодежь, изнутри доносились оживленные "мужские голоса, в проеме мигал слабым свет коптилки.

Ерстэм вошел в кунацкую. Большая компания мужчин весело и приветливо поднялась ему навстречу. Большинство мужчин было такого же возраста, как Ерстэм, и человека три более пожилых.

Судя по убранству кунацкой, семья была зажиточная. Возле двух стен - деревянные кровати, над одной из них пестрый большой ковер. Постельные принадлежности, свернутые и отодвинутые к стене, покрыты дорогами иноземными тканями. Два круглых окна затянуты белой прозрачной бумагой, какую Ерстэм видел только в Крыму.

В этой семье, видно, были и опытные охотники: по стенам прибиты олени и туры рога. Несколько длинных дубовых лавок и множество мелких скамеечек свидетельствовали о том, что кунацкая являлась излюбленным местом сборищ и времяпрепровождения людей. Ерстэм сразу обратил внимание: на концах дубовых лавок вырезаны клеточки для игры в шашки. В дальнем углу стояли медные кумган и таз, начищенные до блеска. На стенах развешаны циновки с богатым орнаментом.

В кунацкой воцарилось смущенное молчание. Но вдруг Ерстэм заметил волнение среди молодежи, толпившейся у входа, - молодые люди гурьбой вывалились из кунацкой, освободив проход. Некоторое время прямоугольник открытой двери оставался пустым, затянутым лишь черной завесой ночи, но вот в проеме появился старик, стройный, худощавый и крепкий. Усы и борода "сильно тронуты сединой, черкеска перетянута поясом с кинжалом. Но рукава темно-серой черкески длинные, скрывающие кисти рук, - признак того, что старость уже вступила в свои права.

Все встали навстречу старику, подавшись в сторону двери и уступая ему почетное место. Ерстэм тоже вместе с другими подвинулся ближе к двери. Он догадался, что это Таур Темган, хозяин дома, пригласивший его. Таур задержался у порога, беглым взглядом окинул присутствующих и, увидев гостя, величаво присоился. Вскинув правую руку к подбородку, он приветствовал его:

- Пусть будет добрым твой приезд, Ерстэм!

Таур усадил гостя и лишь после этого сел сам и сказал остальным: "Садитесь". Однако сели лишь трое пожилых.

- Ерстэм, не осуждай меня, - начал Таур, - мое появление здесь - произошло не совсем то адыгским обычаем. Мне положено зайти сюда и приветствовать гостя лишь после того, как он посидит и отдохнет. А я поторопился. И скажу тебе, почему: подумал, если зайду позже, попаду в разгар трапезы и помешаю вашему веселью. И еще как говорится, к старости человек становится сонливым побоялся, что сам не замечу, как усну, и не увидаю тебя. Много добрых слов мы слышали о тебе, а вот до сих пор не видели. Спасибо за то, что, утомившись за день, ты все-таки те поленился проведать меня! Как у - вас там, в Абадзехии, все благополучно? Ерстэм коротко отвечал:

- Мирно у нас...

Таур не стал требовать от гостя подробного - пояснения, что Кроется за коротким словом - "мирно". Он еще спросил о некоторых знакомых в Абадзехии. И Ерстэм все так же немногословно отвечал:

- Живы, здоровы, благополучны.

Таур посидел недолго.

- Желая вам доброго и веселого вечера, - сказал он и удалился.

Ерстэм сразу оценил старика: "Должно быть, некогда был неукротимым и неустрашимым"...

Едва старик вышел, в черном проеме двери появилась девушка. Словно не решаясь войти, она постояла на пороге и наконец тихой, мягкой походкой вплыла в кунацкую.

Ерстэм помнил, что Суанд находится в свите княжны-невесты, и, направляясь сюда, таил в душе надежду увидеть ее. Но сейчас, когда она появилась в кунацкой, он не сразу поверил себе - а вдруг зрение обманывает его?

Взволнованный, он до неприличия торопливо поднялся ей навстречу и остановился, не в силах отвести от нее взгляда. Но Ерстэм быстро осознал свою оплошность и, боясь, как бы присутствующие не заметили, что происходит в его душе, усилием воли взял себя в руки.

Суанд была в том же платье, что и утром на джегу, только золотая шапочка отсутствовала - голова покрыта пестрым шелковым шарфом. В высоких деревянных сандалиях, она показалась ему выше и крупнее. Та, которую он видел на танцах, была ближе его сердцу. В сафьяновых, пестро расшитых мягких чувяках, тоненькая и хрупкая, она кружилась вокруг него, как нарядная пестрая птица... Тогда ему показалось, что они с Суанд сродни душой...

А сейчас, хотя она была стройнее, выше и, пожалуй еще красивее, он вдруг сердцем почувствовал некоторую отчужденность, словно и не было той близости, рожденной в восторженном вихре танца. И грусть, которую он заметил еще там, на джегу, теперь, как ему показалось, сильнее туманила девичий взор...

Вместе с Суанд в кунацкую вошел молодой паренек с чистым полотенцем. Паренек остановился у порога, а Суанд подошла к Ерстэму и поздоровалась за руку.

- Не смотри, наш гость, что Суанд так робко опускает веки, она очень коварна. Вспомни, как сегодня заставила тебя поневоле раскрыть мастерство танцора, - пошутил кто-то из пожилых.

- Это верно, сегодня Суанд победила меня, но никакого коварства я в этом не заподозрил, возразил Ерстэм. - Правда, мне почудилось, будто "мы не только поладили в танце, "но и сердца наши сблизилась. А теперь я вижу, что Суанд позабыла эту близость. Уж не знаю почему...

Суанд ниже опустила голову, пропустив его слова мимо ушей как ничего не значащую шутку.

- Садитесь! - сказала она, отступила, принесла из дальнего угла кунацкой кумган и таз. Подойдя к гостю, она полила ему воду на руки, потом взяла у юноши полотенце и передала Ерстэму. Она также дала умыться трем старшим, после чего возвратила кумган и полотенце голодному человеку, а сама, не поворачиваясь спиной, учтиво пятась, удалилась. Вскоре в кунацкую стали вносить столики о трех ножках, уставленных пищей. И Ерстэм еще вчера, в кунацкой Батыма, заметил, что темиргоевцы так же сдержанны мл осмотрительны в еде, как и в речах. И сегодня в кунацкой Темган он не видел ни одного, кто бы с излишним усердием напирал на еду. Каждое кушанье вносили на трех столика: блюда пились одно за другим, и сотрапезники Ерстэма ограничивались тем, что пробовали -каждое из них. Вообще- то Ерстэм привык к тому, что адыги не одобряют чревоугодничества, и все же подобная воздержанность и скромность немало удивили его. А самый пожилой а ловок, что сидел с ним за одним столиком, казалось только подвигал гостю лучшие куски, сам едва прикасаясь к еде

Напитками тоже не увлекались. В этот вечер не подавали бузу, а принесли медовуху. По кругу ходил рог, все отпивали понемногу, будто для виду, и передавали его дальше

Ерстэм целый день ничего не ел, только рано утром позавтракал, но несмотря на это, есть ему не хотелось. Его все занимала мысль о Суанд. Посвататься он не считал себя вправе, хотя в Абадзехии было

немало случаев, когда брали себе вторую жену. Да и не был уверен, что, посватаясь, получит благосклонный ответ. Ведь несомненно у Суанд много поклонников. А может, есть счастливцев, которому она отвечает взаимностью. Что ж тут удивительного?

Такая девушка не может остаться незамеченной.

Но как Ерстэм ни уговаривал себя, мысль его окольными путями снова и снова возвращалась к Суанд. Почему она грустна? Какое тайное горе клонит ее голову? Не может быть, чтобы юная девушка так сильно чувствовала сердцем боль и обиду за униженное и бесправное положение своего сословия фокотлей. В это Ерстэм не мог поверить. Может, она полюбила, но нет у нее надежды на счастье? Ерстэм, чтобы сломить преграду, мешающую ее благополучию, не пожалел бы своей жизни. Если уж он, Ерстэм, не может разделить с "ней" счастье, пусть хоть она будет счастлива. Может, кто-нибудь обидел ее? Тогда, с горячностью думал Ерстэм, будь девять жизней у обидчика, он, Ерстэм, лишит его всех девяти!..

Так незаметно Суанд превращалась для Ерстэма в недостижимую, прекрасную мечту.

После ужина, как обычно, в кунацкой завязалась оживленная беседа. По- началу темиргоевцы пытались окольными вопросами втянуть в разговор гостя. Но Ерстэм отделялся лишь односложными ответами. И тогда они заговорили между собой.

- Сегодня слышал я об одной скандальной истории, - начал кто-то.

- Разве мало у нас таких историй? - парировал другой.

- И то верно, - согласился третий. - Не проходит дня, чтобы какая-нибудь неприятность не случилась. Вот вчера: на отару овец, которую пас Ляхуж, напали два орка. Овцы-то Альджеруковых, а орки думали, что фокотлей. Обнажили шашки, Ляхуж выбил их из рук нападающих.

Тогда орки вынули пистолеты, но тут подскочил какой-то незнакомец и предотвратил кровопролитие. Чуть не погиб бедный Ляхуж...

- Кто же, интересно, был этот путник?

- Ляхуж не знает. Говорит, такого грозного мужчины вовеки не видал. Крикнул сурово на орков, так они сразу поджали хвосты и ретировались. Ляхужу показалось, что всадник не нашего края человек...

Ерстэм понимал, что у говоривших явно были свои соображения о том, кто этот незнакомый всадник. Ожидая, что окажет гость, все замолкли. Однако Ерстэм не проявил никакого интереса к истории. Наконец кто-то прервал затянувшееся молчание.

- Что тут удивительного! Каждый день подобное случается. А вот история, которую я слышал недавно, куда печальнее. Такое не часто бывает.

- И это случилось в нашем краю?

-Нет, не у нас. Случай не только печален, но и позорен, потому ни место, где он произошел, ни имена тех, с кем это случилось, упоминать нежелательно...

- Ну, хорошо, имена называть нельзя, но историю-то рассказать можно! Что же тянешь, вокруг да около ходишь! Начал - рассказывай! нетерпеливо подзадоривал кто-то.

- В самом деле, если нельзя рассказать, то зачем заговорил? - поддержал другой.

- Вы - правы, друзья, если не собираешься рассказывать, не надо и начинать. Я поведаю вам эту историю. Потому я так близко к сердцу ее принимаю, что хорошо знал того парня, с которым она приключилась. Из тех он, кто надеялся на доброту орков и князей и всячески подлаживался к ним. Пожалуй, это был его единственный недостаток. Он дружил с сыном князя, и княжич благоволил к нему, выезжая, всегда брал с собой.

Пригласилась этому парню девушка из фокотлей. Парень знал, что и он девушке нравится. Посватался, но девушка ему отказала.

Достойная девушка. С вилась в ауле как мастерица-рукодельница. Как говорится, один раз взглянет, и мерку снимать не надо, что ми сошьет, все как влитое сидит. Умна и тактична, нрава мягкого, манеры скромные и приятные. Один недостаток: всегда грустна и угрюма. Словно сердце ее грызло какое-то горе. Лицо никогда не светилось улыбкой, все сидит дома, уткнувшись в рукоделие. Не веселилась со сверстницами она на вечерних посиделках не бывала и даже на джегу избегала ходить. Вот такая была - я ее не раз собственными глазами видел.

Парень рос сирым - ни матери, ни отца. Жил одиноко, характера замкнутого и затаенного. В молодой компании его тоже редко можно было встретить, своих надежд и тайн никому он не доверял, что называется, одинокая голова и одинокое сердце. Но с ранних лет пристрастен был к состязаниям в мужестве, силе и ловкости. Словом, многими чертами характера походил на девушку, которую то любил. Это сходство, верно, и определило его выбор.

Как бы то ни было, о парень прилип сердцем к девушке и решил во что бы то ни стало добиться ее согласия.

Парня, о котором я веду речь, нельзя упрекнуть в отсутствии смелости, нет, он из тех, про которых говорят, что мужеством его не превзойдешь. И не глуп. Но не было у него друзей среди фокотлей. Так всегда бывает: кто надеется на орков и князей и становится их угодливым спутником, тот отрывается от своего племени и сословия. А разве князья и орки могут быть друзьями фокотля?

Когда парень уже начал терять надежду уговорить девушку выйти за него замуж, он рассказал о своей беде княжичу. Тот принялся восхвалять на все лады девушку, говорил, что другой такой нет в ауле, что парень сделал очень хороший выбор и он, княжич, употребит все свое влияние и заставит девушку согласиться на этот брак.

Короче говоря, княжич рьяно взялся за дело и в конце концов добился своего - свадьба состоялась. Но в первую же ночь парень обнаружил, что невеста его не девушка. Пока не окончились свадебные торжества, он молчал. А когда стихло веселье и разъехалась гости, он приступил к жене с расспросами: "Я верю, что ты по доброй воле не пошла бы на "позор! - говорил он. - Значит, тебя или коварно обманули или совершили над тобой "насилие. Ответь, кто он, посягнувший на твою девичью честь?" Уговорами и угрозами он наконец заставил жену обо всем рассказать. Виновником оказался друг его, княжич.

Парень не стал ни в чем упрекать жену, лишь спустя три дня после ее признания, приказал:

"Сегодня вечером к нам пожалует большой гость, приготовь все что ладо".

Вечером парень вернулся вместе с княжичем. Тот, верно, рассчитывал, что лопухий фокотль ничего не заподозрил, и был очень весел, шутил, ел, пил, произносил тосты, желая новой семье всяческого счастья и выражая готовность быть их другом.

Было уже за полночь, в домах давно погас свет, люди спали, а фокотль и его гость продолжали пировать. Жена вышла зачем-то ненадолго на кухню, а когда вернулась, не поверила своим глазам: муж завязывал в большую холстинную простыню тело, гостя и его кровотокающую отрубленную голову...

Расширенными от ужаса глазами жена некоторое время смотрела молча, потом попыталась закричать, но голос не слушался ее. Потеряв сознание, она рухнула на пол.

Очнувшись она на кровати одетая. Припомнив все, быстро села и оглядела комнату - ни мужа, ни гостя, свет погашен. Вскочив, она бросилась на кухню - никого, выбежала во двор, заглянула в конюшню там коня не оказалось...

С той ночи и муж ее и княжич так и исчезли. Бедная женщина, не ведая что делать и как поступить, замазала глиной пятна крови на полу и, затаив свое горе, зажила одна в доме.

Однако могло ли остаться незамеченным исчезновение двух человек, и особенно княжича? Поднялась тревога. Нашлись люди, которые, оказалось, знали, где в тот вечер был в гостях княжич. Стали расспрашивать жену фокотля..

- Откуда я, женщина, могу знать, куда отправляются мужчины, - верхом уехали... - пыталась она скрыть правду. Но в конце -концов заставили ее во всем признаться.

Вскоре распространился слух, что убийца бежал в Абадзехию, и некоторые из темиргоевцев встречали его там.

А сегодня я услышал, что фокотлевский парень вернулся в свой край, видно, хотел забрать жену. Кто-то из орков увидел его и опознал. Проследили и обнаружили там, где он остановился. Орки окружили дом, но парень вырвался из кольца. За ним погнались. В перестрелке фокотль ранил нескольких орков, а его самого убили. Так бедный и погиб... Закончил рассказчик. В кунацкой воцарилось печальное молчание.

- Так всегда бывает: кто не стерпит обиды, тот за обиду и погибнет... - печально вздохнул кто-то из старших.

- Слишком поздно понял этот парень, кто такие орки и князья!.. - не удержавшись, вклинил Батым свое слово в разговор старших.

- А ты, малый, много не болтай!.. - сурово одернул его самый старший.

- Я удивляюсь другому, - произнес Ерстэм. - Не ужели для ваших орков не существует никаких законов? Неужели они так бесчеловечны?

Ответом ему было долгое молчание, - явно никто не желал участвовать в разговоре. Наконец один из старших неохотно вымолвил вполголоса:

- Почему же? Есть у них свои законы и своя человечность орковские законы и орковская человечность...

- Где нам понять, что у них есть и чего нет... - добавил другой. - И законы свои, и человечность они проявляют только между собою...

Все многозначительно замолкли, понимая, что разговор пошел по опасному пути. И вдруг самый старший возвысил голос и бодро проговорил:

- Довольно об этом! Позовите Суанд - пусть гость послушает песни. И гармонику-рогатку принесите.

Как только произнесли имя Суанд, сердце Ерстэма кольнула страшная догадка: "А что если печаль Суанд такая же, как у той несчастной девушки, о которой мы сейчас слушали рассказ?"

От этой мысли у него перехватило дыхание. Он не успел еще решить, как отнестись не своей догадке, как вошла девушка, и Ерстэм поднялся ей навстречу, - но сердце его было холодным и взгляд отчужденным.

И девушка, казалось, почувствовала перемену, происшедшую в госте, и почудилось Ерстэму, что она тоже стала суровой и отчужденной. "Видно, ей все равно, как я отношусь к ней, с горечью подумал он, какое ей до меня дело?"

Суанд встала у двери, ожидая, что ей скажут. Батым, с гармоникой-рогаткой в руках, остановился за ее спиной.

- Суанд, сыграй нам, пусть наш гость послушает твои песни. Садись сюда. Дайте ей скамейку, - повелел старшой.

Девушка, спокойно, без стеснения и замешательства, села на поставленную табуретку на гармонике рогатке невозможно было играть стоя, и потому, хотя садиться при мужчинах ей не полагалось, она решила нарушить обычай.

Это удивило Ерстэма. Чем больше он присматривался к Суанд, тем больше достоинств обнаруживал в ней. Вот и сейчас она проявила ум и такт, села без притворной застенчивости, понимая, что это необходимо. Подобная разумность еще больше красила ее

"Умна! - подумал Ерстэм. - Но... что кроется за ее печалью?" И снова он пытливо уставился на девушку. Однако никаких признаков тревоги или старания скрыть от людей неприглядную тайну не обнаружил. Она, как обычно, выглядела спокойной и задумчиво-сосредоточенной.

Гармоника-рогатка, которую Батым вручил девушке, была довольно велика - таких больших Ерстэм еще не видел. Она походила на простой, изогнутый дугой лук. Дерево довольно толстое, в обхват пальцев, внутри выдолблено, затем вновь склеено. У основания рогатки приделана плоская ручка.

Защемив плоскую ручку меж коленей, Суанд тремя пальцами пробежала по струнам, вызывая нежные, глуховатые звуки, сливающиеся в гармоничный аккорд. Удовлетворенная звучанием гармоники, Суанд легко вздохнула и обратила к старшим вопрошающий взор. - Старинные песни, какие ты обычно играешь, - был ответ на ее безмолвный вопрос.

Суанд заиграла героическую песню о "Битве в ущелье Ошнау". Три пальца правой руки бежали по струнам, и вслед за ними, казалось, каждая струна роняла каплю мягким, нежный глуховатый звук. Разной тональности звуки, сливаясь, образовали стройным рисунок песни, звучавшей словно издали. Казалось, будто это человек поет только для одного тебя, проникновенным, приглушенным голосом, навевая таинственные думы и надежды.

Ерстэм слушал песню, а сам продолжал пытливо смотреть на девушку. Ему показалось, будто Суанд, едва начав играть, внезапно преобразилась. Для нее ничего не существовало, кроме этих звуков, она словно тянулась к ним. Нагнувшись над гармоникой-рогаткой, она забыла, где находится и кто сидит в кунацкой. И то необыкновенное, что она ощущала, светило на ее лице невыразимым наслаждением и торжеством.

Наверное, в крови каждого человека есть нечто такое, что чутко отзывается на звуки родных песен. Неизъяснимую власть имела адыгская песня и над Ерстэмом. Вот и сейчас: песни Суанд сладостной болью сжимали его сердце и будили в душе острую любовь и жалость к народу, сложившему эти песни. Перед его глазами вереницей проплывали картины вечной борьбы адыгов за существование и на поле брани, и в быту. И Ерстэм со всей отчетливостью, может быть впервые, понял, что единственной защитой в этой борьбе являлись выносливость и непреклонное мужество.

Но вдруг мысли Ерстэма снова вернулись к его догадке. "Если поневоле случилась с нею беда, она ведь не виновата. Как винить людей за те бесконечные беды и обиды, что обрушиваются на них?.." - думал он уже смятенно и примирительно. Кто-то из молодых затянул песню, остальные подхватили:

Гляну на небо - звезда надо мной,

Гляну на землю - тропа подо мной...

Ерстэм, слушал песню в каком-то оцепенении, то и дело возвращаясь мыслью к Суанд: "У той, у которой душа и сердце так преданно тянутся к пене, они не могут быть грязными. Нет у нее позорной тайны... Если бы даже насильно подвергай ее позору, не был бы так спокоен и светел ее лик..."

Суанд переменяла мотив. Теперь она играла песню "О сыне Ворона Созерехе":

Звезда яркая, предрассветная

Над его головой загорается.

Жало острое, смертоносное

В его горло сталью вонзается.

И дальше сквозь ворох мыслей к Ерстэму рвется песня о герое Айдамиркане:

Когда ринутся всадники в бой,

Он, крылатый, всех впереди.

Он на поле брани летит,

Взвившись, словно туманным смерчем,

В первозданную степь ступит он.

Как орлан, оглядится вокруг,

Острый меч обнажит - стон и звон!

Путь его уж по трупам лежит...

Ерстэма вдруг будто осенило: все песни, "которые исполняла Суанд, - героические песни. И словно просветлел разум: "Да, у этой девушки обостренное чувство чести своего сословия. И печаль ее не печаль позора, просто у нее острее, чем у других, обида подневольной жизни, которую вынуждены терпеть фокотли. И об этом ее грусть..."

12

Ерстэм и Батым вернулись домой поздно ночью. Батым подал гостю воды умыться и освежить ноги. И когда гость уже спокойно лежал в постели, он остановился посреди кунацкой и озабоченно сказал:

- Нашей Суанд сейчас нелегко приходится...

Ерстэм вздрогнул и насторожился: "Не догадался ли парень о том, какой переполох произвела в моей душе девушка?"

Ерстэм помедлил с ответом и, стараясь придать голосу безразличный тон, спросил:

- Это почему же?

- С невестой-княжной никак не могут поладить.

- Да? Это вправду нелегко. Уж я-то хорошо знаю что такое избалованная, капризная княжна...

- Дело не только в капризах. Она недовольна тем, что ее поместили в фокотлевскую семью, и с первого же дня, как говорится, нею семью грозными бровями бодает. Но больше всех она невзлюбила Суанд. И за ее красоту, и за то, что люди относятся к ней особенно приветливо и ласково. Просто возненавидела. А сегодня, узнав, что Суанд удостоили чести исполнить "танец одной девушки", она и вовсе взбеленилась.- Таковы уж нравы у этих княжон... - Ерстэм по молчал и переменял направление разговора: - А что, в кунацкой Темган орков не было, или я не заметил? - Где орки, там фокотлям сидеть не полагается. Старым и, молодыми. Поэтому фокотли всячески избегают мест, где присутствуют орки. Правда, среди нас, фокотлей, немало и таких, что почитают за честь выстаивать перед орками и обхаживать их. Ну, о них другой разговор... Не было сегодня орков.

Батым оказался прав: как раз в эти дни у Суанд было много неприятностей.

С самого начала, когда князь Болотоков сообщил, что хочет поместить у них свою невестку, Таур Темган воспринял это как смертельный удар. Выходило, что с ним приключилось именно то, чего он больше всего страшился. Умный старик не мог не понимать, что общение с орками и князьями всегда чревато большими осложнениями. Но что мог он поделать? Не пустить молодую в свой дом было бы таким же позором, как не принять пожаловавшего к тебе гостя. И вдобавок обретешь врага - да избавит тебя бог от врага-князя!..

А с другой стороны, была для Таура в этом деле еще одна немалая опасность: фокотли могли посчитать, что он подлаживается к князьям, чего доброго, станут косо смотреть. А Таур хорошо знал, какова участь тех фокотлей, которые пытались вот так задобрить князей и орков, он немало повидал подобного... Исполнять то, что обязан, выплатить оркам все, что с него причитается, и не иметь с ними ничего общего - таково было жизненное правило, которого придерживался Таур.

Семья Темган находилась в большой тревоге. Орк-гость, сам по себе, таит для фокотля опасность: не угадаешь, за что обидится, что не понравится ему "в твоём обхождении, из-за чего затаит вражду. А тут еще хуже гостя-княжна!..

Какая злая судьба послала на семью Темган такую беду! Месяц, два или три пробудет она у них? Кто знает, княжны, бывает, живут в гостях после свадьбы и целый год! И в течение такого срока обхаживать княжну и умудриться не заслужить ее недовольства дело не шуточное! Это большая беда и большая опасность! Хорошо, если невеста-княжна, что порой случается у молодых, окажется добра, человечна и не чванлива, тогда еще так-сяк. Но надеяться на это трудно и молодые и старые, все они змеиной Породы...

Невеста-княжна, которую привели в дом Темган, оказалась именно такой, какой они больше всего опасались. Первые несколько дней она старалась не выказывать своей неприязни ж дому и его обитателям, но скрыть свою истинную суть не могла. Все сразу почувствовали ее жестокий, несносный характер и ее неприязнь. Лицемерная холодная улыбка - одними губами, брезгливо растопыренные пальцы - все повадки ее свидетельствовали о презрении ко всем и ко всему в доме.

Правда, и в семье Темган тоже боялись и сторонились ее. Но так как невеста-княжна попала сюда по воле старшего князя, обе стороны старались обойтись без скандала и как-нибудь ужиться друг с другом.

Невесту-княжну сопровождала женщина из орков, ее доверенная. Эта провожатая стала полномочной законодательницей, бесцеремонно диктовала строжайший этикет обхождения с княжной. Впрочем, поначалу этому даже обрадовались. Никто из дома не знал всех тонкостей этикета. Хорошо, что есть хоть один человек, который сможет помочь в этом нелегком деле. Но женщина была так неприступно сурова и неприязненна к фокотлям, что каждое ее слово грубо ранило сердца окружающих. И все же в семье Темган предпочитали эту откровенную неприязнь затаенной ненависти княжны.

Провожатая, стараясь поднять престиж княжны, ставила все более и более строгие требования. Учила, как надо покорно и учтиво склоняться перед княжной, мягко, заискивающе произносить "Зиусхан"*.

Как ее одевать, как заплетать волосы, подносить кумган и таз для умывания. Чтобы княжна, умываясь, не должна была нагибаться, надо одной девушке держать таз, чуть приподняв его, а в это время другой поливать из кумгана.

* "Зиусхан" - чьи болезни я снесу - ритуальное обращение к князьям.

И в том, как лить ей воду на руки, требовалось особое умение: правой рукой надо держать кумган за ручку, а левой придерживать его корпус, воду лить не сильной струей, чтобы не брызгала. Девушки, которые будут держать таз и кумган, не должны прикасаться к полотенцу. А та, что удостоится держать полотенце, пусть стоит в стороне, наготове. Причем, полотенце нельзя протягивать одной рукой, это неуважительно, надо подать двумя руками, с поклоном

А какие сложные правила нужно было соблюдать, принося стол с едой! Следовало утрамбовать кашу и уложить поверх нее мясо, да не просто, а в виде красивого орнамента. Из баранины выбирались особые куски, а от курицы только определенные части. И в том, как внести стол, как его поставить, требовалось немалое умение: трехногий стол нельзя придвигать слишком близко к невесте, но и слишком далеко нельзя ставить. Если ставишь на пол, нельзя резко со стуком - неуважительно! Ставить полагалось мягко, осторожно, и конечно, с почтительным поклоном. И еще чего ни в коем случае нельзя забывать: каждый день невестка- княжна должна получать бульон из козьего мяса.

Множество подобных правил и требований ставила перед семьей Темган женщина, сопровождавшая княжну. И все это с готовностью старались выполнять. Собрались все женщины-родичи и соседи Темган, чтобы общими усилиями справиться с выпавшей на их долю тяжелой заботой. Каждый день с целым ворохом

тревожных вопросов являлись они к главе семьи, старику Тауру, и тот, слыша о многом впервые, только бессильно разводил руками.

Главный разлад произошел из-за кумгана. По требованиям этикета, девушка из семьи Темган обязана была сопровождать княжну до уборной, неся кумган с водой, дожидаясь, пока та выйдет, проводить ее обратно в дом. Но в доме Темган девушек не было дочери Таура давно вышли замуж. Потому они кое-как уломали сопровождающую, чтобы она разрешила выполнять эту обязанность старой рабыне, которая прижилась у них.

Но чтобы развлекать княжну-невесту, помогать ей в рукоделии, выполнять различные поручения, семья Темган пригласила несколько соседских девушек, и в их числе - свою родственницу Суанд. Однако именно эти девушки особенно пришлись не по душе княжне-невесте. С юной неразборчивостью в сословной розни, спи шумной, смешливой ватагой вбежали в комнату невесты, готовые одарить ее веселой дружбой и окружить теплом юных сердец. Но княжна не приняла их доброго порыва, осадив их надменно и холодно. Девушки оторопело застыли на месте - сила обиды равнялась их первоначальному горячему желанию подружиться с невестой.

- С тех пор между княжной и девушками-подружками пролегла пропасть. Они всей душой возненавидели гостью, страшлись заходить в комнату, которая казалась им логовом какого-то чудовища. Но семья Темган лаской и уговорами кое-как заставляла девушек блюсти необходимый ритуал.

Особенно княжна невзлюбила Суанд. И, пожалуй, Суанд тоже больше других возненавидела княжну, хотя и старалась не выказывать своей неприязни. Но как ее ни упрасивали, она наотрез отказалась раболепно склоняться перед княжной. Та заметила гордость Суанд, и это еще пуще взбесило ее - какая-то фокотлевская девка будет задирать перед нею нос...

Мало-помалу княжна начала усердно, с расчетливым коварством искать повода, чтобы поставить на место зазнайку.

А между тем каждый день и каждый час в поведении Суанд появлялись все новые черты, которые задевали родовую спесь княжны и разжигали в ней жажду мести.

Например, другие девушки, как ни ненавидели княжну, а не могли не восхищаться ее нарядами. С вкрадчивым любопытством разглядывали они богатые платья, не в силах удержать восторженных восклицаний. В самом деле, княжна привезла великолепные украшения, одежды из дорогих иноземных тканей сказочных расцветок, невиданной красоты и изящества пояс и нагрудные застежки, усеянные драгоценными камнями, сплетенные в невообразимо тонкие узоры да еще покрытые яркой позолотой и чернетью. Девушки не могли от них оторвать глаз, и даже мимолетное прикосновение к ним доставляло им неизъяснимую радость.

Суанд же не позволяла себе ни удивляться, ни восхищаться, смотрела на все с безразличным видом.

Первая открытая вспышка их неприязни произошла из-за еды. Орки считали для себя большой честью, когда князь или княгиня разрешали им отведать пищу после того, как сами кончали есть, это считалось признаком особой милости. "Князь подвинул ему свой столик", - говорили с умильным торжеством в таких случаях. Приближенная невесты, после того как та отведала пищу, следуя этому обычаю, предложила трем-четырем девушкам съесть что-нибудь после княжны. Среди этих избранниц оказалась и Суанд.

- Садитесь, ешьте, - приговаривала она. - Да не забудьте: редко фокотлевская женщина удостоивается такой чести!

Девушки, не зная, как вести себя, в смущении придвинули столик и уже собирались садиться, как раздался ледяной голос Суанд:

- Спасибо, мы не достойны, покушаем в той комнате...

Княжна прекрасно поняла смысл слов Суанд: с трудом сдерживая гнев, она презрительно скривила губы и повелела:

- Не сажай этих передо мною!.. Унесите столик!

Почет, которым окружили Суанд на джегу, ее насмешливое замечание в адрес Кушука Альджеруко, танец с знаменитым абадзехским наездником и, наконец, то, что она была удостоена почетного "танца одной девушки" - все это вконец взбесило княжну. Сжигаемая ненавистью к "фокотлевской девке", княжна даже не радовалась торжественному джегу, которое устраивалось в ее честь. Как раз в день джегу она потеряла всякое самообладание и весь день злобно вышагивала по комнате, не находя себе места. А на следующий день приказала своей приближенной: "Они утверждают, что у них в семье нет девушки и какая-то грязная рабыня сопровождает меня и носит мой кумган. А разве ближайшая родственница не то же, что их девушка? Так вот пусть зазнайка Суанд сопровождает меня с кумганом. Если же они не хотят почитать достоинство князей Болотоковых, я скажу об этом кому следует!"

Когда веление княжны передали Суанд, она наотрез отказалась выполнить его. "Зарежьте меня, но я за нею кумгана не занесу!" - заявила она. Не зная, как поступить, домашние пошли за советом к старику Тауру.

Это дело показалось Тауру самым трудным и капар-ным из всех, какие он когда-либо решал. Как нелеп и смешон ни был обычай, умный старик сразу смекнул, к каким неприятным последствиям он может привести. Затрудняясь с ответом, Таур долго сидел в тяжелом раздумье. Но как ему трудно ни приходилось и какой опасностью не было чревато его решение, старик взял сторону Суанд. Всячески стараясь оправдать свои слова, он сказал: "Если бы у нас была в доме девушка, не могло быть и речи о том, что по обычаю наша невеста-княжна достойна этой чести. Но как можем мы неволить чужую девушку какой бы близкой ее ни считали, ведь она дочь родственников, живущих отдельной семьей. Пусть невеста не обижается, не такое уж это важное дело, кому кумган нести! Ведь дома ее тоже сопровождала рабыня!"

Когда решение старика сообщили княжне, она взорвалась, чуть не до крови искусила от злости губы и наконец заявила: "Пусть сейчас же запрягает арбу! Если Болотоковы не могут поместить меня в достойную семью, уеду домой!" В доме Темган поднялся страшный переполох, разгневанную княжну еле-еле утихомирили.

Но в полночь, когда молодой Болотоков, в сопровождении своего хозяина, явился к ней и провожатый, стащив с ног княжича узкие чуваки и сказав - "Доброй ночи, зиусхан!" - удалился, тогда-то княжна и начала осуществление своего коварного замысла. На предложение мужа лечь в постель она не ответила, а залилась слезами и осыпала его упреками.

- Зачем вы поместили меня у этих низкороджденных людей, которые не хотят почитать достоинство князей Болотоковых? - с горечью воскликнула она.

- Кто смеет не почитать нас, наше княжеское достоинство?! - молодой княжич разгневанный сел на кровати.

Княжна во всех подробностях, с большими прикрасами рассказала, как ей живется в доме Темган.

-Ну, если так, я покажу им, что значит князь! Не волнуйся и не огорчайся!

При жене молодой князь сделал вид, будто он не придает этому делу особого значения, но самолюбие его было задето. Чем больше он думал, тем сильнее распался его гнев. Ночь он провел беспокойно. "Так, значит! не удостаивают себя сопровождать княжну-невесту с кумганом! Эта собачьего рода семья не ломает, какую честь оказал им мой отец, князь Болотоков, удостоив их принять в дом невесту-княжну! Не хотят считаться с княжеским достоинством Болотоковых?! Я -им покажу, что это значит!"

На рассвете князь вернулся в дом своего хозяина и, продолжая все более распалиться, стал нервно шагать по кунацкой, раздумывая, какое наказание придумать для таких зазнавшихся фокотлей. Два орка, его байколи*, испуганно наблюдали за господином. Они понимали, что произошла какая-то большая неприятность, но спросить не решались. Разве мало у князей важных дел!..

Наконец молодой Болотоков остановился посередине кунацкой и с помутившимися от гнева глазами повелел своим байколям:

-Приведите ко мне старика Таура Темган. Сейчас же, немедленно! Орки быстро доставили Таура.

Старик Таур по утреннему холоду одет был в новенькую нагольную шубу. Воротник, борта и рукава шубы обшиты черным ластиком, и с рукавов, по стариковски длинных, спускалась обшивка, закрывая кисти рук. Шуба подпоясана, на поясе кинжал и пистолет. Молодой Болотоков встретил старика с притворным радушием:

- Счастлив будь, Таур, замечательную ты сшил шубу!.. - проговорил он, разглядывая и ощупывая старика.
- И рукава хорошие, зимой будут прикрывать старческие руки от мороза...

Княжич незаметно взял в руки концы рукавов, якобы измеряя длину, оттянул их книзу, крепко перехватил обеими руками и, сбросив маску приветливости, крикнул байколям:

- Возьмите этого собакой рожденного, свяжите руки!

Орки бросились и мигом выполнили приказание. Таур не сопротивлялся, понимая в чем дело, и продолжал спокойно, с достоинством стоять.

* Байколь - прислужник, ординарец.

Болотоков снова приказал:

- Ведите в лес и расстреляйте! Пусть знает, что значит не уважать княжескую честь! Это и другим фокотлям будет уроком!..

В то самое утро Ерстэм, собираясь уезжать, встал рано. Батым принес завтрак, угостил гостя на дороге, отнес столик и пошел седлать коней.

Собираясь проводить гостя, Батым оседлал и своего несуразного коня. Привязав лошадей к коновязи, он уже собирался вернуться в кунацкую, как услышал на улице конский топот. Батым вышел за калитку и в туманной полумгле рассвета увидел всадника.

Всадник, скачущий по аулу, - признак тревоги. "Что заставляет его так быстро скакать?" - беспокойно подумал Батым.

Конь приблизился, и Батым увидел, что сидит на нем мальчик-подросток. Видно, паренек, пользуясь возможностью покататься, весело, во весь опор скакал, вскидывая руки. Приблизившись к Батыму, он резко натянул поводья, конь, приученный к аркану - "арканчеш", остановился как вкопанный, и малыш, перекувырнувшись через его голову, упал. Словно клубок шерсти, подкатился он к ногам Батыма и, с негодованием изрыгая забившуюся в рот уличную пыль, быстро встал перед ним. - И кто его так приучил!.. Еще говорят, что учат коней, а на самом деле только портят! Разве это конь если нельзя даже натянуть поводья!.. - жаловался паренек, утирая губы рукавом рубашонки.

- Ушибся, малыш? - озабоченно спросил Батым.

- Да нет, не ушибся. И конь и хозяин одинаковы.

Если бы я только знал, что это арканчеш...- смущенно оправдывался малыш.

- Какой же ты мужчина, если не знаешь нрава своего коня!

- Да не наш это конь! Соседей, сына Хауко.

- Почему же ты на чужом коне в такую рань и так: бешено скачешь? Нос ободрал, иди сюда, вытру и смажу целебной мазью.

- Это неважно! - отказался малыш. - Важнее то, за чем я приехал. Я собрался скот гнать "а пастбище, а тут сын Хауко подозвал меня, посадил на коня и велел: Скачи, скорее, во всю мочь к Батыму. У него гостит

Залэко Ерстэм, так скажи ему: "Молодой княжич Болотоков велел связать старика Таура Темган. Его увели в сторону леса. Скорее донеси эту весть туда!". Вот что он мне сказал, а я передаю тебе.

- Таура, говоришь? В лес повели? - испуганно воскликнул Батым.

- Сам я не видел, но так мне сказал Хауко.

Но Батыму было уже не до паренька. В невыразимой тревоге вбежал он в кунацкую и передал Ерстэму весть, которую принес парнишка.

- В этом деле, Ерстэм, твоего участия не должно быть, - добавил Батым. - Не осуди меня, побудь здесь, а я должен скакать вослед старику. Так я и знал, что эта проклятая невеста-княжна принесет на хвосте какую-нибудь беду семье Темган.

- Нет, - возразил Ерстэм, - именно ты не должен участвовать в этом деле. Не успев опериться, обрести врага грозного князя, это не шуточное дело. Покажи мне дом, в котором разместился княжич. Будет лучше, если ты и вовсе не покажешься там!

- Ты говоришь недопустимое, Ерстэм! - возразил Батым. - Даже если все князья земли ополчатся против меня, я не допущу, чтобы мой гость без меня отправился на такое дело!

- И то верно, - согласился Ерстэм, - я вовсе не хочу, чтобы ты заслужил осуждение людей. Давай уговоримся так: проведешь меня к дому, сам туда не зайдешь, а останешься с моим конем хорошо?

Так и сделали: Ерстэм вручил поводья Батыму, а сам "прошел прямо в кунацкую, где находился княжич Болоточков.

Молодой Болотоков знал Ерстэма в лицо. Он радушно и многословно приветствовал его:

-О, заходи, заходи, Ерстэм! Какой бог принес мне такого дорогого гостя! Добрая молва о тебе нам уши прожужжала, а вот познакомиться не довелось, потому ты особенно желанный гость! Заходи, садись! княжич пошел навстречу и протянул руку.

Ерстэм не подал ему руки. Сурово и холодно, подчеркивая каждое слово, он сказал:

- Болотоко, прежде чем пожаловать в гости и сесть, есть у меня к тебе одно дело. Счастье твое и мое, если успеешь вернуть живым старика Темган! Иначе один из нас не уйдет отсюда живым. Не хочешь беды, немедленно пошли вернуть его. Вот - хотя бы парня, моего спутника.

Болотоков сперва было осекся, гневно взерошившись, то сдержался. В мгновение ока он прикинул в уме, какие последствия могло иметь это дело. Судя по молве, которая ходит в народе о Ерстэме, оружием его не победить, значит, сам наверняка погибнешь от его руки. А если даже и посчастливится предупредить его удар и убить Ерстэма, абадзехи никогда не простят смерть такого человека непримиримыми, грозными мстителями станут они против князей Болотоковых. Да, если он затеет ссору, собственный отец не одобрит его. Он вдруг понял всю нелепость и ничтожность повода, из-за которого поднялся такой переполох. Оказавшись перед лицом смерти, он словно отрезвел. Ерстэм, суровый и могучий, стоял перед ним, глаза его метали гневные искры...

Быстро все сообразив, Болотоков снова предпочел прикинуться сговорчивым и благодушным.

-Такое ли уж большое это дело, Ерстэм? - воскликнул княжич с обворожительной беспечностью. - Я вовсе не собирался причинить Тауру вреда, только проучить хотел. И без посыльного мои байколы приведут его обратно.

Но Ерстэм, хорошо зная коварство княжеского рода, не согласился.

- Болотоко, хорошенько вдумайся в то, что я тебе сказал! Пошли кого-нибудь, пока не поздно!

-Ну, хорошо, хорошо! - продолжал княжич свою игру. - Сделаем так, как ты хочешь. Присядь. Где твой спутник? - княжич подошел к двери кунацкой, позвал Батыма и велел ему скакать в лес.

Вернувшись, он спросил Ерстэма:

- Своей шуткой я ненароком обеспокоил такого большого гостя! Кем же доводится тебе Таур Темган, чтобы так волноваться из-за него? Или ты в родстве с ним? Да садись же и не беспокойся о нем. Но Ерстэм не стал садиться и коротко ответил:

- Темгаи Таур, адыгский старик, справедливый и безвинный. Я присутствовал на его торжественном джегу и отведал его хлеб-соль - этого достаточно для адыга...

Таура ввели в кунацкую и развязали руки. Освобожденный, он с достоинством обратился к Ерстэму:

- Ерстэм, делать добрые дела, помогать людям в беде - таково твое счастье. Имя ему - мужество и человечность. Больше мне "нечего добавить. - После этого старик повернулся к Болотокову и так же спокойно сказал ему: - И твой поступок, Болотоко, достоин князя, что еще я могу сказать!..

Не произнеся более ни слова, Таур повернулся и вышел.

Вторая часть

1

В этом году Ерстэм выезжал впервые. Зимой на охоте у него случилось неприятное приключение. С убитой косулей на плече и с ружьем в руках возвращался он домой. Идти пришлось по узкой скалистой тропе, вьющейся над пропастью вдоль отвесной скалы. Выйдя из-за выступа скалы, он неожиданно столкнулся лицом к лицу с крупным медведем. Этого он меньше всего ожидал - только-только окончился второй месяц зимы, вовсе не время вылезать медведю из логова, наверно, кто-то побеспокоил его.

Но что бы там ни было, перед Ерстэмом стоял взбудораженный и разгневанный зверь. Ерстэм не успел поднять ружье, как медведь, встав на задние лапы, пошел на него. Быстро отбросив ружье и скинув с плеча косулю, Ерстэм выхватил кинжал и, согнувшись, бросился под вытянутые лапы медведя. По самую рукоять он всадил ему в сердце кинжал и столкнул в пропасть. Но медведь когтями успел сильно разодрать ему спину.

Перевязать рану и смазать ее целебной мазью Ерстэм не мог - как добраться рукой до спины? А тут, вдобавок, ему жалко стало медвежьей шкуры, и, спустившись окружными путями в пропасть, он содрал ее с убитого зверя. До дома предстояло еще проделать дальний путь, и это в зимнюю стужу. Словом, рана его воспалилась и долго не заживала - лечиться пришлось до самой весны. Потом начались полевые работы. Так миновали зима и весна.

Но вот в начале лета его непреодолимо потянуло в путешествие. Несносный нрав жены, нескончаемые ссоры, которые она затевала в семье, являлись, пожалуй, главной причиной того, что Ерстэм долго не мог усидеть дома. Это была его тайная болезнь, она не давала ему покоя и лекарства против нее не существовало. Удобных переправ через реку Белую было не так уж много. Ерстэм не поехал к границе Темиргои, где около Майкопа находился брод, а переправился через реку Белую выше границы племени мамхег. Этой дорогой он ездил чаще всего. Вдоль границы племени мамхег, дорогами, вьющимися по ущельям, тропами, петляющими по хребтам горных увалов, он выезжал к верховьям реки Фарс. Затем, держась линии водораздела между Фарсом и речкой Псыфыр, сворачивал вниз и переправлялся через реку Лабу у места Четун*.

За Лабой у него было два направления: или к броду через реку Пшиз (Кубань) выше устья речки Уруп, или - к известной переправе у Хараколь*.

* Четун - местность около нынешнего г. Лабинска.

* Хараколь - местность около нынешней ст. Кавказской.

Путь, пролегающий по правому берегу Кубани, Ерстэм считал самым удобным. Там не нужно было пробираться сквозь дремучие леса, крупные, реки не преграждали путь. Да и ногайцы, жившие за Лабой и Кубанью, были люди мирные и старались не вмешиваться в дела путников, проезжающих через их земли.

Ерстэм не любил ездить через земли бжедугов и темиргоев, там редко удавалось избежать стычек с орками. Когда у него не было дел в этих странах, он предпочитал путь через Лабу. Да и переправа в низовьях Кубани трудна и хлопотлива.

В Темиргое Ерстэм не бывал вот уже больше двух лет. И не потому, что сердцем отвернулся. Напротив, последняя поездка осталась для него навсегда памятной. Ему полюбился славный парень Батым, вот бы иметь такого верного друга! Ерстэм серьезно подумывал о том, чтобы перетащить Батыма в свою Абадзехию, не на шутку побаиваясь за его судьбу в княжеско-орковском Темиргое.

И еще Ерстэм должен был признаться себе, что все это Время ему не давали покоя воспоминания о Суанд. Хотя еще в Темиргое дал он себе зарок не думать о ней, трезво рассудив, что счастье это не для него, а поэтому непростительно будет растревожить девичью душу своими чувствами, но оказалось, что это не в его власти. Что мог он поделать с собой, когда вспоминать о Суанд доставляло ему неизъяснимую радость. Мысль о ней скрашивала все житейские неприятности. Чуть забывшись, он с готовностью и восторгом вызывал в воображении милый образ тут же сурово негодовал на себя: "Ну что ты, как наивный юнец, одуряешь себя несбыточной мечтой!". Он понимал: Суанд единственная на этом свете девушка, которую он полюбил навсегда, всей душой, и не его вина, что нет у него надежды на счастье!

Здесь в Абалзехии, вдали от нее, образ Суанд иногда приобретал смутную мистическую окраску - прекрасной, но неумолимо строгой богини, которая требовательно смотрит на него из далекой дали, призывая к чести и доблести. Так порой истолковывал Ерстэм ее укоряющий, пытливый взгляд, который она бросила на него во время танца.

Еще в прошлом году, весной, Ерстэму вдруг с такой остротой захотелось увидеть Суанд, что, затаив от самого себя надежду на встречу с нею, собрался было в Темиргой. Но беда, случившаяся в соседнем ауле, помешала: пятеро ребят поехали на двух арбах в Каплу за солью. На правом берегу Кубани на них напал отряд верховых калмыков, рыскающих по степям в поисках поживы. Калмыки пленили ребят. Из аула пришли просить Ерстэма отправиться по их следу. Молва привела Ерстэма в калмыцкую страну, к главарю шайки, которая захватила мальчиков. Но там выяснилось, что "пленных уже продали киргизам, за реку Индиль*." Ерстэму пришлось переплыть Индиль и добраться в страну киргизов. Короче говоря, поиски и возвращение ребятшек заняли у него м весну и лето прошлого года.

Ерстэм поначалу был огорчен, но, подумав, рассудил, что это даже к лучшему. Ну, а если бы он встретился с Суанд, что он мог сказать ей? Даже если бы Суанд согласилась стать его второй женой, разве хватило бы у Ерстэма жестокости Обречь девушку на такой ад, как совместная жизнь с его нынешней женой? Нет, лучше пока воздержаться от поездки в Темиргой...

Укорачивая знакомыми потайными тропами свой путь, Ерстэм пробирался через вековой лес Тхачег*

* *Индиль - река Волга.*

**Тхачег – по-адыгейски означает "Божий кров".*

Ерстэму и самому было непонятно, что так влечет его в неведомые края, заставляя торой страдать от одиночества, подвергаться опасности и даже голодать? Чувство освобождения от домашних забот, от тягучей скуки однообразной жизни? В дороге он - властитель неведомого мира, овладеть которым - дело его мужества и доблести. Опасность ли поджидает его впереди или гибель, не все ли равно - как пощастливится! В борьбе всякое бывает

И еще одно поражало Ерстэма: в пути раскрывалась невероятная красота окружающего мира, на которую он, дома, в ауле, и внимания не обращал. Точно впервые видел он глубину синего неба, завораживающую красоту лесов и полян. Даже терпкий запах прелой листвы в первозданном лесу казался ему пьянящим: ароматом. Он вдруг замечал тончайшую работу искусницы природы, разукрасившей прекрасным узором

мельчайший листик или стебелек травы. И пепельно-зеленый застарелый мох, покрывающий теневые стороны старых пней, представлялся ему куда роскошнее дорогого заморского бархата. А когда порыв ветра с шумом пронесся по верхушкам чеховых деревьев, он воспринимал бурный шелест листьев как таинственное предзнаменование неведомых приключений, и сердце его отзывалось радостным волнением

Вот и сейчас Ерстэм в душевно приподнятом состоянии поднялся на оголенную вершину высокой горы и огляделся затуманенным от волнения взором. Горная панорама, с рождения знакомая ему, предстала перед ним совсем в ином свете. Лесистые горные увалы, как мохнатые спины гигантских медведей, лежали, тесно прижавшись друг к другу. В синеве горных проемов парили темные силуэты орлов. А там внизу, в глубине ущелий плыл белесый туман, словно прозрачные озера. Ерстэм поймал себя на желании познать тайну, скрывающуюся на их дне. Ему вдруг почудилось, будто в этом тумане и в мохнатых горах и в синеве неба скрыты все тайны мира, тайны бытия.

Горная панорама, которая только что казалась ему такой прекрасной, вдруг предстала перед ним во всей грандиозной суровости, и сердце его похолодело. Вот он стоит на вершине и смотрит на эти горы - недоступные и загадочные. Нет им никакого дела до Ерстэма - он чужд им, словно его и не существует на свете. Счастье его, жизнь или гибель для них одинаково безразличны

Ерстэм впервые в жизни задумался о превратностях судьбы и устранился: выходит, человеку нельзя рассчитывать ни на какие поправки от суровой и прекрасной природы. И счастье его и жизнь, и горе, и радость - все зависит лишь от него самого.

Тогда как же его счастье, Ерстэма? До сих пор он доблесть считал отрадой, а счастье, надеясь, придет само. Но где оно, его счастье? Главной удачей жизни он считал верную подругу, близкую ему и сердцем и душой, но надежда эта не сбылась. В последние годы мечтал о ребенке, и это счастье не было дано. Неужели мир так скупко оделяет людей счастьем?

Ответа на свои горестные вопросы Ерстэм не находил. И вдруг, как спасительная соломинка, всплыло перед его мысленным взором видение - Суанд. Он внимательно и пытливо вглядывался в ее лицо. Кроме красоты, он сейчас разглядел в ней верность, стойкость и душевную целостность. "Нет, - прошептал Ерстэм, отбросив все страхи. - Мир, в котором живет Суанд, не может быть лишен счастья! Пока она существует на свете, нельзя отчаиваться!.."

2

О чем бы ни размышлял Ерстэм в пути, что бы его ни занимало, он никогда не забывал тех слов, которыми его часто напутствовал отец: "Если пускаешься в путь один, ни на миг не теряй бдительности! Забудешься - можешь погибнуть. Так что в пути не зевай!" И слух Ерстэма и зрение были так же напряжены, как чутко настороженные уши его коня. Бывало, если забудется на мгновение, уши коня тотчас же заставляли его опомниться, ведь копь никогда не теряет бдительности - это Ерстэм много раз проверял. Конь и всадник взаимно дополняют друг друга.

Особенно недопустимо зевать в лесу - нельзя поддаваться обману его красоты и отрадной тишины. Никогда не угадаешь, какая опасность подстерегает тебя в лесу. Даже такой небольшой зверь, как рысь, если бросится внезапно на тебя, может стать опаснейшим врагом. А неожиданное появление змеи с дерева? Ерстэм и раньше слышал, что такое случается, но, признаться, не особенно верил подобным рассказам. И вот однажды, так же, как сейчас, ехал он по затененной лесной тропе. Вдруг сверху раздался тончайший пронзительный свист.

Ерстэм не успел даже глаз поднять, как на рукав его упала маленькая серая змейка в мгновение ока обвилась вокруг руки. Несколько раз она пыталась ужалить его, но не смогла прокусить толстую ткань.

И все же главная опасность - недобрый люд...

Задумавшись, Ерстэм на минуту опустил взор и тут же опомнился - уши коня, как шило, заостренные, чутко прядая, были нацелены вперед, а голова в испуге приподнята. Ерстэм быстро огляделся. В нескольких

шагах от него впереди стояла дикая коза и, обернув назад забавную мордочку, удивленно смотрела на приближающегося всадника. Еще мгновение, и Ерстэм увидел только тупой белый хвостик - коза исчезла.

Он ласково улыбнулся ей вслед - можно быть спокойным: непуганая коза, значит, в этих местах нет злого люда...

Старая дорога вывела Ерстэма на высокое плоскогорье, покрытое вековым лесом, которого не касалась человеческая рука - буковые деревья в два обхвата толщиной с широколиственными кронами стояли просторно. Он словно находился под сумеречным сводом, поддерживаемым толстыми, высокими колоннами. Деревья-великаны росли редко, но между ними густо зеленела поросль невысоких кустарников и папоротников.

Ерстэм вспомнил: это то самое плоскогорье, где находится знаменитый "Тамбыр-курган". Раньше его называли - "Детский курган". В стародавние времена, когда монгольские орды Батыя напали на адыгскую землю, здесь стоял аул, он был разграблен, население истреблено, а детей закопали живьем. Впоследствии, когда орды Батыя схлынули, собрались люди и над детской могилой насыпали курган.

Молва утверждала, что давным-давно, по ночам, из-под кургана лился свет, это якобы воочию видели некоторые прохожие. Никто уже не помнил, когда название "Детский курган" заменили "Тамбыр-курганом" и почему его так назвали. Правда, находились люди, которые утверждали, что аул, находившийся на месте кургана" располагался в середине большой, круглой поляны. Аул уничтожили, а поляна так и осталась круглой - тамбыр. Вот почему-де его и назвали Тамбыр-курганом,

Но сейчас Ерстэм вспомнил о Тамбыр-кургане совсем по другому поводу. Примерно год назад пошла об этом кургане новая молва. Она гласила, что здесь часто встречаются таинственного одинокого всадника. И по повадкам своим, и по доспехам человек он не обычный, не иначе как связан с белыми джинами. Не было случая, чтобы всадник подошел и заговорил с людьми. Обычно видели его на вершине кургана, неподвижно стоящим, но стоило приблизиться кому-нибудь, и он тотчас же исчезал. Кто он, из каких мест - никто ничего не знал, и никому не удавалось проникнуть в его тайну.

Рассказывали, что одинокий всадник совсем молоденький юноша, невиданной красоты. И доспехи под стать его красоте - необычайно богаты и нарядны. Один раз его увидели, второй - и вот пошла молва.

Рассказывали также, что некоторые орки налетчики заинтересовались нарядным всадником как возможной добычей. Некоторые даже замыслили поймать его и продать в рабство. Но, как ни пытались выследить, никому не удавалось напасть на его след. Два темиргоевских орка неподалеку от Тамбыр-кургана обнаружили шалаш Одиночного всадника. Устроили засаду - когда-нибудь да вернется сюда, рассуждали они. Но Одинокий всадник оказался умнее их: подкрался к засаде и стрелой выбил у обоих орков по правому глазу.

Поговаривали и еще о трех орках, которые пытались захватить его. Как обычно, они застали Одинокого всадника на вершине Тамбыр-Кургана. Погнались за ним. Но конь у юноши был необычайно резвым: далеко опередив орков, он успел скрыться в лесу. Орки тоже бросились вслед за ним, но, как рассказывали, вскоре все трое выехали из лесу, прикрывая рукою правый глаз, - а по подбородку у них стекала кровь...

Возможно, конечно, как бывает в таких случаях, люди многое преувеличивали, но о меткости Одинокого всадника ходили легенды. Будто не было в мире столь меткого стрелка - птицу, летящую в пределах досягаемости стрелы, он сбивал без промаха. Да и то, что он выбивал у преследователей правый глаз, не случайное совпадение, он намеренно так целился, имея, верно, мстительный умысел. Поражая противника в правый глаз, он как бы клеймил его позорным знаком, лишая на всю жизнь возможности метко стрелять.

Последнее время к молве об Одиноком всаднике прибавилось нечто новое. Не так давно стали рассказывать, будто видели, как Одинокий всадник с каким-то спутником угонял косяк лошадей, принадлежавших темиргоевским родовитым тлекотлешам - Альджеруко. Одинокого всадника сразу опознали, но про того, кто помогал ему, ничего не могли сказать - молодой он или старый - голова его была замотана башлыком.

А незадолго до этого угнали гурт скота у тех же самых Альджеруковых. И человек, который угнал скот и лошадей и тем самым, как бы бросил роду Альджеруковых вызов к открытой вражде, - все тот же Одинокый всадник. Но почему он питал такую вражду именно к роду Альджеруко, в чем они провинились перед ним, - ни догадок, ни подозрений никто высказать не мог.

Да и мало ли преступлений совершают темиргоевские орки, и кто знает, сколько таких одиноких борцов восстает против них?

То, что Одинокый всадник, о котором столько рассказывали, не был абадзехом, - знали твердо. Иначе зачем стал бы он скрываться на границе абадзехской земли? Таким в Абадзехию дорога всегда открыта! Значит, кто бы он ни был, одно ясно - не абадзех. Немало людей, спасаюсь от вражды орков, перекочевывали в Абадзехию, к этому там привыкли. Одинокый всадник, вероятно, один из них. И так как он был врагом орков, абадзехи сочувствовали ему и искренне желали удачи.

И Ерстэм - независимо от того, верил он или не верил слухам об Одиноком всаднике, - относился к нему, так же, как все абадзехи. Услышав хабар о нем, он решил разузнать правду. Но из-за раны и других забот ему все не удавалось оседлать коня и отправиться в путь. Теперь же Ерстэм хранил в сердце затаенную надежду встретиться с ним. И направление своего пути он выбрал так, чтобы проехать мимо Тамбыр-кургана, хотя для этого и приходилось делать довольно большой крюк.

Давно Ерстэм не бывал у Тамбыр-кургана. Он помнил, что старая проезжая дорога проходила через поляну, на которой находился курган. Плутая баковыми тропами, он набрел на нее. Должно быть, подводы здесь Давно не проезжали - следов от колес не видно. Но конских следов довольно много. Ерстэм удивился, что в этом весьма укромном месте часто стали разъезжать верховые! Он заметил также, что многие следы то здесь, то там заходили в лес и выходили обратно на дорогу. Ерстэм даже подумал, что следы эти "принадлежат пасущимся лошадям, но кто станет в таких диких местах пасти коней? Если бы это еще было поблизости от поляны, тогда так-сяк... Предположить же, что это следы всадников, тем более странно: что могло заставить их забираться в лесные заросли и выезжать обратно, делая зигзаги? Разве что какие-то юнцы играли здесь верхом в прятки?..

Ерстэм уже приближался к Тамбыр-кургану, как вдруг у него возникло странное ощущение: ему показалось, что за ним кто-то следит. Он не мог понять, чем это вызвано, потому что вокруг не услышал и не увидел ничего подозрительного.

Но ощущение не проходило, и он остановился, прислушался - ничего. Один раз ему почудилось, будто в глубине леса с правой стороны хрустнула сухая ветка. Он снова остановился, все тихо. Проехал немного, и ему показалось, что он слышит звук конских копыт.

Ерстэму очень хотелось поскакать в лес и узнать, кто там затаился, но он тотчас же отказался от мысли - только поцарапается и вымажется в пыльце папоротника. "Трусливому и не такое мерещится!..- строго сказал он себе и решил больше не думать о преследователе.- Если там кто-нибудь и затаился, то такая неслышная, мягкая поступь может быть только у зверей, вернее всего, у медведя. Ну, а ему нет до меня дела, у него сейчас свои заботы".

Добравшись до поляны, Ерстэм остановился на опушке в тени деревьев - пусть конь передохнет, да и он сам оглядится...

Ерстэм из-за деревьев смотрел на поляну: большая, круглая, на ней и вправду мог бы поместиться небольшой аул - она была окружена, точно крепостью, старым лесом. Местами по кромке леса тянулись черные заросли терновника. В этой терновой стене виднелось несколько тропинок, уходящих в лес.

На самой середине поляны высился Тамбыр-курган, широкий внизу, весь поросший густой травой. По его склонам заметны были промятые в траве не то пешие, не то конные следы. И на поляне повсюду виднелись такие же, пробитые в траве, следы.

"Предположить, что их протоптал Одинокый всадник,-трудно. Как мог он один испещрить следами всю поляну?" - в недоумении подумал Ерстэм.

Он привязал коня и, опустившись на траву, прислонился к корням могучего дерева. Ерстэм сидел лицом к кургану. В сердце закралось сомнение. "А может, кто-то когда-то увидел на кургане какого-то всадника, и пошла колесить по свету ложная молва?"

Хмурый курган, высящийся перед ним, настроил его на печальный лад. Так всегда бывало: молчаливые, угрюмые курганы рождали у Ерстэма грустные думы. Ему чудилось, будто это какие-то живые опухоли земли. Подобное чувство возникло у него давно-давно, когда был он еще юношей. В ту пору среди людей пошел слух: из одного кургана по ночам выбивается пламя. Говорили, что это потому, что там находится клад, подвластный шайтанам. Ерстэм с товарищами решили добыть этот клад. Пошли они ночью и разрыли курган. Никакого золота там не оказалось, но нашли они заржавевшие шашки и много человеческих костей.

Ночь была тогда лунная, и в призрачном свете черные глазницы черепов, казалось, возносили мольбу о помощи. Ерстэм уже не думал ни о золоте, ни о кургане, с помутившимся сознанием он едва вылез из ямы.

Тот курган стал для Ерстэма предметом долгих, глубоких раздумий. Ему казалось, что он понял, отчего на адыгской земле такое множество курганов. Чудилось ему, будто они вздыхали от невыносимых горестей, которые адыги захоронили здесь вместе с покойниками, - от предсмертной мольбы о пощаде тех, кто погиб во время бесчисленных вражеских нашествий, от негодования на мир, в котором не было для адыгов ни счастья, ни справедливости.

Ерстэм начинал понимать, где источник всех этих бед. На адыгской земле это были князья и орки. В других странах, где он бывал, причиной народных бедствий являлись даны, мирзы и баи. Куда бы он ни ездил, всюду видел рабов и поработителей. Повадки и названия в разных странах иные, а сущность всюду одинакова - насильники и грабители.

"Говорят, Одинокий всадник выбивает стрелой правый глаз у преследующих его орков... - грустно усмехнулся Ерстэм. - Правильно делает! Какими бы они ни были, а все же существа в человеческом обличий убивать отвратно. Так пусть ходят всю жизнь с позорным клеймом! Если бы и все темиргоевские фокотли, как этот Одинокий всадник, восстали бы против орков..." Но ему вспомнились слова Батыма: а что станет с женщинами, стариками и детьми?..

3

Ерстэм довольно долго сидел в раздумье. Наконец решил подняться, сесть на коня и продолжать путь. Но, мельком взглянув на Тамбыр-курган, ют удивления застыл на месте, - Одинокий всадник стоял на вершине кургана, повернувшись лицом в его сторону, стоял неподвижно, как изваяние.

"Удивительно!.." - беззвучно прошептал Ерстэм. Правду сказать, он вовсе не ожидал увидеть всадника, думал, выдумка это. Но всадник стоял перед ним, совсем такой, как описывала его молва.

Особенно странным показалось Ерстэму его одеяние. Никогда не видел он столь ярко одетого адыга. Таких разряженных мужчин встречал он только среди знати на Востоке. Ворот и полы черкески расшиты золотом. Вокруг газырей и на рукавах тоже широкие золотые полосы. Пояс, кинжал и ножны шашки горели на солнце. Уздечка и нагрудник поблескивали серебром. Сафьяновые чупяки и ноговицы - огненно-красные. Словом, всадник был расцвечен, как пестрый фазан. По сравнению с конем он казался маленьким, словно нарядная кукла, неподвижно припаянная к седлу.

Ерстэм со смешанным чувством удивления и недоумения рассматривал таинственного "всадника. "Верно, избалованный родительский сынок, вообразил, что стал бравым мужчиной и, не "слушая советов и увещаний старших, с глупой кичливостью отправился в путь", - мелькнула у Ерстэма догадка. В таком укромном месте, где раздолье недоброму человеку, ему следовало бы прятаться и таиться, а он, как мишень, торчит на макушке высокого "кургана. Да еще превратил это в постоянную привычку, о которой уже пошла молва. Вдобавок, словно для того, чтобы грабители скорее его уничтожили, местом появления избрал всем известный Тамбыр- курган! А ведь у него уже есть враги, от которых нельзя ждать пощады: орки, которым он выбил правый глаз, и лютый знатный род Альджеруковых, чьих коней и скот он угнал. Уж

Альджеруковы-то не простят ему этого, хотя бы во имя престижа. Как говорят адыги, будешь свирепствовать, на более свирепого наскочишь. Бедный, глупый всадник, долго он так не протянет! Рано или поздно попадется оркам. О чем он думает, что замыслил, на что рассчитывает?

"Или, может, он так поступает, следуя какому-то змыслу? - продолжал рассуждать Ерстэм. Может, он, гонимый нестерпимой обидой, жаждой мести, позабыл о собственной безопасности?" И такое бывает.

Ему остается надеяться только на то, что у работорговцев возьмет "верх жадность, и они предпочтут не убивать его, а пленить. Верно, именно желанием взять живьем и объясняется то, что до сих пор его не убили, - мол, если такого прекрасного юношу продадут в рабство, хорошую цену выручат. За молодых красавцев и в Крыму и в Турции большие деньги дают.

"Хм, - усмехнулся Ерстэм, - интересно было бы увидеть отряд одноглазых орков!" Попасть в глаз скачущему всаднику, и именно в правый глаз, такого меткого стрелка Ерстэм до сих пор не встречал. Кроме Батыма... Однако он совсем не похож на Батыма. Тот и лицом и фигурой неказист, а этот - прекрасен. Да и такие глупые ребяческие повадки Батым посчитал бы для себя недостойными...

Занятый своими раздумьями, Ерстэм забыл про всадника. А когда вспомнил и взглянул на курган, его уже там не было.

Действительно, похоже люди говорят: "Не иначе как связан с джинами..." - подумал Ерстэм и поднялся. В первый момент у него возникло желание пуститься по следу всадника. Но он остановил себя - что за дело выслеживать человека, желающего остаться неизвестным? Зачем они друг другу!

Подождав еще некоторое время, оглядев поляну, Ерстэм сел на коня и поехал своим путем.

Но не успел юн проехать по старой дороге и до половины поляны, как на другом конце ее показался Одинокий всадник...

Не зная, какую цель тот преследовал, направляясь прямо на него, Ерстэм машинально натянул поводья. Но Одинокий всадник ехал спокойно, медленно, видимо, не было у него никакого злого умысла

С опаской наблюдая за ним, Ерстэм недоуменно рассуждал: как смог он так быстро обогнуть лесными тропами большую поляну и выехать с противоположной стороны? Увидел ли он наблюдавшего за ним человека? Впрочем, рассмотреть с освещенного солнцем места того, кто находился в сумрачной тени деревьев, очень трудно. А если он не видел Ерстэма, зачем так поспешно выехал бы ему навстречу?

Зло ли у него на сердце, добро ли? Кто знает?.. Когда они приблизились друг к другу, Ерстэм испуганно вздрогнул: ему вдруг почудилось, будто в мужской одежде верхом навстречу ему ехала Суанд. Такого сходства между мужчиной и женщиной Ерстэм никогда не встречал. Даже близнецы не бывают так похожи! Может быть, в памяти облик Суанд несколько стерся? "Что за удивительное явление! Разве такое бывает?" - пробормотал Ерстэм растерянно.

Подъехав довольно близко, юноша остановился и спешился. Хлестнув плетью коня, он заставил его сойти с дороги и сам тоже стал на обочине, поджидая Ерстэма, опустив глаза, и нервно мял в руках поводья. Когда Ерстэм поравнялся с ним, он в знак уважения опустил руки, торжественно выпрямился и поднял голову:

- Доброго пути тебе, Ерстэм Залэко!

Ерстэм быстро спешился и, ведя коня на поводу, подошел к юноше.

- Будь счастлив, мои младший брат! - ответил он.

- Ради такого, как я, не стоило покидать седло! Я только хотел приветствовать тебя, других дел у меня к тебе нет, - сказал юноша, пожимая протянутую руку.

Пожатие было крепкое, и Ерстэму даже показалось, будто юноша напрягся, чтобы доказать свою силу. Рука юноши оказалась мягкая, ни мозолей, ни затвердений.

"Кажется, мои предположения подтверждаются-маменькин баловень!" - подумал Ерстэм.

- Я не знаю тебя, откуда же ты меня знаешь? - опросил Ерстэм, пытливо разглядывая юношу.

Он и вблизи был такой же, каким показался издали: молоденький, ни усы, ни борода еще даже не пробивались. И лицо не огрубело, трудности и опасности не наложили на него ни одной отметины. Сильный загар лишь красил его. И голос не грубый, но и не детский - мягкий, глуховатый, как говорят, "бархатный голос".

В повадках юноши не чувствовалось признаков мужской силы, да и не заметно было, чтобы он старался казаться мужественным и воображал себя бравым героем. Он производил впечатление застенчивого юнца, который робел глядеть в лицо старшему.

Шашка, хоть и подвешена на ремешке очень косо,- чтобы выше висела, все же была слишком длинна для его роста и волочилась по земле.

- Много есть людей, которых ты не знаешь, а они тебя знают, Ерстэм, - застенчиво ответил юноша.

-Гм... И такое бывает... - растерявшись, пробормотал Ерстэм.

Они неловко помолчали, затем юноша с мягкой улыбкой поглядел на Ерстэма и сказал:

- Редко ты проезжаешь в этих местах, Ерстэм, какая забота увела в сторону твою тропу?..

Ерстэм загадочно улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

-А ты так осведомлен о всех, "кто здесь бывает?"

-Поневоле приходится быть сведущим... -Какое же дело вынуждает тебя следить за проезжающими?

-Это моя беда и касается только меня... - уклончиво ответил юноша, сразу помрачнев.

Ерстэм серьезно поглядел на него.

-Если тебе нужна помощь и я смогу быть чем-нибудь полезен - говори.

-Спасибо! Твоей помощью я никогда бы не погнушался, и, если понадобится, найду тебя. - Юноша, явно желая переменить нить разговора, поспешно добавил: - Не осуждай меня, Ерстэм, что из желания поприветствовать я так задержал тебя. Продолжай свой путь. - Он быстро забросил поводья на заднюю луку седла и, пустив коня кружиться на месте, подошел и "придержал стремя, помогая Ерстэму сесть на лошадь.

Юноша так живо напомнил Ерстэму Суанд, что ему порою чудилось, будто он замечает в его облике неуловимые ее черты и движения. Может, именно из-за этого удивительного сходства Ерстэм почувствовал к нему расположение, и ему захотелось еще побыть с ним, побольше узнать о нем, а может быть, и снискать его доверие. Но он воздержался от назойливых расспросов. В самом деле, какое ему дело до чужой тайны? Ведь юноша уже намекнул, что у него стряслось какое-то большое горе, есть грозные "враги и что эта беда касается его одного. И еще дал понять, что со своими горестями надеется сам справиться. Так уместно ли Ерстэму проявлять излишнее любопытство? Он стал прощаться, но юноша поехал его проводить.

Ерстэм неожиданно для самого себя вдруг от всей души предложил юноше:

-Если не брезгуешь мною как спутником, поедem вместе! Побываем в стране ногайцев, до Крыма доберемся... Юноша серьезно ответил:

-Я не только не брезгую твоим обществом, но давно мечтаю путешествовать с тобой. Спасибо, но сейчас я никак не могу... Если согласен взять меня в спутники, поеду с тобой в другой раз.

-А откуда ты узнаешь, когда я снова соберусь ехать? - с подозрительной усмешкой опросил Ерстэм.

- Поедешь в эту сторону, я встречу тебя.

-А если в другую сторону поеду?

-Значит, не будет моей доли.

- Как же быть: ты мое имя знаешь, а как я буду тебя звать? - со смехом спросил Ерстэм.

Молодой человек замялся, но тут же лукавая усмешка осветила его лицо:

-Меня зовут Мазытль*.

* *Мазытль - лесной человек.*

Но интонации, с которой юноша это произнес, Ерстэм понял что прозвище вымышленное, но не подал виду

- Гм... Подходит! Ты и в самом деле настоящий лесной человек!..

Юноша ехал рядом с ним, напряженно глядя в затылок своего коня. Ерстэм тайком рассматривал его и вдруг, взглянув на его лицо сбоку, с трудом удержался от возгласа удивления. "Как он похож на Суанд!.." Он словно въявь увидел ее такой, какой она была там, в кунацкой Темган: с глазами, напряженно сосредоточенными на гармонике-рогатке, так зачарованно тянущаяся сердцем и душой вслед за -песней... И этот сосредоточенный взгляд юноши, застывшие печальные черты лица- как они напоминали Суанд!..

"Не иначе, как это шайтан, принявший обличие Суанд!.." - подумал Ерстэм.

И манера юноши держаться на коне удивляла Ерстэма. Слишком скованно, словно влитый в седло, сидел он на коне, настороженно следя за собою. Колени очень уж крепко были прижаты к бокам коня, и со сложенной вдвое плетью он обращался странно: то, как положено бравому мужчине, упрется кулачком правой руки о бедро и остро отставит локоть, а то, словно забывшись, положит обе руки с нелепо торчащей плетью па луку седла и, словно впервые сидит на коне, крепко держится обеими руками. И тотчас же, будто вспомнив, что это не по-мужски, - снова кладет кулачок с зажатой плетью на бедро.

"Э, приятель, да ты, оказывается, еще не совсем уверенно сидишь в седле!.." - подумал Ерстэм, и на сердце его набежала теплая волна жалости.

Проводив Ерстэма, юноша пожелал ему счастливого пути и отстал.

Но оставшись один, Ерстэм продолжал думать о нем. "Бедняжка, далеко еще тебе до того, чтобы стать настоящим Лесным человеком..." - и сочувствие к нему все сильнее сжимало сердце.

"Со всем юнец, не успел опериться, откуда же на него свалилась такая беда и столь грозные враги? Есть же у него родичи, "как же случилось, что он, почти ребенок, оказался один-одиношенек на тропе вражды и мести? Ясно, погибнет от рук какой-нибудь орковской своры. Даже если он и таков, как славит его молва, все равно кроме меткой стрельбы из лука, что может он противопоставить своим врагам? Шашка его длинна, но чтобы воспользоваться ею, надо иметь больше силы. А у него руки детские и плечи узкие... Ха! - усмехнулся Ерстэм. - Бедняжка, как он старался проявить мужскую силу в рукопожатии!..

Правда, ведет он себя осмотрительно. Вероятно, заметил меня, когда я выехал на старую дорогу, не случайно я почувствовал тогда, что кто-то смотрит за мною... Он умеет видеть все, что происходит в пределах Тамбыр-кургана. Ему хорошо известны тропы, уходящие в лес. Есть, верно, у него и "потаенные, известные только ему -одному. Одиноким наездник старается выказать себя настоящим мужчиной, проявить ум и доблесть, и в словах он осмотрителен. А все равно, бедняга, напоминает ребенка, что затеял игру в прятки на Тамбыр-кургане.

Забавляется тем, что стрелой выбивает врагу правый глаз, а потом убегает в лес, но в конце-то концов окружают его и убьют или уведут в рабство.

И почему местом своих действий он избрал именно этот курган? Достаточно сказать - Тамбыр-курган, и всем сразу ясно, где его искать. Если дал он клятву кровной мести, так совершал бы ее так, как все, в тайне

от всего мира. Выслеживает Альджеруковых? Но ведь они постоянно в доходах - узнал бы, куда они чаще всего ездят, устроил бы засаду, вот и вес дела! Неужели этот паренек остался совсем один, и некому ему помочь и посоветовать? Ну, а если даже у него нет родичей, то друзей, которые помогли бы ему в беде, нашлось бы немало! Так что же случилось?.."

4

Ерстэм поехал в Каплу. Тканей, какие ему нужны были, он там не нашел, побывал то дороге в Тамани и, наконец, на связанных лодках перебрался через Керченский пролив. В городе Каффа* купил все необходимое и пустился в обратный путь.

Все это время Ерстэм а не оставляли тревожные раздумья о юноше - Одиноким всаднике. Он все чаще подумывал о том, что надо под каким-нибудь предлогом увести его с этого всем известного Тамбыр-кургана. Иначе ему предопределена скорая гибель.

Думал Ерстэм и о том, что юноша должен приходиться Суанд или братом или каким-нибудь близким родственником. Он сразу же хотел спросить, нет ли у него сестры, но не решился. И теперь он надеялся встретить его и задать ему этот вопрос. Но как спросишь такое у человека, который столь старательно скрывает свое имя?

Переметная сума Ерстэма была довольно велика, он специально приобрел такую для дальних поездок. Но

* Каффа - древний город в Крыму, на месте нынешнего города Феодосия.

сейчас оказалось, что она неудобна и тяжеловата, и чтобы приторочить ее к седлу, ему пришлось купить крупного, крымской породы, коня. На него он нагрузил кладь и, ведя на поводу, ехал домой. На реке Лабе он вопреки привычке не стал делать привала, хотя крымский конь и долгого пути устал и, отставая от коня Ерстэма, сильно натягивал поводья. И все-таки Ерстэм решил сразу добраться до Тамбыр-кургана и там дать коню длительный отдых. Вдруг ему повезет, и он снова встретит Одинокого всадника?!

Подъезжая к поляне, где находился Тамбыр-курган, он вдруг услышал впереди конский топот и вскоре с противоположной стороны из лесу вылетел на дорогу Одинокий всадник. Он направился прямо к тому месту, где стоял Ерстэм. Не ведая о причине его спешки и предположив, что, может быть, юноша не хочет встречаться с ним, Ерстэм съехал с дороги и скрылся в кустах.

Но, казалось, тому был известен каждый шаг Ерстэма. Как говорится, дыша огнем, он подскакал к месту, где укрылся Ерстэм, и, круто осадив коня, направился к нему.

Сегодня юноша выглядел совсем иначе, чем в прошлый раз: куда девалась спокойная выдержка, которая так понравилась Ерстэму при первой встрече? И на лице юноши, и в глазах его была страшная, смертельная тревога. Объятый ею, он даже позабыл приветствовать Ерстэма, не стал соблюдать приличия - не спешил перед старшим, а сходу отчаянно заговорил:

-Ерстэм, не осуждай меня, я очень тороплюсь: прошу, не выезжай на поляну, пока там не совершится то, что должно произойти. И еще прошу, не вмешивайся в это дело, что бы ни случилось. Одной помощи жду от тебя: если увидишь мой труп, не дай врагам надругаться над ним, ограбить и похорони меня своими руками. Сказав это, юноша пятками ударил коня и ускакал.

-Погоди! Так нельзя! Дай слово сказать! - крикнул Ерстэм ему вслед, но тот не остановился и, проскакав немного по старой дороге, свернул на лесную тропу и исчез.

Ерстэм стоял как оглушенный. В первое мгновение он отнесся с недоверием к словам юноши о том, будто сейчас на поляне произойдет что-то необычайное. "Верно, задумал парень по молодости какое-либо озорство". - решил Ерстэм. Но, вспомнив испуганное лицо юноши, выражение отчаяния в его глазах, особенно, последнюю просьбу, Ерстэм серьезно задумался.

"Что за смертельная опасность нависла над этим несчастным малым? - не на шутку встревожился он. - И откуда он наперед знает, что должно случиться на поляне? Если то, что он говорит, правда, тогда, выходит, что дело подготовлено им самим! Уж не глупость ли какую он затеял? Ох, навлечет на себя беду!" Обуреваемый тяжелыми догадками, Ерстэм долго стоял, не двигаясь с места. Потом, взяв под уздцы своих копей, он лесом повел их вокруг поляны и недалеко от того места, где дорога выходила на поляну, быстро привязал лошадей. Он снял переметную суму и, спрятав ее в густом кустарнике, прикрыл ветками на всякий случай... Для наблюдения выбрал место поудобнее - там, где видны были оба выхода дороги из леса, и можно было целиком обозревать всю поляну. Однако на поляне пусто - ни зверя, ни человека.

Птицы спокойно и низко перелетали через нее. А одна сорока, опустившись на вершину Тамбыр-кургана, даже беззаботно прыгала и трещала.

День клонился к поре вечернего "боя ястребов". Освещенная яркими лучами, уже начавшего клониться к западу солнца, поляна сверкала и горела позолотой. Небо было чистое, день тихий, отрадней. Ерстэму не верилось, что в такой прекрасный день, играющий всеми цветами и благоухающий ароматами цветов и трав, могло случиться что-то недоброе,

"Куда же девался юноша?" - в тревоге подумал он, и вдруг в его воображении со всей отчетливостью возникло видение: Одинокий всадник лежит навзничь, беспомощно раскинув руки... Но это не юноша, это Суанд- каштановые жгуты ее волос, как змеи, разметались вокруг головы, безжизненные глаза закрыты, но в лице отчетливо видна неизменная грустная задумчивость... Убитый, примерещившийся Ерстэму, менялся в обличье, то это был юноша, то Суанд, и Ерстэм уже ничего не понимал, и только сердце его сжималось нестерпимой тревогой за них обоих.

Ерстэм опомнился, отер со лба холодный пот, и тут же страшное видение исчезло. Но в душе у него осталась суеверная тревога: а вдруг недоброе предзнаменование?

"Нет, нельзя так стоять, надо найти парня и надо увести его от места возможной гибели!.." - решил он, готовясь ринуться вперед, но в следующее мгновение руки его беспомощно опустились: где искать юношу? Да если он и пойдет на поиски, он может помешать делу, которое тот, видимо, долго, с большим трудом подготавливал? Нет, как бы ни был наивен этот парень, как бы неразумно ни поступал, Ерстэм не хотел вызывать его недовольство и упрёки. Что же делать, как отвести от него опасность?..

Самый зоркий страж в лесу среди птиц - сойка. Своим глуховатым хриплым криком она может поднять настоящий переполох, кружась над местом, где должна возникнуть опасность. Вот и сейчас, неподалеку от выхода старой дороги на поляну, над ветвями сойка подняла тревожный шум-гам. Вскоре к ней присоединились другие, и вот уже в хриплое гуканье соек влилась сорочья трескотня.

Птичья суматоха подсказала Ерстэму, что не один всадник, а несколько движется по дороге. И правда, прошли считанные минуты, как из лесу показалась группа верховых. Ерстэм сразу определил - орки. Их было четверо. На одном кольчуга, но шлема нет, шапка из золотистого каракуля. Остальные трое в черкесках. Все молодые, и лишь четвертый пожилой, корявый, бывалый орк.

Всадники остановились на опушке. Тот, в кольчуге, явно верховодил: держался впереди других на расстоянии корпуса коня, остальные трое, в том числе и пожилой, почтительно стояли позади. Все доглядывали на Тамбыр-курган.

- Это и называется Тамбыр-курганом? - обернувшись, коротко спросил тот, в кольчуге. - Да, - отвечал пожилой орк.

- А где же тогда он, кого вы зовете Одиноким всадником?

-Где он сейчас, никто не знает, но па этом кургане его часто видят. И я видел... Неведомо откуда, он внезапно появляется на вершине. И имеет обыкновение стоять там, оглядывая все вокруг. Это я уже слышал. Но где мы его будем искать сейчас? - Подождать надо. Спешимся вон там, в холодке. И кони отдохнут. Я не слышал, чтобы Одинокий всадник появлялся в какое-то определенное время. Мне пришлось видеть его -как раз во время вечернего "боя ястребов".

Орк в кольчуге явно был недоволен необходимостью ждать и подстергать и не знал, на что решиться - он еще раз недовольным взглядом окинул поляну и обернулся к тому месту, где стоял Ерстэм.

Едва всадники появились на поляне, Ерстэму показалось, будто этого, в кольчуге, он уже где-то видел, и потому он с особым вниманием следил за ним. И теперь, когда он повернулся в его сторону, тотчас узнал - Альджеруко Кушук!..

Да, это был тот Альджеруко Кушук, которого Ерстэм видел в Темиргое, в ауле Альджерукай, на джегу Темган Таура. Тонкая фигура, широкий размах плеч, массивный крутой подбородок, курносое, с крупными чертами лицо. Сомнений быть не могло - он. Особенно Ерстэму запомнилась его шапка из золотистого каракуля.

- А вот и Одинокый всадник! - услышал Ерстэм голос пожилого орка.

Разглядывая Кушука, Ерстэм отвлекся от мыслей об Одиноком всаднике, но теперь, после этих слов, быстро поглядел в сторону "кургана - юноша стоял на вершине. Сверкая на солнце позолотой и серебром, он был неподвижен, как изваяние. Спокойно и невозмутимо высился он перед сворой орковских всадников, устремивших на него хищные взоры...

"Что он делает! - рассердился Ерстэм. - Вместо того, чтобы спрятаться и постараться избежать встречи, сам пришел к своим заклятым врагам и остановился на виду у них!.."

Ерстэм даже усомнился в здравом уме юноши. "Наверное, у парня голова не в порядке или это просто заносчивый дурачок, - негодовал он. - Наслышался сказок, что мужчина должен встречать врага лицом к лицу! Да не понял, что порой это - мужество, а порой безрассудство! Бедняга, не имеет понятия о том, что для победы над врагом надо в первую очередь занять благо-приятную позицию...

Но каким образом мог он узнать о появлении орков?

- удивился Ерстэм, не переставая возмущаться.- И почему не придумал ничего умнее, как встать перед ними мишенью в поле досягаемости их пуль?.."

-Так это он угнал наших коней и наш скот? - раздался голос Альджеруко Кушука.

-Не угнал он, а украл, - возразил пожилой орк.- Угоняют открыто, сражаясь с преследователями. Только так поступает настоящий мужчина. А этот- просто вор.

-А пастухи-то наши где были?

-Испугались и попрятались.

-Испугались такого заморыша? Значит, они в пастухи не годятся!

-Разве можно положиться на пшитлей?

-Но почему оба раза ни один из наших орков не оказался на месте?

-Не знали...

-Если бы и знали, тоже, верно, напугались бы... Боитесь, что выбьет вам правый глаз! Такая пичужка, а сколько достойных орков оставил кривыми!

Альджеруко постоял, задумавшись, потом обернулся к одному из молодых:

-Кадырбеч, иди позови его, - повелел он.

-Что я скажу ему? - спросил Кадырбеч.

-Скажи, Альджеруко зовет!

Кадырбеч с места в карьер поскакал к кургану и, подъехав, остановился у подножия. Одинокий всадник не шелохнулся. Ерстэм не слышал, что сказал ему Кадырбеч и что тот ответил, но Кадырбеч тут же повернулся и прискакал обратно.

-Не хочет идти сюда, - сказал Кадырбеч.

-Почему не хочет? Что ответил?

-Говорит: если я нужен Альджеруко, пусть сам ко мне идет. Альджеруко в гневе закусил губу.

-Ах, так!.. - помолчав, нервно воскликнул он и обратился к молодым спутникам: - Идите! Оба идите и приведите его. Не захочет прийти живым, притащите мертвым! Молодые орки, как показалось Ерстэму, весьма неохотно двинулись к кургану. В нерешительности ехали они шагом, а едва стали приближаться к кургану, Одинокий всадник быстро достал лук и наложил стрелу. Теперь уже он куда более сурово и громко крикнул, так, что даже Ерстэм услышал:

-Если дорога жизнь, ближе не подъезжайте!..

Парни остановились. Некоторое время они переговаривались о чем-то с Одиноким всадником. Но Ерстэму было не разобрать, о чем они говорили. Вскоре, повернув коней, поехали обратно. Чуть отстав от них, Одинокий всадник тоже спустился с кургана и тихим шагом направился к аркам. Лук со стрелой он держал наготове в левой руке, а правой правил поводьями.

-Ишь, идет, - проговорил Альджеруко и спросил:

- Что он вам сказал?

-Он сказал... - Кадырбеч запнулся, словно готовясь произнести что-то зазорное. - Сказал: "Ладно, пойду, только не ради Альджеруко, а чтобы вам, молодым, в чужом деле горя не хлебнуть!"

Альджеруко ничего не ответил, пристально глядя на приближающегося всадника. Юноша остановился шагах в пятидесяти от компании орков и проговорил:

-Альджеруко, я приехал не потому, что ты так приказал, а потому что у адыгов есть обычай - идти к тому, кто тебя зовет. Говори, какое у тебя ко мне дело?

Альджеруко с минуту молча рассматривал юношу потом спросил:

- Ты какого рода?

- У адыгов не принято спрашивать путника кто он и откуда! Кто бы я ни был, я не орк, я фокотль.

-Если фокотль, кто дал тебе право носить красные чувяки?!

- Ваши орловские законы до нас не дошли, одеваемся, как нравится.

-Ну, если не хочешь раскрыть, кто ты такой, скажи хоть, за что питаешь вражду к нам, Альджеруковым? За что угнал у нас лошадей и скот?

-Я угнал их не потому, что они Альджеруковых, а потому, что их было легче угнать, чем других. Так ведь и вы, орки, поступаете.

Альджеруко, уже не в силах сдерживаться, гневно проговорил:

-Если тебе дорога твоя голова, сейчас же, сию минуту пригони наш скот и наш табун туда, откуда ты их угнал. Вот так! И впоследствии не жалуйся, что мы тебя не предупредили!

- Ха!.. - невозмутимо и спокойно усмехнулся юноша - Почему ты принуждаешь меня делать то, что у вас, орков, не принято? Разве вы, орки, возвращаете хозяевам угнанный скот и лошадей? Это не в ваших правилах. И не в моих. Вот мы, двое мужчин, встретились, ты - хозяин скота и коней, я - тот, кто их угнал.

Если ты мужчина, ты отберешь их у меня, а если я мужчина, я не отдам. Я готов сражаться с тобой. Хочешь, будем стреляться с двух концов бурки, хочешь, встанем друг против друга на расстояние выстрела, а хочешь, скрестим шашки... Выбирай.

- В этот момент внимание Ерстэма привлек пожилой орк: пытаясь отвязать от седла аркан, он каблуком слегка тронул своего коня и заставил его выйти вперед. Ерстэм встревожился. Быстро достав пистолет, он решил уложить орка, если тот вздумает набросить на юношу аркан. Но последовавшие события предвосхитили его намерение.

Вызывающая небрежность, с какой говорил юноша, окончательно вывела Альджеруко из себя. В исступлении, с визгливыми нотками в голосе, он прокричал:

- Я не проехал бы ни пяди пути, если бы каждый раз, когда мне встретится такое, как ты, собачье отродье, стал бы драться с ним! - и, пытаясь поскорее выхватить из кобуры пистолет, он крикнул спутникам: - Возьмите обнаглевшую собаку!

Дальше все совершилось неожиданно и мгновенно: Одинокий всадник одновременно вскинул лук и выстрелил, почти не целясь. Стрела угодила прямо в выступающий кадык Альджеруко и пронзила шею. Одинокий всадник, словно желая убедиться в том, что сотворила его стрела, постоял еще два вдоха, затем быстро развернулся и во всю прыть пустился наутек.

А трое спутников Альджеруко, пока до их сознания дошел смысл совершившегося, стояли, как вкопанные, глядя на торчащую из горла тлеотлеша стрелу. И лишь когда Альджеруко, откинувшись, стал падать, все трое бросились к нему, сняли с коня, положили на траву. Пожилой орк опомнился раньше всех: - Мардж, не дайте ему уйти! - крикнул он, вскочил на коня и, на скаку отвязывая аркан, во всю мочь пустился вдогонку за Одиноким всадником. Один из молодых орков последовал за ним. Конь у пожилого оказался исключительно резвым: к тому времени, как Одинокий всадник миновал курган, старый орк уже был на расстоянии броска аркана и метнул его.

Ерстэм тоже приготовился взлететь на коня и вмешаться в дело, если только орк заарканит юношу. "Он просил меня похоронить его, а так как рабство и смерть однозначны, я имею право вмешаться", - решил он.

Но аркан лишь хлестнул по крупу коня, а Одинокий всадник благополучно скрылся в лесу. Пожилой орк бросил аркан и влетел в лес, на скаку вытаскивая пистолет.

Вскоре Ерстэм увидел, как в тот момент, когда молодой орк подскакал к лесу, пожилой шагом уже выехал оттуда.

"Что такое?!" - прошептал пораженный Ерстэм: пожилой орк ладонью прикрывал правый глаз и между его пальцами торчал конец стрелы...

"И этот поплатился глазом! И тоже - правым. - В удивлении Ерстэм хлопнул себя по ляжке. - Чудеса! Только "в сказке может случиться то, что я видел!"

Отъехав от леса, всадники остановились и принялись за перевязку глаза. Ерстэм по их движениям понимал, "что они делают. Молодой орк что-то достал из кармана пожилого - верно, чистые тряпки, предназначенные для перевязки и завернутые в вощенный холст. Старый без раздумья и содроганья дернул и вытащил стрелу из своей глазницы. Целебной мазью из коробочки, что висела на поясе, смазали белую чистую тряпку, наложили на глазницу, оторвав от вощенного холста кусок, заклеили рапу. Поверх холста глаз наискось перевязали вокруг головы широкой черной лентой.

На обратном пути молодой орк, нагнувшись с коня, поднял конец аркана и свернул его. Оба, угрюмые и печальные, вернулись к убитому.

Видно, молодым оркам уже было не до Одинокого всадника, а пожилой, казалось, позабыл о выбитом глазе - хмурый, как ненастное небо, приглушенным голосом, чтобы не потревожить покойного, отдавал он приказания молодым.

Торжественно присев, он прикрыл Альджеруко веки и подвязал подбородок. Вытащил стрелу. Сняли с лошади притороченную за седлом бурку, завернули, в нее труп и крепко перевязали шильбыром. Пожилой орк послал молодых в лес, и они принесли с десятка крепких, ровных жердей. Обрубив их кинжалом на длину между хвостом и шеей коня и связав арканом, они сплели походные носилки, которые подвесили между двух коней.

Так же, как с непонятной торопливостью во время похорон засыпают могилу, орки, молчаливые и мрачные, работали с лихорадочной стремительностью. Не успевая даже отереть вспотевшие лбы, они довольно быстро все закончили и так же торопливо поспешили уехать. Пожилой орк сел на коня с правой стороны носилок, один из молодых слева. Третий, держа на поводу коня Кушука, ехал позади...

Ерстэм грустным взглядом проводил процессию. Ему даже было их немного жаль. Так всегда бывает: и самый лютый враг, когда ляжет перед тобой трупом, вызывает жалость. Говорят, что у мертвого болезни проходят и злодеяния ему прощаются, вот и выходит, что он все искупает своей смертью.

"Да... - грустно думал Ерстэм, - Альджеруко Кушук рассчитывал своими кичливо поднятыми бровями завоевать весь мир - гордый, жестокий, с черным сердцем начал он свою жизнь. И вот теперь - ничто..."

А эти три орка? Страшная беда свалилась на них. С каким сердцем, с какими глазами привезут они домой труп своего господина? И хоть ни в чем не виноваты, а вся вина, весь позор обрушится на них... Ерстэм тяжело вздохнул.

А этот юноша, "Лесной человек", как он беспощаден и лют!

Оказалось, что он не так глуп и не так прост. Выходит, тщательно, со всех сторон, наперед обдумал это дело и предвидел, что алчные орки предпочтут взять его живым и продать в рабство, а значит если даже он оказался бы от них на расстоянии выстрела, они по возможности не стали бы убивать его.

Учел он также яростный и кичливый характер Альджеруко и понимал, что тот даст ему повод первым нанести удар. Наверное, долго, терпеливо и самозабвенно готовился к встрече с ним.

Но ведь были в этом деле и такие моменты, которых он не мог предвидеть, например, он не мог знать, что орки, сопровождающие Альджеруко, не схватятся прежде всего за оружие, не выстрелят в него, а попытаются заарканить. Иначе, если бы пожилой орк быстро выхватил пистолет и выстрелил, то, возможно, теперь Ерстэму и пришлось бы собственными руками, как и просил юноша, похоронить его.

Но, возможно, юноша знал, что идет на смертельный риск, подъезжая, к оркам. Когда он сегодня подкакал к Ерстэму, то походил на человека, идущего навстречу верной гибели - в его глазах уже была отрешенность от жизни.

Но какова все же причина этой всепоглощающей мстительной ненависти к оркам и особенно к Альджеруко? И почему он выбрал предметом разбоя именно отару Альджеруко? Конечно же, она не была самой беззащитной и самой легкой добычей. И пастухи Альджеруко не так уж трусливы, чтобы попятаться при угоне скота. Ведь Ерстэму своими глазами пришлось видеть, какое мужество проявил один из чабанов Альджеруко. Так, каким же образом этот всадник, почти ребенок, смог угнать и скот и лошадей?

А с другой стороны, почему он, нанеся такой верной рукой смертельный удар по Альджеруко Кушуку, по отношению к пожилому орку ограничился лишь тем, что выбил ему правый глаз? Ведь если бы захотел убить его, мог бы, конечно, целиться в другое место.

Запутавшись в ворохе этих необъяснимых вопросов, Ерстэм долго стоял в раздумьи. Ему хотелось поскорее увидеть Одинокого всадника и путем хотя бы косвенных расспросов что-нибудь разузнать у него.

"Как увидит, что орки удалилась, наверное, наведается ко мне еще раз", - надеялся Ерстэм и решил ждать. Когда его кони поостыли, он расседлал их, протер травяной закруткой спины и повел к источнику, который, он знал, находился на обочине дороги. Напив, он стреножил коней и пустил пастись, а сам принялся за еду. Юноша все не показывался.

Ерстэм подождал и, когда заходящее солнце уже коснулась огненным краем верхушек деревьев на дальней горе, поехал своим путем. Некоторая обида на юношу закралась в его душу, вот ведь не вспомнил о нем, совершив свое дело. Ерстэм отогнал от себя эти мысли, мол, не до вежливости человеку, пережившему столь страшное потрясение.

"Теперь орки никогда не простят ему этого убийства - думал с беспокойством Ерстэм. - Возьмутся за него всерьез. Как бы он ни укрывался в лесу, все равно найдут... Нет, надо не откладывая встретиться с н'им и увести его отсюда, иначе он погибнет..."

5

Речушка Щачрэн, пробив тонкий слой грунта, наслоившегося поверх камней, по руслу, выложенному плоскими каменными плитами, торопилась к левому берегу реки Белой. Была она чиста и шумно говорлива на перекатах. Местами казалась белесой из-за серой гальки на дне, а в глубоких местах отливала синевой, отражая небо. Встретив на пути каменный выступ, речушка закипала белой пеной и, собравшись с силами, перепрыгивала через него, образуя небольшие, красивые вихрастые водопады. Так спешила речушка Щачрэн к своей старшей сестре - реке Белой. Долины Щачрэн были довольно пологи и удобны для поселения, потому они и стали излюбленным местом целой цепочки абадзехских аулов, построенных неподалеку друг от друга.

Там, на берегу довольно широкого водоема, образованного речкой Щачрэн, вблизи от священного урочища Чуучей, расположился и родной аул Ерстэма Чуучей - названный по имени урочища. На покато́м берегу водоема, занимая количество земли, которое можно вспахать за день деревянным плугом, находился двор Залэко. Впереди, сгрудившись, стояли четыре отдельных домика. Конны, курятники, свинарники и прочие хозяйственные постройки теснились позади у каменного надлобья. Заметно, что хозяева старались высвободить побольше земли для огородов и потому строились тесно. В лесной Абадзехии всегда недоставало земли, пахотные участки большей частью были разбросаны на близких и дальних полянах. Дворы здесь не огораживали, зато посевы приходилось обносить каменными кладками или бревенчатыми срубам, защищая их от всякого зверья.

Ерстэм вернулся домой на рассвете и спешил к конюшне. Едва въехав во двор, он сердцем почувствовал, что в семье случилась какая-то большая неприятность. Это ощущение возникло прежде всего от встречи с матерью. Она обычно вставала раньше всех в доме и сегодня тоже первая увидела его. Остановившись в дверях большой сакли, она взглянула на сына, но на этот раз, к его удивлению, не проявила никакой радости, а лишь хмуро и грустно приветствовала кивком головы и тотчас же скрылась в доме. Второй человек, возбудивший у Ерстэма беспокойство, была его сестренка. Обычно когда Ерстэм возвращался, она с радостным криком и сверкающими счастьем глазами кидалась в его объятия. Сегодня же, как только мать отошла от двери, из большой сакли появилась сестра. Однако она не бросилась к нему, как бывало, а медленным шагом пошла навстречу. Они обнялись, но в этом объятии Ерстэм почувствовал холодок отчуждения. Он взял ладонями ее голову, приблизил к себе и попытался заглянуть в глаза, но она неловко отвела взгляд. В сердце его закралась обида: "Какая же она мне сестра, если из-за первого недоразумения отворачивается душой", - подумал Ерстэм и не стал ни о чем расспрашивать. Правда, сестренке было только шестнадцать лет, и она плохо разбиралась в том, что творилось в семье. Но все же, видно, и она что-то прослышала, не иначе, как в отсутствие Ерстэма его в чем-то упрекали. Вслед за сестрой появилась старшая сноха. И в ее поведении Ерстэм ощутил тот же холодок. Сняв с коня тяжелую переметную суму, он передал ее женщинам.

-Отнесите в дом. Она тяжелая. Сможете дотащить?

Старшая сноха, застенчиво и неловко помявшись, спросила:

-В какой дом отнести?..

-К маме, конечно! - ответил Ерстэм, удивленный -вопросом снохи.

Обычно, когда Ерстэм возвращался, все, что он привозил, несли к матери, главе семьи. Ни у кого некогда и мысли не возникало, чтобы отправить привезенное в горницу, где жил кто-нибудь из братьев. Что же побудило старшую сноху задать столь странный вопрос? Наверно, он тоже связан с той неприятностью, которая произошла в его отсутствие. Так что же случилось?..

Никто из старших братьев не показывался, видно, их не было дома. А только с ними Ерстэм мог быть откровенен до конца.

Он привязал в конюшне лошадей, ослабил подпруги. Поначалу Ерстэм решил было идти в большую саклю, к матери. Однако счел это неудобным: а вдруг женщин он застанет врасплох, неприбранных, - ведь еще так рано!

С той поры, как жены всех трех братьев стали постоянно находиться в большой сакле, сыновья лишились возможности появляться у матери в любое время.

Ерстэм целую ночь был в дороге, не сомкнул глаз, устал - может, пройти к себе в саклю и отдохнуть? Но и это он счел неудобным. Его мужским правилом было не заходить туда днем. Правда, отдохнуть после трудного пути на своей половине не считалось предосудительным по адыгским обычаям, но ему не хотелось идти к жене. Перед самым его отъездом между ними произошла жестокая размолвка.

Когда оседланный конь уже ждал его, Ерстэм вернулся за чем-то в горницу, он застал жену посреди комнаты. Она стояла, словно не зная, чем занять себя. Ерстэм возмутился: "Прояви человечность, надо же наконец поладить с семьей", - сердито сказал он. Но княжна ядовито возразила: "Хочешь превратить меня в рабыню абадзехских фокотлей?!" Ерстэм вспыхнул, но не желая перед отъездом заводить свару, лишь оглядел жену отчужденным неприязненным взглядом. "Ну хорошо, приеду, тогда разберемся в том, что ты сейчас сказала!" - проговорил он, повернулся и, не прощаясь, вышел.

Ерстэм уже начинал догадываться, что то напряжение, которое он сейчас почувствовал в доме, возникло не иначе как из-за его жены. Что она еще натворила?

Сразу померкла радость возвращения в родной край и в родной дом. Мрачно уставившись в землю, прошел

Большая сакля - комната, в которой жили старики, служила также кухней. он в кунацкую и в задумчивости остановился, словно позабыв, зачем шел сюда. В стене, обращенной к большой скале было прорезано круглое окошко. Блуждающий взгляд Ерстэма остановился на нем. Находясь в кунацкой, он привык поглядывать в окно на большую саклю. Но то, что он увидел сейчас, крайне удивило его. Сестренка с трудом вытаскивала из сакли огромную переметную суму, которую он послал матери. "Куда она ее тащит?" - с недоумением подумал Ерстэм. Девочка, волоча суму по земле, втащила ее в его, Ерстэма, горницу...

Вот как велик материнский гнев! Однако не в ее правилах ни с того ни с сего затевать вражду с сыновьями. Ерстэм не помнил, чтобы когда-нибудь в их семье возникали подобные нелады. В семье существовало нерушимое правило, что все что приносили или привозили сыновья, в первую голову преподносили матери. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, что, заставило бы мать отказаться принять привезенное.

Ерстэм относился к матери не только с сыновьей любовью, но и с большим уважением. Правда, человеческие достоинства матери он смог по-настоящему оценить лишь после того, как сердце его с разумом стали равны. Только тогда понял он смысл выражения - "достойная женщина" и научился различать среди женщин таких, в которых соединены были все лучшие, по тогдашним понятиям адыгов, черты и достоинства. Это они, так называемые хорошие жены, являлись примером нестигаемой стойкости и самопожертвования, это они умели вопреки всем бедам сохранить семью.

Нелегко им приходилось, но никто никогда не слышал от них жалобы, никто не видел слез - они умели скрывать свои страдания и, несмотря ни на что, старались внести в мрачную жизнь хоть тоненький луч радости.

Примирившись с грубоватой нечуткостью мужчин, сглаживая неуживчивый нрав невесток, чутким сердцем и гибким разумом умели они держать лад в многодушных, сложных семьях. Они окружали ближних заботой, их добрый нрав и такт, сладость ласковых речей старательно оберегали всех от ранений колким словом.

Сверх этой сложной борьбы за благополучие в семье они умудрялись по ночам заниматься украшением жизни - вышивали чудесные узоры, пряли и ткали, и по одному лишь взгляду могли, точно как по мерке, сшить одежду близким. И наконец, своим радушным гостеприимством и кулинарным мастерством доставляли немало радости людям. Хвала их столу, их добрым, искусным рукам распространялась по аулу.

За честь семьи такие женщины готовы были отдать душу, а за жизнь родных людей умели бороться со всем самоотвержением преданного сердца. Чутко охраняя всеобщее спокойствие, стараясь заслонить собой от невзгод окружающих, они молча таили в душе всю горечь неприглядной жизни. Неутомимые и скромные, проходили они жизнь неприметными спутницами своих мужей, неся на плечах главную тяжесть семейных забот.

Последнее время Ерстэм часто думал о матери. И чем больше думал, тем больше удивлялся ее необыкновенной чуткости и терпению. Он не помнил, чтобы мать когда-нибудь сердилась и кричала на них, детей. Ерстэм в детстве был одним из самых озорных и шустрых малышей в околотке. Но как бы он ни озорничал, никогда не слышал сварливого, яростного крика матери. Что бы он ни натворил, мать с вкрадчивой улыбкой и любовью взглянет на него и скажет с мягким укором: "Из тебя никогда не получится настоящий мужчина, раз ты так ведешь себя!" А если в драке со сверстниками сын получал тумаки и возвращался к матери с плачем и визгом, она спокойно говорила ему: "Дай-ка посмотреть, из-за чего ты так визжишь! Или ты не мужчина? Мужчины не плачут!" И Ерстэму было достаточно этих слов. С детства почувствовал, что слово "мужчина" - гордое слово. И то, как мать упрекала его, серьезно и с ласковой насмешкой: - "Не получится из тебя настоящий мужчина!" - больно ранило его. Так постепенно мать научила его стыдиться плача. И впредь какие бы побои он ни получал в потасовках со сверстниками, он не разрешал себе плакать, в особенности при матери - боль и обиду молча с яростью проглатывал.

И еще Ерстэм хорошо помнил: давно это было, единственная их сестренка не родилась тогда, трое братьев, появившиеся на свет один за другим, были совсем маленькие. Отцу приходилось одному содержать большую семью. Все хозяйственные дела и по дому и по двору ложились на мать. Но несмотря на ее занятость, двери кунацкой всегда были открыты гостям, угощение всегда готово. Нелегко приходилось ей, отец как истинный мужчина часто выезжал в походы, верхом или пешком, у него было много друзей и товарищей. И нередко целая компания всадников, возвращаясь из похода, заезжали к ним.

Всех надо угостить и принять, трудно это одной женщине. Однако Ерстэм никогда не слышал, чтобы кто-нибудь высказал упрек или недовольство по поводу негостеприимства Мазаго (так звали его мать). Напротив, люди часто с восхищением повторяли: "Стол Мазаго, угощение Мазаго". Не припомнит Ерстэм, чтобы и сама Мазаго хоть раз выразила недовольство по поводу частых гостей или ворчала, ссылаясь на усталость.

И при всем том мать Ерстэм а никогда не давала повода людям упрекнуть ее в том, что огород и двор запущены, что скот не вовремя выгнан в стадо. Она внимательно следила за свиньями, встречала их, когда они возвращались из леса. Никто ни разу не посмел сказать, что свиньи Мазаго беспризорные бродят в лесу. Мужа своего Мазаго не отпускала из дому в неряшливой одежде. И дети одеты, обуты, пальцы их ног никогда не выглядывали из дырявых чувак. Днем - бесконечные хлопоты, а ночью - шитье и вышивка. Да и сама всегда аккуратная, чистенькая...

А поздно вечером Ерстэм постоянно слышал, как мать, собираясь спать, произносила одни и те же слова: "О, Созэрэц, безмерна моя благодарность за то, что ты дал нам ночь для отдыха!..".

Один случай особенно запомнился Ерстэму: в доме пировала большая компания, а когда гости собрались уезжать, прислали в большую саклю молодого человека и вызвали мать. Остановившись у порога ее дома, гости выразили ей сердечную благодарность за радушие и угощение. Много добрых слов сказали они тогда, потом сели на коней и ускакали. (Верно, после этого и пошла добрая слава о гостеприимстве Мазаго.) Отец, проводив гостей, зашел в большую саклю. Мать убирала в комнате, а маленький

Ерстэм, верхом на хворостине и с прутиком в руке вместо плети, браво джигитовал у ее ног. Когда вошел муж, мать почтительно выпрямилась и остановилась, ожидая, что он ей скажет. Отец поглядел, как сын гарцует на коне-хворостине, потом взглянул на жену и мягко сказал:

-Присядь, отдохни немного, потом уберешь! Мать поняла, что эти слова тоже выражение благодарности. Она радостно вспыхнула, щеки ее разгорелись, порывистым движением она подняла маленького Ерстэма, подбросила его и сказала:

-Если живы и здоровы мои малыши, нипочем мне никакие труды и никакая усталость! Окончу уборку и отдохну спокойно.

Отец ничего не ответил, по Ерстэм только много лет спустя мог оценить силу любви и почтения к жене, что светились в отцовском взгляде.

И после смерти мужа Мазаго не дала опуститься дому. Кунацкую своих детей не оставляла брошенной - для гостей всегда было готово вкусное угощение, Не допускала она и чтобы друзья мужа почувствовали запустение в ее доме - они продолжали посещать дом, где Мазаго своим вниманием и уважением к людям достойно заняла место главы семьи.

А тут ко всем прочим достоинствам, какие знали и почитали в ней люди, прибавилось еще одно: Мазаго прослыла искусным лекарем. Она и раньше, если заболел кто-нибудь из домашних, ни к кому не обращалась, лечила сама. И соседям оказывала помощь. Но -пока был жив муж, она не раскрывала до конца свое искусство. Теперь же, оставшись вдовой и постарев, стала без утайки лечить людей.

Мать Мазаго тоже в свое время славилась искусством врачевания, видно, ее познания переняла дочь. Ерстэму приходилось помогать матери в этом деле. Весною, для сбора целебных трав, он возил ее на дальние поляны, куда не добирался скот. Он вздумал было, не желая тревожить мать, сам собирать лекарственные травы, но ничего из этого не получилось - он все перепутал. Травы были так похожи одна на другую. Только два названия сумел он запомнить и научился отличать - подорожник и так называемый "кошачий хвост", Мать сушила эти травы, размальывала в порошок и разводила в майском топленом масле. Получалась та самая целебная мазь для заживления ран, которую на поясе в серебряной коробочке всегда возил с собой Ерстэм. И еще одну редкостную целебную траву привозили для матери с гор. По ее уверениям, эта трава за сутки зарубцовывала рану. Но в сборе этой травы Ерстэм участия не принимал, мать не доверяла.

Самым трудным делом казался Ерстэму сбор ягод колючей облепихи. Осенью мать набирала их много, перемешивала с медом, заготавливая на всю зиму. "От болезней десен очень полезно", - приговаривала она.

Кроме того, каждый раз, когда Ерстэм отправлялся в Крым, мать поручала ему купить там множество различных трав и корней, названия которых Ерстэм так и не смог усвоить и потому брал с собой образцы. Короче, добывание лекарств доставляло Ерстэму немало хлопот и отнимало много времени.

В доме мать умела сохранять мир и лад. И к снохам относилась хорошо, человечно. Благодаря ее справедливости, доброте и отзывчивости она прекрасно уживалась с двумя снохами...

"Да, - произнес Ерстэм в задумчивости, - мать моя Мазаго всех могла понять и со всеми установить добрые отношения, и только с одним человеком не удалось ей добиться этого - с невесткой-княжной..."

Ерстэм решил было прилечь в кунацкой и отдохнуть, как вошла его сестра: мать звала в большую саклю завтракать.

Мазаго расхаживала по комнате, накрывая для него трехногий столик. Худощавая, высокая, она и в свои семьдесят лет держалась прямо. Годы и заботы не согнули ее. Движения спокойны и точны, без излишней, суетливости, и в словах она была осмотрительна и спокойна.

Мать находилась в доме одна - ни снох, ни сестренки не было. "Видно, ожидая моего прихода, выпроводила всех... - подумал Ерстэм. - Хочет поговорить наедине".

"Верно, суровый предстоит разговор... По поводу той неприятности..." - не без страха решил он.

Услышав шаги сына, мать обернулась и молча окинула его долгим, пытливым взглядом. Ерстэм смешался, постоял, потом подошел к ней и с виноватой, робкой улыбкой молча встал перед матерью: "Хочешь ругай, хочешь помилуй..."

Но не похоже было, чтобы мать собиралась бранить его: она еще с минуту разглядывала его все с тем же выражением тревоги и жалости, затем, по своему обыкновению, сжала его лицо ладонями и приблизила к себе, заглядывая в глаза. Наконец, словно успокоившись и смягчившись оттого, что он был перед ней живой и невредимый, ласково погладила по щекам и по голове. Потом, глубоко и грустно вздохнув, Мазаго отвернулась.

-Слава богам, коли ты вернулся цел и невредим... - сказала она.

-В этот раз особых приключений не было, - начал Ерстэм, принимаясь за еду. Это тоже стало неписанным законом в их семье: рассказывать матери обо всем, что пришлось в пути увидеть и услышать интересного. - А вот одна необыкновенная встреча все-таки произошла.

И он поведал матери об Одиноком всаднике. Ерстэм любил рассказывать матери о своих походах. Она слушала внимательно, и он чувствовал, что всем сердцем своим делит с ним его трудности и опасности, от души дивится необыкновенным приключениям, радуется удачам.

Когда Ерстэм рассказывал что-нибудь другим людям, он старался быть осторожным в словах, чтобы их не истолковали как бахвальство. А перед матерью любил иногда даже прихвастнуть. За это она не осуждала его, а лишь предостерегала с насмешливой улыбкой: "Смотри, перед другими так гордо не вскидывай брови!.." Однако Ерстэм видел, что мать с удовольствием слушает его рассказы о подвигах и мужестве, и смело, без оглядки и утайки, говорил обо всем.

Но сегодня рассказ об Одиноком всаднике не вызвал у матери того удивления, на которое рассчитывал Ерстэм. Похоже, что ее мысли были заняты чем-то совсем другим, что казалось ей куда более важным.

-Еще один несчастный, которого гонит обида... Недолг будет его век, жестокие орки быстро до него доберутся... - только и сказала она.

-Я тоже боюсь этого, жаль, если такой прекрасный юноша погибнет зря.

-Когда вновь встретишь его, сделай все возможное, чтобы увести его с Тамбыр-кургана.

-Я уже думал об этом. Но почему он после схватки с орками не подъехал ко мне? Уж не случилась ли с ним какая беда? Долго я ждал, оглядывая поляну, но его и след простыл...

Они беседовали как всегда, будто ничего не случилось, но Ерстэм все время чувствовал: мать говорит все как бы между прочим, не придавая значения своим словам и не ощущая их сердцем, ее мысли прикованы к чему-то тревожному и важному и ничто другое ее не интересует. "Неприятный разговор еще впереди..." - думал Ерстэм с робостью.

У стены над очагом он увидел каких-то жуков, подвешенных за шею на конских волосках. Ерстэм до сих пор никогда не видел такого и потому, заинтересовавшись, спросил:

-Что это за жуки?

-Их очень трудно разыскать, из них получается прекрасное лекарство против бешенства.

-Трудно, говоришь, найти? А хочешь, я тебе сотни их притащу? Много подобных встречалось мне в пути.

-Их легко перепутать с другими. Этот жук очень редкий.

-Ну уж и редкий! Да таких вот, с белыми полосками на спине, везде уйма ползает! Я каждый день их вижу! - воскликнул Ерстэм.

-Белые полоски ты заметил правильно, а вот сложные, чуть видные узоры под этими полосками не заметил!

-И они в самом деле излечивают укусы бешеной собаки?

-Каждое лекарство не всем одинаково на пользу идет, но многих вылечивает. Что поделаешь, пока это единственное средство против бешенства.

-А как же им лечат-то?

-Высохнут жуки, потом надо размолоть их и дать порошок больному с водой. Но для того, чтобы лекарство принесло пользу, до жуков нельзя дотрагиваться рукой, надо перетянуть волосяной петлей шейку и повесить сушиться.

Мать была грустна, говорила рассеянно, похоже, что она и сама страшилась предстоящего разговора с сыном. Беседа оборвалась, некоторое время они сидели молча. Затем, словно что-то припомнив, мать как бы между прочим спросила:

-Лекарства, которые я просила, привез?

-Кроме имбиря-ореха, все привез. Ты разве не нашла в сумке? Я их отдельно завернул и положил на самое дно. А где, кстати, переметная сума?

Мать замешкалась с ответом и, опустив глаза, сказала куда-то в сторону:

-Тогда надо их достать... Я суму в твой дом, к снохе отослала... - Заметив, с какой обидой и болью смотрит на нее сын, она добавила: - Это не потому, что я в чем-либо виню тебя, просто решила уступить желаниям снохи...

Ерстэм сидел с опущенными глазами.

-Мать, ведь до сих пор ничего подобного не было в нашем доме. Что же теперь стряслось? - глухо спросил он, и обида звучала в его голосе.

Мать подняла голову, в глазах ее стояли слезы. С материнской заботой и любовью, как жалобу, проронила она:

-Беденький ты мой, какая беда стала твоим уделом! Ни удасть, ни доброта не принесли тебе счастья!

-Что случилось?

-Горе в том, что это не один раз случилось, а каждый день случается. Конечно, нет таких людей, которые бы не ошибались. Вот и ты ошибся. Что поделаешь! И мы тогда еще решили: как-нибудь поладим с нею. С тех пор по возможности обхаживаем да помалкиваем. Не только я, обе старшие снохи из всех сил стараются, я удивляюсь их долготерпению. Но с ней не возможно поладить. Что она за человек? Иногда мне кажется, что у нее голова не в порядке, может, ненормальная? Видели мы княгиню, а еще больше слышали о них - и в княжеском роду бывают женщины человеческие, умеют жить с людьми. Но наша княжна... Последнее время она словно взбесилась. Отказывается от еды, целыми днями сидит запершись в своей комнате. Что было делать? Ждать, пока она проголодавшись, придет в дом и поест, неразумно. Ослабеет,

исхушает, позор перед людьми. Я стала посылать еду к ней в комнату. А в ответ только попреки: мол, мой муж много добра привозит, а вы все забираете... Вот я и переслала ей в комнату все то, что ты на этот раз привез. Стоит ли заставлять ее волноваться из-за каких-то тряпок и вещей? Как к ней подступиться, как утихомирить - ума не приложу...

Ерстэм, глядя перед собой, долго сидел подавленный и наконец с трудом выговорил:

-Как же лучше нам поступить, мать?

-Сказать тебе: сделай так - я не могу, потому что и сама не знаю. Поступай, как сердце твое подскажет.

-И все-таки, мать, скажи, как лучше? Мать горестно смотрела на него.

-Что я могу сказать тебе, мой бедный, несчастный мальчик! Я не хочу неволить тебя, ты ни в чем не виноват! Люди говорили, счастье в красивой жене, ты и выбрал красивую; люди возносят родовитость, ты выбрал княжну. Молод был, незрел умом, вот и ошибся. Тебе жить с нею. Если жаль с ней расстаться, отделись, уведи ее от нас. Я не стану винить тебя за это. Говорят, если что-то не выходит, сделай так, как сама выйдет. Станет она отдельным домом жить, некого будет кусать, кроме самой себя. А если не можете ужиться, не обманывайте друг друга, вы еще молоды, у вас обоих жизнь может устроиться. Думаю, что расстаться было бы самое лучшее... Только хорошенько подумай, чтобы еще раз не ошибиться.

Ерстэм от матери прошел прямо к себе в горницу. Жена в яростном волнении вышагивала по комнате. Остановившись, она вполборота подозрительно, исподлобья поглядела на Ерстэма. Такая была у нее привычка, когда злилась, становилась боком или вовсе поворачивалась к мужу спиной.

На ней было лучшее платье, нарядные украшения, словно она собралась в гости. В комнате царил непривычный порядок. Кумган и таз поставлены в углу, все вещи на своих местах, а земляной пол полит из кумгана причудливыми узорами.

"Если захочет, оказывается, все умеет делать!.." - подумал Ерстэм. Лишь одно нарушало убранство комнаты в самой середине ее лежала переметная сума Ерстэма. Наверное, сюда ее положила сестренка. Ерстэм остановился на пороге и некоторое время тоже молча, разглядывал жену. Давно он так внимательно не смотрел на нее и поймал себя на том, что она ему по-новому нравится. Бездетная, она сохранила девичью стройность. Тонкая в талии, высокая. Крупные, навькате, красивые глаза, нос и подбородок чуть широковаты - она была прекрасна какой-то не адыгской, а инородной красотой. В свое время эта необычность зачаровала Ерстэма. И сейчас, с невольным восхищением разглядывая жену, Ерстэм тешил себя надеждой: а вдруг удастся вытравить из нее княжескую спесь, пробудить человеческие чувства? Ведь она может оказаться хорошей женой. Он припоминал все случаи, когда княжны примирялись с трудовой жизнью, становились достойными и уважаемыми хозяйками дома.

-Что случилось? - спросил Ерстэм смягченным голосом.

-Ничего не случилось, чему же случиться...

-Почему сумка лежит здесь?

-Принесли, вот и лежит...

-Зачем ее сюда принесли?

-Чтобы потом меня же обвинить!

-Верно, без какой-либо твоей кляузной выходки сумку не притащили бы сюда!

-А что удивительного, если причиной явилось мое слово? Уж не собираешься ли ты всю жизнь прожить без своего угла, так, чтобы все, что ты добываешь и привозишь, разбазаривали те, кто распоряжается в большой сакле?

Зародившиеся было в его душе жалость к жене и желание примириться тотчас исчезли. То, как она посмела с брезгливым пренебрежением сказать про его домашних - "те", больно кольнуло Ерстэма. И вместе с вспышкой гнева поднялась в его душе острая неприязнь. Не зная, как вести себя и что ответить, он нервно туда-сюда прошелся по комнате, пнул ногой переметную суму и отбросил к кровати.

С усилием сдерживаясь, он попытался вразумить жену:

- "Те", о которых ты столь неприязненно говоришь, это наша семья, мои родные. Сколько раз я говорил, чтобы ты постаралась поладить с ними. Ну, прояви же разумность, выкажи доброту своего сердца. Задумайся наконец над тем, что тебе придется с ними жизнь прожить...,

Она внезапно гордо выпрямилась и кичливо подняла голову, взглянула на Ерстэма так, как никогда еще не смотрела - потемневшие глаза ее были холодными и суровыми, во всей фигуре враждебная чуждость...

- Хорошо, что ты ничего не забыл: начинаешь с того, на чем мы остановились перед твоим отъезде - произнесла она, насмешливо растягивая слова. - Но если ты рассчитываешь превратить меня в рабыню этих псов, то жестоко ошибаешься! Не можешь иметь своего дома и жить своей семьей, не обманывай ни меня, ни себя. Я с ними больше жить не могу! Я хочу иметь свою семью, а если этого не произойдет, я буду вынуждена подумать о своей судьбе...

"Этих псов!" В душе Ерстэма поднялась буря гнева, даже дыхание перехватило. Он быстро и грозно обернулся, но при взгляде на жену изумился, позабыв о своем гневе, из памяти его улетучились слова, которые он собирался ей сказать. Он не узнал ту женщину, с которой прожил четыре года. Животная ярость морщила ее губы, раздувала ноздри, холод светился в ее глазах. Перед ним был человек, не знающий ни жалости, ни сердечной теплоты, - сама воплощенная жестокость.

До сих пор Ерстэм не видел жену такой, в ее до предела обнаженной, звериной сущности. Правда, еще при первых встречах, да и впоследствии не раз проявлялись в ее характере признаки княжеского своенравия, прорывался иногда повелительный тон. По виду, что подобное поведение мужу не по душе, она умела скрывать свои чувства, а Ерстэм считал эти мимолетные вспышки капризами молодости, отсутствием опыта и особенно не тревожился.

Выходит, он проглядел, как его жена стала иным человеком. Ерстэм редко бывал дома, а когда возвращался из поездок, в пылу радости как-то не успевал заметить происходящие в ней зловещие изменения. А между тем, взрослея, жена теряла те немногие привлекательные качества, которыми обладала в юности, становилась неуживчивой, заносчивой и нетерпимой к окружающим госпожой. Любопытный и смешной звереныш, которого он притащил домой и с которым без раздумья и оглядки весело забавлялся, незаметно подрос и превратился в опасного хищника.

Да, да, все так и прошло. Когда-то он лишь подсмеивался над тем, что жена, затеявая капризную игру, словно бы шутя пыталась установить с мужем такие отношения, где законом становились лишь ее желания. А если он не повиновался ей, обижалась, капризничала из-за пустяков, поворачивалась к нему спиной, но зато, помирившись, становилась преувеличенно ласкова и проливала обильные слезы раскаяния. Все эти причуды Ерстэм находил естественными, видя в них проявления непонятной ему юной женской души. И те нелепые требования, которые она в последнее время начала предъявлять ему и его родным, он воспринимал как ее скоропроходящие причуды.

Но сейчас перед ним стояла княгиня, непреклонная и непримиримая в своем пренебрежении к людям из народа, убежденная в своем праве поработать окружающих и заставлять их обслуживать себя. Ерстэм отчетливо увидел, как далека она от него сердцем, словно никогда и не жили они вместе. Да и сам он в эти минуты почувствовал, что они чужие друг другу, и подивился тому, что нет между ними ничего общего.

Этих псов, говорит она!" - и гнев его вспыхнул с новой силой. Стараясь сдержаться, Ерстэм проговорил глухим, недобрый голосом:

-Напоминаю тебе, что я тоже в числе "этих псов"...

-Коль ты в их числе и не можешь вырваться от них, тогда... - она запнулась.

-Что ж тогда? Говори, раз начала!

Женщина, словно разрывая что-то, тяжело вздохнула, разняла сцепленные руки и, опустив голову, произнесла отчетливо и твердо:

-Тогда отправь меня домой...

Ерстэм не удивился ее словам, он ждал их. И все-таки они произвели на него впечатление удара молнии. Так бывает в горах, когда вдруг рядом с тобой, оглушая, раздается удар грома. То, что она это сказала, не огорчило его, а лишь задело самолюбие. Женщина говорит, что он не нужен ей. Было обидно, что она опередила его, первая произнесла то, что он сказать вслух не решался. Но одновременно почувствовал облегчение - будто с плеч свалился тяжелый груз. Всё разрешилось так неожиданно легко и просто.

- Я думаю, что ты нашла единственно правильное решение. Что ж, я выполню твоё желание - собирайся!
- произнес он весело, повернулся и вышел.

Прежде чем встретимся со старшим братом (он немного стеснялся его), Ерстэм хотел поговорить со средним - Шалобием. Но Шалобия не было дома - он находился на пастбищах. Потому, когда вернулся старший, Ерстэм отозвал его в кунацкую и, все рассказав ему, попросил отвезти жену в ее родительский дом.

-Обычаи, связанные с таким делом, наверное, знает наша мать. Мы должны отправить ее так, чтобы там не могли сказать: "Абадзехи бесчеловечны"... Скот, который выделите ей в долю, я потом восполню. Лишь бы избавиться от этой беды. Оказалось, что и старший брат давно был обеспокоен отношениями в семье, много думал над тем, как они разрешатся, и потому не удивился словам Ерстэма. Некоторое время он сидел, уставившись в одну точку, потом тяжело вздохнул и сказал:

-Я полагаю, что иного решения быть не может. С нами она никогда не уживется, это ясно. Отделяться вам и жить своей семьей тоже не годится. И не такая она, кто сумеет вести дом, не примирится она с нашим образом жизни. Что же делать - отправим ее...

В тот же день Ерстэм надел пастушескую одежду, скатал бурку, взял ружье и отправился на дальние пастбища - Лагонаки. Шесть семей из аула объединились и скот пасли вместе, от каждой семьи по человеку. Одновременно на пастбищах находились три пастуха. Очередь менялась каждые две недели. Когда Ерстэм, явившись на кош, сказал брату, что останется вместо него, Шалобий заметно обрадовался и, не захотев провести на коше даже лишнюю ночь, тут же собрался и отправился домой.

Обрадовались Ерстэму и другие пастухи. Они ценили его не только за мужество и энергичность, но еще и потому, что знали: с ним не соскучишься. Или затеет какое-нибудь новшество по уходу за скотом, а сразу столько дел навалится, что позабудешь и о тоске и об отдыхе. Или. устроит большую охоту, во время которой чего только не случается. А в самые скучные вечерние часы, когда пастухи после дневных трудов усаживались возле костра, Ерстэм заводил бесконечные рассказы, и время незаметно пролетало до полуночи. Но на этот раз надежды пастухов оказались обмануты. Ерстэма словно подменили: он был неразговорчив, угрюм и печален. Казалось, пропало у него всякое желание жить, ничто его не интересовало, ничто не радовало. Вечером он даже не присел с пастухами у костра и от ужина отказался. Предложили принести ему столик с едой, он и этого не захотел. Едва Шалобий отправился домой, Ерстэм тоже ушел с коша, коротко бросив: "Похожу немного". Но, видно, даже темная ночь не принесла ему успокоения, он довольно скоро вернулся, посидел немного с пастухами, отделяваясь односложными ответами, и, завернувшись в бурку, улегся спать. Разрыв с женой, с которой он прожил несколько лет, оказался не таким простым делом, как показалось Ерстэму в порыве гневной запальчивости. Такое и самых стойких мужчин заставляет тайно охать и страдать. После того, как на пути от дома до отары Ерстэм приостыл немного, он вдруг понял всю тяжесть той ломки, что произошла в его жизни. Раздумья стопудовым грузом гнули вниз его голову.

Ночь он провел без сна - забудется на короткое время и тотчас вскинется, словно кто толкнет его, и лежит, тяжело вздыхая. Ворох мыслей, у которых не было ни конца, ни начала, кружился в его голове. Прав ли он?

Может, поступил с женою жестоко и несправедливо? В его душу закралась жалость к ней, но, сколько ни думал, снова и снова приходил к выводу, что это решение было единственно верным.

Он вспоминал, как много бесчеловечных поступков приходилось ему терпеть, сколько споров с женой довелось выдержать. И сейчас, перебирая в памяти все ее повадки, Ерстэм с новой силой дивился этой злобной, человеконенавистнической натуре. Она была искренне убеждена в своем, богом данном ей, праве жить лишь ради собственного удовольствия, все остальные - рабы, готовые к ее услугам.

Ерстэм и не предполагал, что способен кому-нибудь простить столько пороков, а вот с недостатками своей жены столько времени мирился, поглядывал на нее со снисходительной иронией, думал, пообвыкнет, одумается и заживет нормальной жизнью среди дорогих ему людей. Но, видно, люди ее породы неисправимы. И перед взором Ерстэма возникала она такой, какой была сегодня утром: враждебная, чужая, с ледяным холодом в душе и взгляде.

"Поняла, что не стать мне таким, как те, среди которых она выросла, вот и отвернулась сердцем", - подумал Ерстэм и беспокойно заворочался. А как он был восхищен, когда впервые увидел княжну. Да-а, с первой встречи увлекся ею и даже, казалось, влюбился. В Бжедугии на большом джегу ослепила она его своей необычной, неадыгской красотой. Привыкшая к тому, чтобы ей угождали во всем, гордая своей родовитостью, она не жеманничала, как прочие девушки, а держалась с вызывающей уверенностью в своей неотразимости, повелительно поводила глазами, то одаряя Ерстэма ослепительным светом, то отворачиваясь с холодным безразличием. Тогда все в ней восхищало Ерстэма - и капризы, и своевольная заносчивость. Был он молод, и пожалуй, еще больше, чем красотой девушки, был заморожен вниманием гордой княжны к нему, простому фокотлевскому парню...

Под утро Ерстэм крепко заснул и проснулся довольно поздно. Впрочем, хотя о такой поре на коше и говорят "поздно", но только рассветало, а пастухи уже были заняты делом.

Рассветные сумерки еще не ушли с пастбищ, ночной мрак, задержавшись в лесных рощах и лощинах, скрадывал неровности плоскогорья, и оно лежало перед взором Ерстэма, покрытое сизым туманом. На юге, по его окраинам, словно зубчатые стены, высились цепи горного хребта. Снежные конусы вершин четко обрисовывались на светлевшем небосклоне. Иногда по пастбищу стремительно проносился острый, обжигающий холодом горный ветер, заставляя и людей и скот зябко ежиться.

Немного погодя снежные вершины начали загораться ослепительно ярким пламенем восходящего солнца. Снежная шапка горы Оштен вспыхнула раньше всех. В этот утренний час Оштен казался таким близким.

Прошло какое-то время, и широкие потоки солнечных лучей залили все плоскогорье. Пастбище ожило и засверкало яркой россыпью цветов, блеском свежих листьев и высоких трав, умытых росой.

Ерстэму вдруг захотелось затеряться среди угрюмых, как циклопы-великаны, горных громад, остаться наедине со своими мрачными думами, чтобы чужой глаз не мог подглядеть их.

Он попросил товарищей:

-Приятели, пока я не поброжу один по скалам, от меня в работе проку не будет. Прошу, отпустите на день-другой и не осуждайте. Вернусь, все отработаю.

Пастухи видели, что у Ерстэма тяжело на душе, и лишь сочувственно посмотрели на него.

-В работе-то мы и без тебя справимся, а вот как ты пойдешь совсем один... В горах не узнаешь, какая беда может приключиться, - с беспокойством сказал старший из них.

-Не впервой мне ходить в горы одному, - возразил Ерстэм. Он начал торопливо готовиться к походу. Прежде всего нарвал прошлогодней сухой и мягкой травы "شيابي", хорошенько размял и выстелил ею свою обувь. Скатал бурку и, связав концы, повесил через плечо. В сумку положил кусок жареного мяса и кукурузные лепешки. На шею накиннул башлык.

-А ружье забыл! - напомнил старшой.

-Теперь ведь не время охоты! - возразил Ерстэм. Со мной пистолет, этого достаточно.

Оставляя слева гору Оштэн, Ерстэм взял направление на гору Фишт и двинулся к верховьям реки Белой.

Оказавшись один среди гигантских горных кряжей, он вдруг почувствовал себя необыкновенно легко, словно крылья у него выросли. Ему хотелось высоко взлететь и осмотреться вокруг. Гнетущие раздумья, мучившие его, улетучились.

Он впервые шел в горы без всякой цели. Когда он приходил сюда на охоту, то не замечал их величия, некогда было дивиться красоте, - все его внимание занимала выслеживаемая дичь.

Теперь же, ничем не занятый, он словно оказался с глазу на глаз с горным хребтом, впервые его увидев и воспринимая совершенно по-новому. Как много замечал он чудесного, мимо чего раньше проходил равнодушно. Величие горных громил сызнова поразило его, повеяв в душу сладковатой жутью.

Легко и торопливо прыгал он с камня на камень, играючи перескакивал через расщелины и, точно преследуя какую-то чудесную тайну, отирая со лба обильный пот, все дальше и дальше углублялся в горы.

Местами, где узенькая тропа вилась по кромке бездонной, мрачной пропасти, Ерстэм вдруг останавливался и с интересом оглядывался. Посмотрит вверх - отвесная голая скала подпирает голубое небо. Взглянет вниз - видит непроглядное синее дно пропасти. И чудится ему, будто там, на дне, под сизым туманом, совершается что-то грозное и затаенное - звук упавшего камня отзывается оглушительным, зловещим эхом. В недрах гор встречаются такие места: горные кряжи чутко подхватывают звук и несут из одной теснины в другую сложную переключку эха, пока не погаснет оно в каком-нибудь дальнем ущелье. Кажется, будто горные вершины, как живые дозорные, стоят рядом на страже, передавая друг другу сигналы предостережения. И Ерстэма охватывал суеверный трепет перед этими циклопическими горными кряжами, в которых чудилась ему живая душа. Иногда он, стоя на высоком утесе, издали замечал четкий силуэт тура. И его он сейчас воспринимал совсем иначе, чем когда приходил сюда на охоту. Большие изогнутые рога, как адыгское тавро, четким орнаментом оттиснуты на небосклоне, гордый и чуткий стан застыл неподвижно, как изваяние. Ерстэм с восхищением разглядывал тура и жалел, что так много их убивал

Повстречался он и с истоками рек. Здесь они были только ручейками, но как яростно бушевали и бились в дикой злобе о камни. Обкатанные каменные глыбы заполняли русла этих маленьких, но необычайно свирепых речушек. Ерстэм смотрел на них и поражался - какая же невероятная сила просыпается в этих ручейках, когда они бушуют в половодье!..

Порой Ерстэм, словно в быструю горную реку, ступал в ледяную струю ущельного ветра. И переходя по пояс эту струю, удивлялся, будто это случилось с ним впервые. И с вновь пробудившимся любопытством спрашивал себя: почему струя так воровато стелится низом, от кого она прячется, откуда веет и куда направляется? Но ответы на эти вопросы ему неоткуда было услышать, и они так и оставались для него таинством жизни и бытия.

К полудню Ерстэм решил поесть и отдохнуть. Прежде чем сесть, он огляделся и обнаружил, что находится у подножия высокого пологого склона. Он высмотрел большую каменную глыбу и решил под ее укрытием расположиться на отдых. Это был нерушимый закон абадзехов: "Если вздумаешь отдохнуть у подножия горы, выбери место под навесом пли за камнем - трудно предвидеть, что может скатиться с горного склона!"

Пока Ерстэм ел, белые клочья облаков начали цепляться за вершины гор. Чем дальше, тем больше маленькие облачка стучались в серо-голубую мглу, окутывая окрестные склоны. На гору Оштэн надвинулась лиловая туча, она все уплотнялась и темнела. Синева стучалась на глазах. И вот уже на Оштэне заплясали первые молнии.

Для пастухов гора Оштэн всегда была предвестницей непогоды. Ерстэм, видя, что творится на ее вершине, поторопился закончить еду, развязал бурку, приготовил башлык.

Темно-синие тучи совсем скрыли Оштэн, и немного спустя молнии, словно огненными кнутами, стали полосовать ее. Горное эхо многократно повторяло оглушительные взрывы грома. День померк, казалось,

наступили сумерки. Начался ливень. То, что творится в бурю на Оштэне, - истинное чудо. Кажется, огненные лезвия молний вдоль и поперек •кромсают вершину горы. Ослепительные вспышки, зигзаги, пунктиры, высекаемые молниями, сплетаются в невообразимые орнаменты. А иногда Ерстэму казалось, будто широкая огненная лента, окрашенная во все цвета радуги, на его глазах рассекает надвое гору Оштэн, и он, ослепленный и устрешенный, невольно прикрывал рукой глаза. В такую пору новичок легко мог бы поверить в то, что ни гор, ни самой высокой из них - Оштэн - уже не осталось на земле и наступило светопреставление.

Летом такая буря в горах продолжается но долго, как внезапно и. ела она на Оштэн, так же неожиданно покинула вершину горы, и вновь засияло солнце. Темно-синие тучи, словно обратившись в бегство, двинулись на север, влача за собой косую ливневую сеть.

Вечером Ерстэм отыскал под навесом скалы сухое место, завернулся в бурку и улегся спать. В дебрях скалистых гор, в безлюдной глухомани оказался он один- одинешенек во мраке ночи. Ерстэм привык к одиночеству и даже любил его: окруженный таинственным молчанием неведомых мест, он чутко прислушивался к звукам и вздохам чужой земли. Жутковатое чувство ожидания всяческих приключений и чудес рождали в нем гордую решимость доказать свою силу и мужество.

Но на этот раз одиночество не доставляло Ерстэму удовольствия. Едва он немного отдохнул, горестные раздумья навалились на него с новой силой. Тоска, от которой он пытался спрятаться, и здесь нашла его. Но теперь его мысли потекли в ином направлении. Чувство вины за то, что, расходясь с женой, он был несправедлив к ней, обидел, не проявил мужского великодушия, больше не мучало его. Он вдруг с особенной ясностью понял, что все равно они никогда не смогли бы ужиться и потому разрыв был самым разумным выходом. Она молода, а в Бжедугии много орков, для которых звание "княжна" превыше всего. Найдет она себе подходящего мужа и снова обретет тот образ жизни, к которому привыкла с рождения. Выходит, куда в худшем положении оказался сам Ерстэм: без жены, без детей, совсем одинокий.

И впервые в жизни, именно здесь, вдруг вспыхнуло у Ерстэма острое желание иметь свою семью. До сих пор он об этом не заботился, не очень тревожило его то, что нет у него детей - все будет, время не ушло, думал он, в угаре молодости увлекаясь молодецкими делами. И вот тревога о собственном гнезде со всей неотвратимостью пришла к нему. Он понял, что уже не юноша, давно вступил в так называемую пору возмужания, и сознание того, что остался одиноким, впервые заставило его серьезно задуматься о своей судьбе. Он обвинял себя в непростительном легкомыслии. Как быть ему сейчас?

Взять второпях первую приглянувшуюся девушку? Но что получится из этого, станет ли она ему верно подругой? Да и может ли человек найти отраду в женщине, с которой не сблизился сердцем, не прирос к ней душой? Где взять такую, как Суанд? Ему уже больше тридцати, а он не помнит, чтобы встречалась ему хоть одна девушка, кроме Суанд, к которой бы он так потянулся. Красивых много. Но тебе суждена только одна. Единственная. А та, что завладела всецело его сердцем, оказалась для него недосыгаемой. Уже боле двух лет прошло с тех пор, как он впервые увидел ее. Можно ли быть уверенным, что она до сих пор не вышла замуж и ждет его?..

Мысль о том, что он навсегда потерял Суанд, заставила его вскочить, словно по тревоге. Он откинул полу бурки и быстро сел в своем каменном склепе. Чего он ждет, почему медлит! Завтра же надо отправиться в Темиргой и встретиться с девушкой! И как он до сих пор не подумал об этом?! Ведь только с ней он может быть счастлив! Нельзя медлить: если она не вышла замуж, надо добиться любой ценой ее любви, а если вышла - отнять! Нет для него счастья без Суанд! И как ни трудна ночью дорога в горах, он должен сейчас же вернуться на кош с тем, чтобы завтра утром отправиться в Темиргой!

Но через минуту, поразмыслив, Ерстэм понял, что так, с бухты-баряхты, дело не делается. Не успел жену отправить в родительский дом, а уже едет свататься к другой - разве это по-человечески? Да и что он знает про Суанд? Вышла она замуж или нет, ведь все решается одним: любит ли его девушка? Он может только надеяться. И у него есть для этого основания. Потому что тогда, во время танца, заглянув ей в глаза, он почувствовал, что и любовь и неприязнь в сердце Суанд должны быть сильны и прочны...

Как бы там ни было, а княжну-невестку отправили обратно в Бжедугию. Семья Залэко свободно вздохнула. И сам Ерстэм почувствовал облегчение, словно выздоровел после тяжелой болезни. Он

успокоился, тревожное напряжение в семье, которое вносила своим поведением его жена, так тяготившее его с первого дня женитьбы, исчезло.

Но разрыв их обрушил на Ерстэма новые заботы. Вернувшись с пастбища, он почувствовал в доме какую-то скрытую печаль: с его женой отправлено было столько скота, что это оказалось в тягость матери и двум братьям. Дорого заставил Ерстэм расплатиться семью за свою ошибку. Эта мысль доставляла ему много огорчения: вместо того чтобы, как настоящий мужчина, умножать достаток в доме, он, точно какой-то бездельник и шалопай, принес близким только убытки! И Ерстэм решил, что должен во что бы то ни стало восстановить поголовье скота.

Не так представлял себе Ерстэм свое поведение там, в горах. Тогда он решил, не откладывая, все разузнать о Суанд.

Он понимал, что скоропалительно ехать в Темиргой и свататься - неприлично. Не было у него для этого никаких оснований. Он ничем не проявил своего отношения к девушке, ничего не сделал, чтобы обратить на себя ее внимание, и вдруг сразу - сватать! Да еще через два года!..

Говорят, влюбленный становится робким и обидчивым. Вот и с Ерстэмом сейчас происходило нечто подобное: придумывал всяческие уловки, чтобы повидать Суанд, и сам же опасливо отвергал одну выдумку за другой. Наконец он решил: прежде чем поехать в Темиргой, встретиться с кем-нибудь, кто придет оттуда, и разузнать у него новости. Но и это решение, по здравому рассуждению, показалось ему нелепым: разумно ли сидеть сложа руки и дожидаться случайного приезжего? Да и кто знает, как долго придется его ждать? Он и так слишком много времени потерял.

И вот теперь снова приходилось откладывать на неопределенный срок поездку к Суанд... Чтобы восполнить отданный разведенной жене скот, Ерстэм решил совершить несколько торговых оборотов. Сам-то он не любил этим заниматься, но его старший брат был весьма способен к мелкому торгу-обмену. А если Ерстэм привезет из Крыма товары, брат с готовностью возьмется за дело. Ерстэм имел свой косяк племенных, отборных лошадей. Старшие братья не склонны были заниматься коневодством, и Ерстэм сам сколотил косяк и пристроил его в табун одного коневода в их же ауле. В семье считали этих лошадей неприкосновенной долей Ерстэма.

Кроме племенного косяка у Ерстэма имелось сколько десятков коней, предназначенных для продажи. Вот их-то он и решил пустить в оборот. Тем более, что адыгские кони высоко ценились в Крыму и охотно раскупались.

Ерстэм отобрал десяток коней, нашел энергичного парня, чтобы тот помог ему перегнать табун, и отправился в путь.

Душевные потрясения, пережитые им в последнее время, заставили Ерстэма позабыть об Одинокое всаднике. Но едва оказавшись в дороге, он тотчас же вспомнил о нем. И вспомнил как о чем-то близком и дорогим. Тревога за судьбу юноши овладела Ерстэмом, с тех пор как тот подскакал к нему на лесной поляне. И, думая об Одинокое всаднике, он так ясно представлял себе выражение его лица: надвигающаяся смертельная опасность словно смыла всякое притворство, в смятении он даже позабыл приветствовать Ерстэма, доверчивой скороговоркой выпалив свою просьбу... Бедняжка, он напоминал существо, объятые пламенем. Ерстэм понял тогда, что этот юноша не по своей воле рыскает одиноко по лесам, что это не его занятие. Тяжкое горе и чувство мести за какую-то большую обиду толкнули его на смертельно опасный путь.

Вспомнив об Одинокое всаднике, Ерстэм встревожился: уж не стряслось ли с ним какой беды? Темиргоевские орки не простят ему убийства Альджеруко Кушука. Мужества, коварства и отваги у них хватит, чтобы отомстить. А может, он уже в их руках? Надо скорее найти его и увести с злополучного кургана.

Объятый тревогой, Ерстэм решил держать путь через поляну Тамбыр. К полудню добрались они до кургана, пустили лошадей пастись, а Ерстэм принялся осматривать местность.

На поляне конских следов стало еще больше. Высокая трава, в тот его приезд не тронутая скотом, теперь была густо потоптана множеством конских копыт. И на старой двухколейной дороге, что пересекала поляну, количество конских следов тоже увеличилось. Ерстэм даже заметил возле леса несколько мест, где явно всадники останавливались на привал.

Все это лишь усилило тревогу Ерстэма. Кто, интересно, повадился к Тамбыр- кургану? Если темиргоевские орки, ясно, за кем они охотились. У леса они, верно, устраивали засаду. Достигли ли они своей цели?

И надеясь и не надеясь, что покажется Одиноким всадник, Ерстэм долго ждал. Но поляна Тамбыр-кургана была пустынна. Ерстэм счел это плохим предзнаменованием: наверно, темиргоевские орки сделали свое черное дело и теперь оставили Тамбыр-курган...

Наконец Ерстэм не вытерпел, сел на коня и поехал осматривать окрестности.

Прежде всего он объехал кромку леса вокруг поляны. Его предположения оправдались: со всех четырех сторон поляны он обнаружил вытопанные места - лежбища конников. Ясно - они поджидали Одинокого •всадника... Но попался он им или нет? - снова и снова повторял про себя Ерстэм, и тревога его росла.

Он заехал в лес. Множество переплетенных потайных тропинок бежали в разные стороны. На одной из них он тоже заметил конские следы. Одно Ерстэм установил точно: все следы, что он видел и на лесных тропах, и на старой дороге - старые. Во всяком случае, они оставлены до тех больших ливневых дождей, которые шли в этих местах несколько дней назад. Следы размыты и стерты, примятая трава засохла или поднялась. Выходит, после дождей здесь никто не бывал, решил Ерстэм.

Неподалеку от поляны Тамбыр-кургана, в самой чаще леса, протекала неглубокая, тихая речушка. Проезжая вдоль нее, Ерстэм увидел свежий сдвоенный конский след, ведущий к речке. Этот остался уже явно после дождя - четко отпечатанный на влажной почве. Сперва след направился было к поляне, но вернулся обратно и, ступив в речку, исчез.

Оба следа, без сомнения, принадлежали одному и тому же коню - Ерстэм убедился в этом, измерив ширину копыт.

Он остановился и задумался. Если всадник вернулся отсюда к Тамбыр- кургану, тогда это, возможно, был кто-то из орков. Но если он сначала побывал у Тамбыр-кургана, потом возвратился сюда, тогда это должен быть Одиноким всадник. Но как выяснить?

Близился вечер. Ерстэм забеспокоился о своем спутнике. Но все же, держась второго следа, что вел в сторону Тамбыр-кургана, он вернулся на поляну. След обрывался в стороне от нее. Видимо, всадник тут спешился - рядом лежала примятая подстилка из травы, на которой тот явно отдыхал. И конь его в этом месте изрядно вытоптал землю.

Ерстэм рассудил: если верховой из тех орков, что выслеживали Одиноким всадника, его след должен вести на старую дорогу. Ерстэм внимательно осмотрел все вокруг этого места, но ничего не обнаружил.

Конечно, кто-нибудь из врагов Одиноким всадника мог подобраться к Тамбыр-кургану с другой стороны и уехать по своему же следу. Но почему тогда он пытался затерять свой след и для этого поднимался вверх по реке? Почему именно он вынужден был прятаться? У Ерстэма были все основания предполагать, что этот свежий след принадлежит Одиноким всаднику. Только он мог быть заинтересован в том, чтобы никто не разведал, куда он возвращался.

Значит, юноша на свободе, сделал Ерстэм заключение. У него немного отлегло от сердца, и он решил после того, как закончит торговые дела, навестить сюда одному, без попутчика. Тогда он или встретит юношу, или по следу обнаружит его местопребывание. Должен же он где-то жить или отдыхать. Даже если издалека сюда приезжает. Во всяком случае надо во что бы то ни стало найти его.

Лошади хорошо отдохнули, и к вечеру Ерстэм и его-спутник двинулись в дальнейший путь. Ерстэм ехал" впереди коней, парень подгонял их.чтобы не утомлять лошадей, которых гнали на продажу, путники

двигались медленно. Степная жара, казалась Ерстэму тяжелой и душной, и он решил в дневной зной отдыхать на берегу речки или водоема, а ночами и по утренней прохладе продолжать путь. К тому же кони ночью были покорнее и послушно следовали за Ерстэмом.

К утру третьего дня они добрались до речушки Елбузд. Отсюда до мест, куда они держали путь, оставалось несколько часов езды. Здесь были хорошие пастбища, а по берегу речушки тянулись заросли ветлы и вербы, - и лошади и путники могли здесь славно отдохнуть.

Весь день и следующую ночь они провели на берегу Елбузда. Утром, отыскав в речке место поглубже, искупали коней и двинулись дальше, с таким расчетом чтобы добраться до места к полудню.

Они ехали по приазовской низинной степи. Взору не на чем было задержаться - степь лежала ровная, прикрытая ярко голубым куполом. Казалось, на горизонте ясно видно то место, где земля соприкасается с небом. Лесов мало, они синели лишь в редких лощинах и по берегам почти неподвижных речек.

Ногайские аулы встречались редко. Лишь возле перелесков и речушек, как муравейники, ютились рассыпанные юрты. Ногайские всадники, серенькие, в серых войлочных шляпах, иногда встречались им, равнодушные, молчаливые. Но ни юрты, ни заросли верб и ветел не задерживали взгляда, теряясь на бесконечной степной плоскости, которая казалась однообразной, огромной равниной, местами высеребренной ковылем. Было время утреннего "боя ястребов" - самое красивое время суток. Орлы и ястребы плавно кружились в небе, казалось, они парили на одном месте, однако от путников не только не отставали, а все время были чуть впереди их. Раньше Ерстэм не мог объяснить этого явления. У них в горах орлы летали над склонами гор, над долинами. А здесь, в открытой степи, почему-то все время держались над головами всадников. И лишь недавно он понял: ястребы охотились за живностью, которую вспугивали путники. Вот и сейчас довольно далеко впереди ястреб, сложив крылья, вдруг камнем упал вниз и лишь у самой земли, взмахнув крыльями, скрылся в траве. "Еще одна жизнь обречена..." - подумал Ерстэм.

Чтобы разогнать скуку, навеянную однообразием дороги, Ерстэм приподнялся в седле и огляделся: кругом, сколько хватал взгляд, зеленый или серебристый ковер травы и ковыля. Но вот позади, очень далеко, они увидели едва заметную черную точку. Не в силах определить, что это такое, Ерстэм начал следить за ней.

Черная точка быстро приближалась и увеличивалась. Ерстэм наконец понял, что это всадник, мчащийся во весь опор. Еще некоторое время спустя, он различил впереди всадника совсем уже маленькую черную точку, которая то возникала, то скрывалась в траве.

Заинтересованный этой странной погоней, Ерстэм остановил коней, отъехал в сторону и стал дожидаться приближения всадника. Вскоре и темной точке, то возникающей, то исчезающей перед всадником, он заподозрил лису или волка. Но вот наконец всадник подскочил на такое расстояние, что его можно стало разглядеть. Войлочная шляпа у него была ногайская, но и по одежде и по манере держаться на коне, он показался Ерстэму похожим на адыга. Едва всадник приблизился, Ерстэм сразу узнал коня - сомнений быть не могло, это Самум - конь Батыма! "Что за диво! - невольно вскрикнул Ерстэм. - Откуда он мог здесь взяться? Как попал в руки ногайцев?.."

Седока, который сказал, пригнувшись к шее коня, трудно было разглядеть, лицо его закрывала войлочная шляпа. Не убавляя и не прибавляя скорости, он держался на коротком расстоянии от волка. Зверь, видно вконец измотанный, вывалив набок язык, едва переводил дух и, казалось, готов был от отчаяния рухнуть замертво.

Чтобы волк не спугнул лошадей, Ерстэм велел своему спутнику отогнать их подальше. Всадник приблизился к Ерстэму, хлестнул коня и, ринувшись вперед, подскочил к волку. Прямо перед Ерстэмом он, свесившись, сильно хлестнул плетью загнанного зверя и, одновременно сорвав с головы войлочную шляпу, бросил ее волку. Волк всей пастью схватил шляпу и, воображая, что враг побежден, лег на землю, стиснув челюсти. Всадник круто осадил коня и в одно мгновение оказался верхом на волке, крепко держа его за уши. И тут-то он успокоенно, глубоко вздохнул, поднял голову и посмотрел на Ерстэма.

- Ха! Что ж это, Ерстэм, ты ли?! - в изумлении воскликнул он.

- Батым! Откуда ты взялся.?!

- Э, сейчас некогда разговаривать, отвяжи скорее мой аркан, да и свой

давай сюда. Волк лежал со стиснутыми челюстями, крепко припав к земле, а Батым сидел на нем, словно оседлав. Ерстэм подал два аркана. Батым накинул их на волка так чтобы каждый обхватывал шею и одну перпою лапу. Конец одного аркана он передал Ерстэму, другой держал сам. Застремив плетть между волчьими челюстями, он с трудом извлек из его пасти свою войлочную шляпу. Лишь проделав все это, он соскочил с волка. Тот бросился было в сторону, но арканы крепко держали его. Он забился, пытаясь кинуться то на одного, то на другого охотника, но вскоре, отчаявшись, снова припал к земле.

Батым вытер рукавом обильный пот со лба и всем своим неуклюжим широким лицом радостно и светло улыбнулся Ерстэму.

-О-уй-уй! Как неожиданно и хорошо мы встретились, - в восторге крикнул он.

-Разговоры и рассказы потом, а сейчас скажи: что думаешь делать с волком? - спросил Ерстэм.

-Э, на этого зверя я потерял целых двое суток. Видишь, какой матерый. Я его отведу к ногайскому торговцу Мурад-мирзе. Он обещал мне дать за живого волка стоимость коня. Не знаю, зачем он ему, но полагаю, что хочет вывести собак с примесью волчьей по роды. А теперь было бы хорошо, если бы ты помог мне дотащить волка до места. Тут недалеко аул Мурад-мирзы, находится на берегу реки Кагальник. Ерстэм от всей души рассмеялся.

-Что ж мне остается делать? Разумеется, придется помочь, не лишать же тебя такого заработка! Тем более что я и сам направляюсь к Мураду-мирзе.

Кажется, мои дела устроились наилучшим образом! и волка поймал, и Залэко Ерстэма в спутники обрел! Какое же дело у тебя к коварному Мураду? - Мы же условились! - о новостях после! Лишь одно хотелось бы узнать сейчас: если бы я не встретился Ерстэм как бы ты дотащил волка? - снова рассмеялся Ерстэм Радость от того, что он видит Батыма, сквозила во всем его облике. Охотно отвечу: я бы связал крепко его пасть и лапы, положил на коня и повез. Правда, не очень-то приятно - нюхать всю дорогу волчий пот. Да и Самум мой не любит чувствовать волка у себя на холке. Впрочем, он приучен к запаху волчьих шкур.

-Что ж ты, из-за этого волка ехал в такую даль?

-Не-е-т! Я много чего привез сюда: целую арбу стрел и еще арбу со шкурами...

-Вам, темиргоевцам, Каплу ближе и сподручней, зачем же тащиться сюда?

-Прослышал, что здесь лучше платят, вот и решил проверить.

-Тогда тебе надо было бы добраться до города Азык, не то хитрый Мурад-мирза может тебя обьегорить.

-Э, я его коварство быстро раскусил! Мы с ним, приседая и вставая, долго торговались. Поначалу он пытался заплатить мне не больше, чем платят в Каплу. Тогда я запряг своих быков и заявил, что поеду в Азык и там возьму свою цену. Но когда я всерьез тронулся в путь, тут Мурад-мирза сдался и вернул меня.

Как бы то ни было, а я получил с него в полтора раза больше, чем в Каплу.

-О, ты здорово ранил сердце Мурад-мирзы! - усмехнулся Ерстэм. - Ночь он, наверное, провел без сна. И все же с ним иметь дело хорошо, он хоть из-под земли достанет все, что тебе нужно. Его связи тянутся далеко, не только в Крым, но и до берегов Борисфена*.

* *Борисфен - древнее название Днепра.*

-А ты, Ерстэм, как сюда попал? Твой путь, как я слышал, всегда лежал в сторону Каффы!

-На этот раз я - торговец. Продам коней Мурад-мирзе, а потом доберусь до Азыка, куплю ткани. Там продается много русских товаров, а они и прочностью и плотностью своей очень хороши для горцев. Кроме того, Мурад-мирза обещал мне достать жеребца арабистанской породы. Такие лошади в Крыму водятся. Но беда в том, что ни жеребцов, ни кобылиц крымской породы не разрешено вывозить, только меринов.

Батым взглянул на волка, припавшего к земле, и спохватился:

-Давай двигаться, кажется мой волк передохнул немного. Ты первый садись на коня, только не ослабляй аркана.

Волк, мечась между двумя натянутыми арканами, то бежал сам, то его тянули, и так почти волоком, дотасили до аула на берегу реки Кагальник, где жил Мурад-мирза. Коней остановили у околицы, оставив парня стеречь их, а Елрстэм и Батым поволокли волка к дому Мурада. Аул этот, видно, служил зимней стоянкой ногайцам - здесь преобладали дома-мазанки с камышовыми или соломенными крышами, а между ними были рассыпаны закоптелые юрты. Аул окружали вспаханные поля.

Дом Мурад-мирзы выделялся среди других - длинный саманный, под камышом, он находился на самом краю аула. Перед домом, на значительном расстоянии, можно сказать, уже на выгоне, расположился скотный двор - большой плетеный сарай и загон для овец и скота, окруженный высоким терновым плетнем. Во всем ауле - ни деревца. Плетней и оград тоже не было.

Навстречу всадникам, волочившим на арканах волка, первыми высыпали малыши. Затем потянулись и взрослые, больше женщины. Мурад, в нижней рубашке, в распояску, тоже показался из дома, размахивая руками и что-то выкрикивая.

По его указанию волка завели в какой-то закуток, отгороженный для молодняка. Почти все население аула было уже в сборе. Малыши, как галчата, уселись на плетне, разглядывая волка.

Мурад-мирза был очень горд тем, что волка привели по его заказу, и чванливо объяснял людям, что, мол, никто на свете не видел эверя крупнее и сильнее. Мурад, широкий и приземистый, налитый жиром, ступал, округло раскорячивая ноги. Жиденская бороденка ключьями торчала на скулах - легко можно пересчитать каждую волосинку. Заплывшие глаза его с трудом проглядывали сквозь узкие щели припухлых век. Увлечшись волком, он поначалу не обратил внимания на Ерстэма, уже знакомого ему и специально приехавшего к нему по делу.

Батым плохо понимал по-ногайски, а Ерсгэм даже умел говорить, правда, с большим усилием. Толкнув Батыма, он тихо сказал:

Этот Мурад-мирза, кажется, позабыл, что волк-то еще твой. Пока не охладел его пыл, спешి вырвать у него обещанную плату. Зверь уже у него - чего доброго, попытается -отделаться какой-нибудь мелочью. Так вот, пока арканы не сняты, действуй.

Ты прав, я ведь его хорошо знаю! - обеспокоенно произнес Батым. - Пойдем, Ерстэм, скажи ему..

Когда они подошли к Мураду-мирзе, тот уже опомнился и сконфуженно приветствовал Ерстэма. Но когда он напомнил ему о плате за волка, Мурад возмутился:

-Разве это к спеху! Зайдите в дом - вы же гости! Да и надо еще арканы снять и привязать волка на железную цепь. Иначе как будем держать его?

-Мне некогда ждать, я тороплюсь домой. Я и так на этого волка потратил двое суток, - передал Батым через Ерстэма. Мурад гневно вспыхнул.

-Ну, если так торопишься, езжай и забирай своего волка! - выпалил он. Тут и Батым не на шутку рассердился.

-Пойдем, Ерстэм, помоги мне, - сказал он, больше не обращаясь к Мураду, и направился в загон, где был привязан волк. Мурад тревожно поглядел ему вслед и окликнул:

-Эй, свирепый адыг, что ты задумал?

-Отпущу волка! - коротко бросил Батым.

Когда Ерстэм перевел его слова, Мурад-мирза торопливо крикнул:

-Эй, вернись! Хорошо, хорошо, дам тебе условленную цену, пошли в дом! - и сокрушенно пробормотал: - В жизни не видел таких неукротимых, как эти адыги!

Они вошли в дом, и Батым получил сполна деньги, после чего вернулись к загону, захватив железную цепь. Батым влез снаружи на плетень и только собрался наложить цепь на волка и снять арканы, как, протиснувшись сквозь толпу, в загон вошел какой-то высокий парень с чабаньей палкой в руке. Ерстэм еще раньше обратил на него внимание. Стройный, атлетически сложен, с лицом, покрытым крепким бронзовым загаром, парень был очень красив. Держался он гордо и прямо, двигался величаво. Выцветшая, латаная-перелатаная невзрачная бурка и засаленная старая войлочная шляпа ничуть не умаляли его достоинств, лишь подчеркивали их. Короче, он был из тех, которые украшают собой любое одеяние.

Рядом с чабаном шла собака, ростом невелика, голова ее была зорко приподнята, острые уши настороженно прядали. Она терлась о ноги хозяина, кфгично, умно и бесстрашно поглядывая вокруг.

Увидев привязанного волка, чабан забеспокоился, быстро схватил собаку за ремешок и полой бурки прикрыл ей морду. Мурад заметил движение чабана и расхохотался ему в лицо.

-Что, боишься за свою собаку! Ты же про нее чудеса рассказывал, мол, может всех волков на свете передавить! Если она и вправду такова, спусти ее на волка!

Чабан воспринял эти слова без обиды, всерьез, и ответил с достоинством:

-Не за собаку, а за волка твоего боюсь!

-Ишь ты! - еще пуще рассмеялся Мурад. - Олахи! Да хоть десять таких собак на него пусти, всех, как котят, передавит! Молодой чабан чуть заметно улыбнулся.

-Если можно было бы задавить твоего волка, а потом оживить, я бы показал тебе, на что способна моя собака. Но боюсь, пожалеешь и, лишившись волка, станешь ныть и причитать. Не хочу огорчать тебя.

-Вы только послушайте, что он говорит! - разъярился Мурад-мирза. - Сейчас же спусти свою собаку, посмотрим, кто из нас будет ныть да хныкать!

-И все же я не спущу, я слишком хорошо знаю ее нрав. Зачем травить волка, добытого с таким трудом?

-Да ведь волк-то мой! Мне давно осточертело твое бахвальство.

Обида явно дошла до сердца чабана, он нахмурился, глаза его яростно заблестели.

-Тогда вели отпустить волка, и пусть люди уйдут из загона, - твердо сказал он.

Людей вывели, чабан остался один со своей собакой. Батым взял у него палку и, взобравшись на плетень, снял с волка оба аркана. Одновременно и чабан отвел полу бурки от морды собаки и отпустил ее.

Волк, освободившись, сильно встряхнулся, но тут лее заметил собаку. Шерсть у него на шее встала дыбом, он крепко поджал хвост и сделал стойку. И собака, увидев волка, застыла на месте и, вся напрягшись, вытянулась и ринулась на врага. Они схватились.

Собачонка впиалась в горло волка. Он долго волочил ее, крутился вместе с нею, пытался ударить об землю. Но как ни бился, собака не отпускала его. Сдавлив челюстями горло, она висела на нем как пивка. Волк стал задыхаться, из пасти показалась кровь, он уже не мог стряхнуть собаку и, как очумелый, еще некоторое время таскал ее по земле. Но и после того, как волк свалился, собака легла рядом и не отпускала

его, пока он не перестал двигаться. Когда же волк окончательно затих, собака разжала пасть, поднялась, отряхнулась, подошла к своему хозяину и стала рядом, широко и усердно облизываясь.

Все присутствующие, вместе с ними и Мурад, онемели от удивления. И вдруг разом над толпой вскипел шумный говор и восклицания.

-Продай свою собаку! - неожиданно воскликнул Мурад.

-Такую собаку не продают! - твердо ответил чабан.

-Заплачу вдвое больше, чем отдал за волка.

-Я сказал тебе, что собака не продается, - неумолимо отрезал чабан.

-Пять волов даю! - не отставал Мурад.

-Я чабан, и нет цены, за которую я отдал бы такую собаку! - и, не желая больше говорить, чабан.

Ушел, сопровождаемый псом. Мурад-мирза, злой от того, что нашелся человек, у которого есть нечто лучшее, чем у него, постоял, огорченно поглядывая вокруг мутными глазами, и, повернувшись к Ерстэму произнес с горькой усмешкой:

- НУ, скажи, как поступить с таким дураком: у него в доме еды на сутки нет, чувяки рваные, а он не хочет продавать собаку за такую цену!

- За это нельзя осуждать, он настоящий мужчина! - возразил Ерстэм.

Ерстэм и Багым кончили свои дела с Мурад-мирзой. Тот охотно купил у Ерспма всех коней за сходную цену. Только в одном Ерстэма постигла неудача: не удалось ему приобрести жеребца крымской породы, но Мурад-мирза заверил его, что найдет, что, мол, уже договорился и ему скоро приведут.

Ерстэм отказался ночевать в ауле. "В пути я по возможности избегаю ночевки в ЧУЖИХ домах и в чужих шалашах", - заявил он. Батым поддержал его:

-И я предпочитаю летом ночевать в поле. Дела окончены, пора и домой. Но Ерстэм стал упрашивать его:

-Мы давно не виделись, поедem со мной до города Азык, и вместе вернемся.

-Мне очень хотелось бы, - ответил неуверенно Батым. - Но не знаю, как быть с моими спутниками и арбами. Сумеют ли ребята сами добраться? Парни они смышленные, энергичные, но...

-Почему же не смогут? Дорога степная, прямая, как приехали, так и возвратятся! А тебе разве не нужно сделать покупки? В Азыке покупать лучше, чем где бы то ни было. О Крыме зря слава идет, там все дороже. Конечно, если требуются отборные доспехи и оружие, или тонкие дорогие ткани, тогда, правда, в Крыму выбора больше.

-Для дома кое-что нужно было бы купить. Да тратиться не хочу. Я теперь коплю деньги.

-На что они тебе? Ведь в ауле у вас денег не берут... - удивился Ерстэм.

-У меня другие намерения. Я решил путешествовать. Может, в чужих краях увижу что-нибудь, что обогатит мой ум. С тех пор, как ты гостил у меня и наслушался я твоих рассказов, запали мне в душу твои слова. Я уже скопил около тысячи турецких пиастров.

-Э, да ты, оказывается, мужские желания в сердце хранишь... - усмехнулся Ерстэм. - Если есть у тебя намерение путешествовать, как не побывать в Азыке? Едем, положим вместо начала твоим странствиям. Для двух парней, сопровождавших Батыма, они купили в ауле сушеное мясо, кукурузные лепешки и отправили их в обратный путь. А сами поехали в Азык взяв с собой спутника Ерстэма. В дороге они разговорились.

-А замечательный парень этот чабан! - сказал Батым. - Хотел бы я иметь среди ногайцев такого друга.

-Настоящий мужчина, - согласился Ерстэм. - Я много стран объездил и убедился, что в каждом народе есть хорошие и плохие люди. Так, видно, устроен мир.

-Ерстэм, - обратился к нему Батым, - какой это породы ты хочешь купить жеребца? Они и вправду хороши? Мне тоже нужен добрый конь. Мой Самум такой необычный, что меня по нему везде, как меченого, узнают.

-Нет, - возразил Ерстэм, - кони крымской по роды для нас не годятся. Они красивы, стройны, высоки, резвы. Но нет у них той выносливости, что у наших адыгских коней. Для трудных и дальних походов не годятся.

-Зачем же тогда ты ищешь такого?

-Понимаешь, я собрал кобылиц лучших адыгских пород. Вот я и подумал, если скрестить их с крымским жеребцом, то, может, к выносливости наших шагди прибавится и стройность и скорость в беге крымского жеребца. Получилась бы новая порода.

-Хорошо бы, если тебе это удалось! И я мог бы тогда получить такого коня. Разговор оборвался. Теперь заговорил Ерстэм.

-Ну, а какие новости в ауле? Как обошлось с тем стариком, Тауром Темган?

-Э, из-за этого Таура чуть большая беда не разгорелась. Молодой Болотоков, желая оправдаться, распустил слух, будто хотел в шуточной форме внушить старику, что надо уважать княжеское достоинство.

"Если бы не вмешался мой абадзехский друг Залэко Ерстэм, я бы этого заносчивого фокотля хорошенько проучил!" - говорил он. Но род Темган, разведав, как все произошло на самом деле, рассвирепел. "И их уничтожим, и сами умрем!" - заявили они. Однако Таур, мудрый старик, их осадил и строго-настрога велел прекратить подобные разговоры. Дело кое-как замяли, княжна-невеста после этого недолго пробыла в доме Темган. Соблюдая все обычаи, проводили ее в дом Болотоковых. А из попытки старшего князя Болотокова завести свойство с уважаемым и многочисленным фокотлевским родом Темган, сам понимаешь, ничего не вышло. Не друзьями, а скрытыми недругами они стали.

-Как бы там ни было, хорошо, что бедный старик не нажил беды от князя - Ерстэм помолчал минуту и вдруг, словно вспомнив что-то, спросил: - Ну, а как поживает та славная девушка, с которой я танцевал? Если не запамятовал, кажется, Суанд ее имя? В девушках еще или вышла замуж?..

Батым быстро обернулся и с удивлением поглядел на Ерстэм а:

-Разве до тебя не дошла весть о судьбе Суанд?

-Какая весть? - с испугом выронил Ерстэм.

-Удивительно, неужели ты ничего не слышал? Суанд уже нет!

-Что ты говоришь?! - и словно обвиняя Батыма за то, что тот посмел произнести такую нелепицу, Ерстэм грозно уставился на него.

-Да, как это ни печально, а дело такое получилось: Суанд уже нет!

-Как это может быть?! - не хотел верить Ерстэм.

-До сих пор ни один человек не знает, как все произошло. Труп ее не нашли и что с ней случилось, не знают - может, орки похитили, может, звери загрызли. Только Суанд нет на свете. Словно земля разверзлась и поглотила ее.

-Разве такое бывает? Чтобы девушка, красавица, исчезла бесследно из дома, никем не замеченная?! Не шайтаны же ее утащили! Ты толком, подробнее расскажи, - потребовал Ерстэм.

-С ее исчезновением связана весьма печальная история - начал Батым. - Ты знаешь, как произошла ссора Болотоковых с родом Темган. Альджеруковы воспользовались этим и, не без ведома Болотоковых, стали открыто задевать Темган. Альджеруковы давно имели зуб против них, этот сильный род не хотел гнуться перед ними. А тут еще прибавилась обида Альджеруко Кушук на Суанд. Ты же помнишь, как на том джегу Суанд вывели в круг, чтобы она протанцевала с Альджеруко Кушуком? Верно, не забыл и слова Суанд и как Кушук был сконфужен? Может, помнишь, я сказал тогда: "Кушук вовек не простит Суанд своего конфуза!" Помнишь? Вот все и получилось так, как я предвидел.

Красотой и достоинствами Суанд гордился весь род Темган. Да и не только Темган, все фокотли в ауле любили Суанд. Альджеруковы, которые искали благовидный предлог, чтобы расправиться с Темган, избрали для этого именно ее. Знали, как больно заденет всех Темган и особенно двух ее братьев обида, нанесенная Суанд.

Альджеруковы владеют большим аулом и во всем подражают князьям. И то правда: они не менее могущественны, чем многие мелкие князьки. Вот и стали они последнее время заводить в своем доме порядки, подобные княжеским. Одно время они, как положено у князей, обязали фокотлей по очереди присылать к ним в дом своих дочерей, чтобы те помогали их сестре в шитье и рукоделии. Соберут пять девушек и пришлют. Впрочем, в этом трудно усмотреть что-либо предосудительное: девушки занимались рукоделием, веселили единственную сестру Альджеруковых, устраивали посиделки, выдумывали всякие игры, словом, обхаживали дочь тлекотлеша, как настоящую княжну. Для присмотра за девушками приставлены были орковские женщины. Повторяю, ничего предосудительного в этом поначалу не было. Но вот, спустя некоторое время, по аулу распространился слух, якобы сам Кушук и еще несколько молодых орков опорочили двух девушек. Это взбудоражило фокотлей. Они стали отказываться посылать своих дочерей в дом Альджеруковых. Альджеруковы же, по примеру князей, пытались неволить фокотлей и силой заставить их подчиниться.

Так вот, спустя немного времени после того, как княжну-невесту увезли от Темган в дом Альджеруковых, потребовали Суанд. "Удостоили чести", как они выражались. Суанд наотрез отказалась. Разве могли Альджеруковы примириться с таким непослушанием?! Хотели принудить...

Два брата Суанд считались в ауле одними из самых мужественных и храбрых молодых людей. Они наотрез отказались отпустить сестру. "Жизнь положим, но туда она не пойдет!" - заявили они. Споры, угрозы продолжались довольно долго. Орки возмутились - фокотли выходят из повиновения! Но братья Суанд стояли на своем: не пойдет Суанд в дом к Альджеруковым.

Возникла открытая вражда. Было несколько случаев, когда они колкими словами перебрасывались, бывало, что и оружие обнажали, людям приходилось их разнимать. Самым ярым и задиристым был Альджеруко Кушук.

Однако настоящая кровная вражда возникла после стычки старшего из братьев Альджеруковых со старшим братом Суанд. Однажды брат Суанд встретил старшего Альджеруко, сопровождаемого группой всадников. Темган хотел проехать мимо, не обращая на них внимания и не глядя в их сторону. Но Альджеруко окликнул его.

-Ты, собачья порода, откуда такой взялся, что смеешь не почитать меня?! - набросился он на лето. - Не достаиваешь пропустить нас, как положено по обычаю, остановившись на обочине? Зазнались вы! Я тебе покажу! Темган спокойно возразил:

Я не собирался выказывать тебе пренебрежение, никакого дела у меня к тебе нет и долгов за мной не числится. Все свои фокотлевские обязанности перед тобой я выполнил. А разве фокотли не имеют права ездить по дороге?!

-Я покажу тебе, как собачьему роду положено ездить! Дай сюда оружие!

-Я оружие обнажаю, когда следует, но не отдаю!

-Да что он болтает! Берите его! - крикнул Альджеруко своим спутникам.

Темган холодно и спокойно предостерег их:

-Набрасываться целой компанией на одинокого человека, видимо, для орков не зазорно, а вот твоим спутникам ни к чему лезть в это дело. Может, они и убьют меня, но могу заверить, что нескольких из них возьму с собой. Так что давай наше дело сами решим

-Этот негодяй еще будет болтать! - воскликнул в ярости Альджеруко и вытащил шашку. Они ринулись друг на друга. У орков тоже есть свои нерушимые законы чести и мужества: когда двое мужей встают друг против друга спутники не вмешиваются. Их вмешательство было бы истолковано как признак слабости Альджеруко: не способен сам справиться.

Однако существовали и другие обстоятельства, на которые Альджеруко несомненно рассчитывал: он был уверен, что фокотль из его же аула не посмеет нанести ему рану. Ведь всякий фокотль знает: если он поранит или убьет тлекотлеша, погибнет весь его род, или придется платить непосильный выкуп. Альджеруко, думая, что Темган не решится поранить его, бросился на него грозно и яростно.

Так и получилось. Темган, ловко отражая удары Альджеруко, наконец, воспользовался удобным моментом и вышиб у него из рук шашку.

-Ах ты, сучий род! - взвизгнул в ярости Альджеруко и вытащил пистолет. Но Темган не дал ему выстрелить. Ударив по руке тыльной стороной шашки, выбил и пистолет. Перебитая рука Альджеруко безжизненно повисла. Тот с недоумением поглядел на свою руку, пыл его несколько охладел, и он сказал:

-Ну что ж, на этот раз твое счастье взяло. Но запомни тебе ничего не тростится! - И, обращаясь к спутникам, повелительно добавил:- Перевяжите руку!

О том, что произошло между Темган и Альджеруко, орки помалкивали. А Темган разве сам такое расскажет? Он тоже молчал. Только мне доверил свою тайну, но даже младшему брату ничего не сказал об этой стычке.

Пока рука Альджеруко не срослась, орки, затаившись, ждали. И со стороны Альджеруковых не последовало никаких требований. Однако чувствовалось, что они вынашивают коварный замысел.

По тому, как наиболее приближенные к Альджеруковым орки волком смотрели на Темган, по их воровато-злорадным повадкам я почувствовал, что против братьев готовится какое-то злодеяние. Я тогда же сказал им о своих подозрениях. Старший ответил, что тоже догадывается о намерениях врагов. Я спросил его: "Так что же, вы так и будете сидеть сложа руки?". Но оба брата не выразили особой тревоги - полагались на свое мужество.

А немного спустя орки начали проговариваться: мол, этих зазнавшихся братьев Темган Альджеруковы скоро поставят на место. И по оживленному движению во дворе у Альджеруковых, и по какой-то их встревоженной суете было ясно, что близится осуществление их замысла.

Братья Темган, как ни были уверены в себе, а под конец тоже "встревожились. Больше всего боялись они за единственную свою сестру - Суанд. И вот однажды вечером они позвали меня и попросили, чтобы я отвез Суанд к братьям ее матери в ближний аул. Да сделал это так, чтобы ни одна душа ничего не подозревала.

Глубокой ночью, когда все живое успокоилось, Суанд с ее нехитрым скарбом укромными улочками привели ко мне. Я запряг арбу, и мы поехали, соблюдая всяческие предосторожности, чтобы никто не заметил ее отъезда.

То что я выехал из дома в полночь, ни у кого не могло вызвать подозрений - мы каждый день отправлялись на поле ночью или перед рассветом. Так и довез я Суанд к ее родственникам - ни одна душа не

встретилась нам по пути. Я успел нагрузить на арбу сушняк и к утру вернулся домой - вот, мол, какой парень- работяга, и целый воз дров привез, и так рано вернулся. Так что все завершилось благополучно.

Говорят, что сердце чувствует приближение беды, наверное, это правда - оказалось, что Суанд отправили как раз вовремя. В следующую ночь меня разбудили какой-то шум и выстрелы. Быстро одевшись, я вышел из дому. Я тотчас сообразил, что шум слышится со стороны двора братьев Темган. И правда, в топ стороне полыхало зарево пожара. Забежав обратно в дом, я схватил свой колчан, шашку и вместе с другими людьми устремился к месту тревоги.

Ну, много ли могло пройти времени, пока мы туда добрались? А когда прибежали, все уже было кончено. Строения пылали, словно гигантский костер. Посреди двора лежал старший из братьев, изрубленный шашками. Чуть поодаль мы увидели их престарелого отца, тоже мертвого с огромной зияющей дырой в правом глазу. У порога большой сакли без заметных следов ранений распласталась бездыханная мать. Больше никого во дворе мы не обнаружили преступников и след простыл. Женщины из соседних дворов говорили, будто видели во дворе Темган множество всадников, но ни одного из них в темноте не опознали. А после того, как занялся пожар, все исчезли.

Младший из братьев Темган с той ночи так и исчез бесследно. Мы решили, что орки продали его в рабство. Я долго расспрашивал людей, искал его, но он словно провалился сквозь землю.

А теперь о Суайд... Не обнаружив девушку во время разгрома, убийцы стали искать ее следы. По вечерам подозрительные верховые внимательно заглядывали во двор родственников, куда я ее отвез. Зачастили будто бы в гости, никогда до этого не посещавшие орки и в разговорах как бы невзначай расспрашивали, что случилось с бедной сестрой Темган, выражали лицемерное участие.

Нетрудно было понять, что орки пронюхали о местонахождении Суанд. Семья встревожилась и решила немедленно переправить Суанд в дальний аул к другим родственникам.

Мне нельзя было ехать и все разузнать, потому, что орки знали о моем родстве с Темган и о моей дружбе с Суанд. Я мог бы невольно навести орков на ее след. Впоследствии мне рассказали: так же, как я вывез Суад, они тоже глухой ночью, в сопровождении тетки и молодого двоюродного брата отправили Суанд в дальний аул. Но до того аула не доехали и обратно не вернулись. Арбу нашли где- то на опушке леса, а все трое, так же, как и младший Темган, бесследно исчезли. Так и до сих пор ничего о них неизвестно ни о Суанд, ни о тех, кто сопровождал ее, - закончил Батым свой печальный рассказ.

- Разве -может вот так, бесследно, исчезнуть человек?! - возмущенно воскликнул Ерстэм. - Значит, ты тоже не занимался всерьез этим делом, иначе обязательно набрел бы на след хоть одного из них! Если их продали в рабство на берегу моря или на крымских базарах- не может быть, чтобы кто-нибудь их не видел!

-Не знаю, возможно, я плохо искал... - виновато вымолвил Батым. - В меру моего разумения я сделал "все, что смог...

-Ну, дал бы знать мне! Мы и в Крыму бы побывали, и до Стамбула добрались если существуют они на этой земле, мы бы их нашли!

-Я был так удручен всем случившимся, что даже не догадался обратиться к тебе за помощью. Ошибся виноват! Наверное, если бы ты принял участие в поисках, мы чего-нибудь и добились. Ведь ты знаком с чужими странами да и куда-более опытен...

-Ну, а из тех, кто громил Темган, кого-нибудь обнаружили?

-Тут все ясно! Злоба Альджеруковых всему виной. Они наверняка принимали в этом участие. Но нет ни одного человека, кто мог бы убежденно сказать: вот злодей! Напали на спящую семью, перебили всех, кто попался под руку, дом разграбили и сожгли, а потом, как говорится, в мгновение ока скрылись. И все же одного участника я обнаружил...

-Что тебе удалось узнать от него? - нетерпеливо спросил Ерстэм.

Батым помолчал, опустив глаза, видно, даже воспоминание было ему тяжело. Наконец он грустно проговорил:

-Ничего я от него не узнал... И никогда больше не узнаю...

-Как это?

-А вот так. Однажды вечером отправился я на охоту. Выбрал одну из лесных троп, по которой волки в сумерках выходят из лесу. Взобрался на дерево, устроил удобную засаду и прождал весь вечер. Но ни один волк не показывался. Я решил, что, может быть, рассвет принесет мне удачу, слез с дерева, отошел подальше от места засады, развел костер, разогрел кусок мяса, что лежал в моей сумке, и принялся ужинать. На огонь подошел еще охотник - орковский парень из нашего аула. Не раз случалось встречаться с ним на охоте, это один из самых кичливых и задиристых молодцов. Поели, разговорились, и вдруг взгляд мой упал на рожок с порохом, висевший у него на ремне. Я сразу узнал рожок, и сердце у меня остро кольнуло, озноб побежал по спине. Рожок этот принадлежал младшему из братьев Темган - ошибиться я не мог. Задок на устье рожка отделаны серебром, а по серебру вкраплены разноцветные дорогие камни. Добрый друг из Бжедугии подарил его Темган, и тот очень дорожил подарком. Ни за какие блага на свете не сменял бы он рожок.

"Это откуда?!" - грозно вырвалось у меня. Парень вздрогнул, быстро взглянул на рожок и непроизвольным движением попытался спрятать его за спину. Оторопело глядя на меня, он порывисто вырвал ил: "Это?.. Один близкий друг подарил..." "Кто?" - настойчиво спросил я. - "Не твое дело!" - "Я знаю, чей это рожок, и знаю также, что, пока жив его хозяин, он ни за что не расстался бы с ним!" - "Ты, верно, путаешь что-то..." - попытался возразить парень. Я все понял. "Никто тебе его не дарил! Ты был в той своре орков, что уничтожили семью Темгаи!" - не помня себя, в ярости закричал я и вскочил. "Ты, собачий род! Кто позволил тебе так отзываться об орках!" - он тоже вскочил и, выхватив кинжал, бросился на меня... Ну, как бы там ни было, а мое счастье победило. Оставив труп валяться на земле, я поспешил домой.

-И орки начали тебя преследовать? - встревожился Ерстэм.

-Пока не похоже. Полагаю, что они так и не узнали, кто убил парня. Может, они и подозревают меня, но определенного ничего не знают.

Ерстэм в тревожном раздумье проехал некоторое время молча, а затем стал рассуждать вслух;

-Если подозревают, а к тому же еще и ненавидят, этого для них вполне достаточно, чтобы расправиться с тобой. Уж не рассчитываешь ли ты, что орки будут кропотливо разбираться, виновен ты или нет, и станут действовать по справедливости?

-Нет, не рассчитываю, - спокойно ответил Батым.

-А если так, уж не собираешься ли ты, как два брата Темган, сидеть сложа руки?

-Что делать, пока не нападут, буду выжидать.

-Я скажу тебе, что ты должен делать: перебирайся в Абадзехию, к нам в аул. Иначе твою семью постигнет участь Темган...

-Спасибо! - произнес Батым после долгого раздумья. - Это не выход. Как покинуть родной кран? Да и не смогу я спокойно жить даже в безопасном месте. Пока будет биться мое сердце, я останусь непримиримым врагом Альдж-еруковых. А если стану приезжать сюда, чтобы мстить оркам, а потом снова возвращаться в Абадзехию, то они и там станут преследовать меня. Ваши абадзехи поднимутся на мою защиту, и возникнет столкновение между двумя странами. Может даже до

войны дойти, и тогда бог весть сколько людей погубит эта вражда. Подумай сам, легко ли будет мне сознавать, что из-за меня разгорелась такая беда, что принес я в Абадзехию несчастье... Нет, не хочу такой участи! Если меня вынудят покинуть мою страну, уйду в абреки. Ерстэм не решился сказать, что рассуждения Батыма кажутся ему неверными. Он вдруг вспомнил Одинокого всадника и с удивлением

подумал, что слова Батыма удивительно напоминают поведение таинственного юноши. Но, сам не ведая почему, он не стал заводить разговор об Одиноком всаднике.

В Азыке на базаре Батым купил лишь немного прочных и дешевых тканей. Видно было, что он бережет деньги. Лишь одна шелковая материя очень ему понравилась, тонкая, разукрашенная изощренными узорами - такой нарядной ткани, пожалуй, даже Ерстэм никогда не видел. Была она дорогая, и Батым долго рассматривал ее, отходил и вновь возвращался - не мог оторваться.

-Зачем тебе такой дорогой шелк? - попытался отговорить его Ерстэм. - Для матери он не подойдет, а мне кажется, у тебя нет другой женщины, которую эта ткань могла бы порадовать.

-Как сказать, - произнес Батым, неловко помявшись. - и есть она у меня и нет ее... Одна девушка словно в шутку попросила: "Купи мне ткань на платье, которая уместилась бы в чашечке желудя". А такой, наверное, нет на земле. Это как в сказке - "принеси мне полный сулук комариной крови и полное сито колодезной воды!" Вероятно, она просто говорила про самую красивую ткань на свете. А если это так, то лучше я на всем базаре не вижу.

-Ну уж ладно, купи! - засмеялся Ерстэм. - И подари ее той, которая испытывает твою сообразительность.

Хотя Ерстэм и свел все к шутке, но в душе был удивлен. Трудно поверить, что Батым помышляет о женитьбе - это в его-то положении, когда он вот-вот может быть вынужден покинуть родину. Уж не думает ли он и невесту взять с собою в абреки... Выходит, Ерстэм совсем ничего не знает, что творится в душе Батыма. Он казался ему добродушным и доверчивым простаком у которого что на уме, то и на языке. А вот оказывается, душа у Батыма скрытная и сложная. "Видно, правда, что нег человека без своих надежд и своих тайн..." К вечеру они покинули город Азык. Осталась позади базарная суতোлка, перед ними лежал тихий и спокойный путь. Снова возобновился разговор, который теперь особенно интересовал Ерстэма.

-Вы где переправлялись через Пшиз, у Хараколя? - спросил он у Батыма.

-Да.

-И твои арбы тем же путем вернутся?

-Ребята едут впервые, иного пути не знают.

-Тогда мы их завтра нагоним.

Они помолчали.

-Да, Батым, а ты слышал что-нибудь об Одиноком всаднике, которого якобы видят на Тамбыр-кургане? - словно между прочим спросил Ерстэм. Батым заметно смешался.

-Слышал, но... - протянул он, не находя слов. Мгновенье, и голос его окреп, он продолжал с нарочитой небрежностью: - Да есть ли такой человек, что не слышал о нем? Иных разговоров в Темиргое нет.

Особенно после того, как был убит Альджеруко Кушук.

-А что говорят орки?

-Неистовствуют. Клянутся, что хоть из-под земли достанут Одинокого всадника и уничтожат. Последнее время орки нашего аула целыми группами отправлялись к Тамбыр-кургану и устраивали там засады. Но мне думается, что они никого не нашли. Если бы удалось с ним расправиться, орки бы на весь белый свет шумели. Кушук, зазнавшийся негодяй, по заслугам получил. Давно я мечтал, чтобы его смерть прошла через мои руки, но Одинокий всадник опередил меня. А того молодого орка, которого я убил, мне жаль, хоть и был он среди тех, кто нападал на Темган. Но в пылу гнева мы так яростно бросились друг на друга, что, если бы я его не прикончил, он бы со мной расправился. И все же я жалею его. А вот Кушука отправил бы на тот свет без всякого сожаления.

-Кто он, этот Одинокий всадник, ты не знаешь?

-Нет, не слышал. Да и никто не знает.

-Судя по тому, что враждует он с Альджеруковы должно быть, из вашего края - темирговец.

-Если не из рода джинов, - усмехнулся Батым. - Может, он и не из наших краен. Ведь братья

Альджеруковы, наглые и жестокие, рыскали по всем адьгским краям, как узнать, где и кому нанесли они обиду.

-Удивительно... - задумчиво протянул Ерстэм.

-Ничего удивительного нет: мало ли людей, что не в силах терпеть издевательства орков, уходят в абреки, и месть становится единственным помыслом их жизни. Правда, повадки Одинокого всадника, как рассказывают, какие-то особенные, доселе невиданные, - Батым помолчал и, исподлобья взглянув на Ерстэма, продолжал: - А ты видел его?

-Видел, потому и интересуюсь... - начал Ерстэм и рассказал Батыму о своих встречах с Одиноким всадником. - Его лицо в тот день, когда он подсказал мне в смертельной тревоге, неотступно стоит у меня перед глазами. В то мгновение я понял, как велика его обида, как сильно желание мести. Жалость к нему, забота о его судьбе с тех пор не покидают мое сердце, закончил Ерстэм.

Рассказывая, он заметил, что Батым, слушая его ничему не удивлялся.

-Боюсь, что и меня ждет такая же участь... - грустно произнес Батым после недолгого молчания.

-Почему же?

-Это не сегодня пришло мне в голову. Я уже давно судьбу Одинокого всадника сопоставляю со своим будущим. Одно можно сказать, что он не из того махошевского аула Заяко, что расположен неподалеку от Тамбыр-кургана, иначе его кто-нибудь обязательно бы узнал. Выходит, он выбрал такое место, где его не могут опознать. Но не может же он каждый раз приезжать на протяжении целого года на Тамбыр-курган из далекого своего края. Значит, где-то недалеко у него есть прибежище, а там человеческая душа, которой он все доверяет. Кто знает, может, они всей семьей ушли в абреки? Вот почему я уподобляю судьбе Одинокого всадника и свою судьбу.

-С семьей он ушел или без семьи - какое это имеет отношение к тебе, не понимаю! Но Батым продолжал:

-Боюсь, что не смогу долго вытерпеть изуверства наших орков. Один раз уже сорвался, столкнувшись с молодым орком. Счастье мое, что никто об этом не проведал. Однако орки наверняка подозревают меня, не добро и косо поглядывают, словно предостерегают: прячь свою голову! А как спрячешь? Не оставлять же мне мать и брата на съедение волкам? Много ли, мало ли времени пройдет, но мне, видимо, придется последовать примеру Одинокого всадника...

-Как же ты устроишь семью, а вдруг ее обнаружат? - с сомнением спросил Ерстэм.

-В горах, в лесной чаще да в скальных трюсбах немало мест, куда не ступала нога человека. В одном месте найдут, можно в другое перебраться - такова жизнь абрека.

-И то правда, выбора нет - или доблесть, или -смерть... - согласился Ерстэм и тяжело вздохнул.

Как и предполагал Ерстэм, не доезжая до Хараколя, они догнали спутников Батыма. Когда поравнялись с землями егерухаевцев, арбы свернули к дому, а Батым поехал проводить Ерстэма. Добравшись до Тамбыр-кургана, Батым остановился.

-Ну вот и граница вашего края, теперь и мне пора домой. Счастливого пути! - сказал он. Но Ерстэм не согласился.

-Так нельзя, Батым: и ваш дом, и мой дом отсюда на одинаковом расстоянии, если хотим дружбу вести, должны навещаться друг к другу. Я у тебя был, соль и кашу матери твоей отведал, а ты даже не знаешь, в

какой стороне находится наш аул, соли-каши нашей не пробовал. Я надеялся, что ты сам приедешь ко мне и тем скрепишь нашу дружбу, но надежды мои не оправдались. Теперь я не отпущу тебя хочешь не хочешь, должен пожаловать в гости. Помнишь, как ты захватил меня, когда я проезжал мимо твоего дома, и затащил к себе?

Батым почти неделю гостил у Ерстэма. Ерстэм собрал друзей и в честь Батыма устроил абадзехский пир. Он показал ему свой край, побывали они на горном хребте. Когда Батым собрался обратно в дорогу, Ерстэмом подарил ему коня..

- Может, конь этот достоинствами своими не равен твоему Самуму, но под седло годится, Я его проверял. Когда тебе понадобится отправиться в такие места, где ты не хочешь, чтобы тебя узнали, можешь его оседлать, - сказал Ерстэм

- Спасибо! - ответил Батым. - Это то, что сейчас мне более всего необходимо. Если буду достойным мужчиной, и конь будет хорош...Ерстэм подарил Батыму еще и пистолет.

- В этот раз я не дарю тебе ничего, что умножило бы твое благосостояние. Надеюсь, что мне еще представится случай подарить что-нибудь, что пригодится тебе в семейной жизни. А сейчас я понял из твоих слов, что главное для тебя - копьё и оружие. Верю, что этот пистолет не подведет тебя. Научись стрелять из него так же метко, как из лука. Я подарил бы тебе и ружье, но боюсь, оно привлечет внимание орков.

- О, ты превратил меня в настоящего мужчину! - обрадованно воскликнул Батым. - Ты обязываешь меня носить свои газыри не только как украшение, а наполнить их зарядами! Обещаю тебе, Ерстэм, так овладеть пистолетом, чтобы не опозорить его. Ерстэм поехал провожать гостя.

Перед отъездом и в дороге Батым был задумчив, грустно-рассеян, чувствовалось, что его гнетет какое-то беспокойство. Это не ускользнуло от взгляда Ерстэма. Проехав некоторое время, он спросил:

- Что случилось, Батым, почему ты так мрачен? Не обидел ли я тебя или кто-нибудь из наших? А может, по возвращении домой ожидает тебя какая-нибудь неприятность?

Батым ответил не сразу. Он довольно долго молчал, затем осторожно промолвил:

- Ты прав, тревожно у меня на сердце. Я хочу спросить, Ерстэм: если кто-нибудь доверит тебе свою тайну и возьмет слово никому никогда не проговориться, имеешь ты право поведать эту тайну другому человеку которому доверяешь? Ну, бывают же такие люди, скрывать от которых что-либо ты считаешь изменой в дружбе? Вот если от такого человека ты утаишь чужую тайну, не предашь ли ты тем самым его дружбу? Это сомнение и тревожит меня. Ерстэм удивленно взглянул на Батыма

- Что привело тебя сейчас к подобным раздумьям? - спросил он.

- Не сейчас, давно меня это беспокоит... - отвечал Батым, в сторону отводя взгляд. - Я однажды попал в такое положение и вот не знаю, ошибся или нет...

- Хорошо, скажу, как я смотрю на это, - уверенно проговорил Ерстэм. - Тут и раздумывать нечего!

Чужую тайну никому нельзя доверять. Свою тайну ты можешь открыть близкому другу, но чужую... На это нет у тебя права!

- Я так и думал! Спасибо, Ерстэм, что снял с души тяжелый груз. Разные люди по-разному толкуют, вот мне и хотелось узнать, как ты на это смотришь.

- А как же иначе! - воскликнул Ерстэм. - Если доверенную тайну ты передаешь другому, даже человеку, которому безгранично веришь, а тот, в свою очередь передаст ее третьему, которому он тоже доверяет, - тогда, выходит, нет больше тайны!

- Я все очень хорошо понял, - повеселев, отвечал Батым. - Но если когда-нибудь меня будут обвинять, не забывай, что я у тебя спрашивал и как ты мне ответил...

-Что означают твои слова? - недоуменно спросил Ерстэм, взглянув на Батыма.

-Ты сам сказал, что чужую тайну передавать нельзя, поэтому ни о чем не спрашивай. Может, когда-нибудь ты и узнаешь... - сдержанно ответил Батым.

Поначалу Ерстэм не обратил внимания на эти слова и неожиданную сдержанность Батыма. Он проводил его до границы темиргоевской земли, переправил через реку Белую по броду возле устья яблоневого ущелья и попрощался с ним. И тут, когда он остался один, ему словно в голову ударило. Что должны означать слова Батыма: "Может, когда-нибудь ты и узнаешь?.." Ему припомнилось странное поведение Батыма перед отъездом, парень точно чувствовал себя виноватым, совестился чего-то, часто терял нить разговора, отводил взор...

Что он хотел сказать? Какую "тайну" скрывал? Мало ли на свете, о чем человек не может поведать другому? Что же в этом зазорного? Так почему Батым считает себя виноватым за то, что в чем-то не открылся ему, Ерстэму?..

Так недоумевая и размышляя, Ерстэм ехал некоторое время. И вдруг у него родилась догадка: что, если Батым имел в виду Одинокого всадника? Может, он заметил, что Ерстэм живо заинтересован в судьбе юноши? Неужто Батым осведомлен о его тайне и не решился открыть ее? Должно быть так! Конечно же, Батым осведомлен о жизни и делах Одинокого всадника! А говорит, что никогда не видел его. Тогда откуда же он может так определенно предполагать, что Одинокий всадник имеет пристанище и что, наверное, вместе с ним находится его семья? Батым правильно говорит: юноша должен иметь постоянное пристанище. Ясно и то, что находится оно где-то не очень близко, но и не очень далеко от Тамбыр-кургана. Верно и то, что прибыл он издалека - но откуда, из Темиргоя или из Бжедугии? Иначе кто-нибудь обязательно признал бы его - Тамбыр-курган расположен как раз на стыке земель трех племен... Но вот какова связь Батыма с Одиноким всадником и как она могла возникнуть? Батым, фокотлевский парняга, в чужие края не ездит, живет у себя в ауле - откуда ему знать окутанного тайной, прибывшего издалека юношу? И какие общие дела могут быть у них?..

Ерстэм ехал медленно. И вдруг удивительная, немыслимая догадка осенила его: "Батым и Одинокий всадник связаны одним делом и одной заботой. Суанд!.." И снова Ерстэм стал ворочать запутанный клубок неразгаданных вопросов. Если бы, как говорит Батым, Суанд бесследно исчезла, не стал бы он так беспечно жить, ничего не предпринимая. Еще тогда, на празднике в Темкргое, Ерстэм почувствовал особую, дружескую привязанность Батыма к своей родственнице. Мужественный человек, друг, Батым, не зная покоя, днем и ночью искал бы ее, перевернув весь мир. Наконец, если бы понял, что поиски его безрезультатны, непременно обратился бы за помощью к нему, Ерстэму. "Значит, Батым все знает о судьбе Суанд!" - решил Ерстэм. Но в тот же момент, когда ему показалось, что наконец он распутал клубок, перед ним возник новый вопрос, может быть, самый трудный: какова же роль Одинокого всадника в этом деле?

А что если и Одинокий всадник знает о судьбе Суанд?.. Если сердца их давно поладили и, когда так жестоко обернулась судьба девушки, они каким-то образом нашли друг друга, и теперь Одинокий всадник мстит за семью Суанд?.. Как только не переплетаются человеческие судьбы? А может, Одинокий всадник и Суанд близкие или дальние родственники и его семья тайно приютила девушку? И тогда молодой человек, мужественный, не прощающий обиды, поднялся непримиримым мстителем против Альджеруковых? И это вполне возможно. Во всяком случае, в том, что Одинокий всадник избрал своими кровниками именно Альджеруковых, есть какой-то затаенный смысл.

Но даже если, как говорит Батым, Суанд и вправду бесследно исчезла, и тогда нет ничего удивительного, что Одинокий всадник мстит за девушку - будь она любимой или родственницей - по законам преданности и порядочности это его долг...

Но если Суанд исчезла и ни труп ее, ни следов никто не обнаружил, почему так спокоен Батым? Круг вопросов замкнулся. Ерстэм глубоко вздохнул.

Так кому же известна судьба Суанд Батыму или Одинокому всаднику? А что если обоим? Значит, связаны они этой тайной?

"Во всяком случае, - решил наконец Ерстэм, - я должен не откладывая разыскать Одинокого всадника и выпытать у него все, что он знает о Суанд, и если она и впрямь исчезла, пуститься на ее поиски!"

Даже если ее увезли на край земли, он ни перед чем не остановится, пока не найдет Суанд!

12

С надеждой в сердце, что Одинокий всадник знает хоть что-то о судьбе Суанд, Ерстэм приехал домой. Тревога о ней отодвинула все другие дела и заботы. Мысль о том, что Суанд продана в неволю, нестерпимым огнем жгла его. Медлить более он не мог и на следующее же утро отправился на поиски Одинокого всадника.

После полудня добрался Ерстэм до Тамбыр-кургана. Он решил спешиться на поляне и ждать - не покажется ли Одинокий всадник. Он не стал останавливаться на той стороне поляны, где ее пересекала старая дорога, а выбрал то место, где в памятный день юноша скрылся в лесу.

На поляне он не обнаружил новых следов похоже было, что всадники поджидали здесь, истоптали поляну и больше сюда не возвращались. Видно, орки, охотившиеся за Одиноким всадником, не обнаружив его, оставили Тамбыр-курган. И на старой дороге, пересекавшей поляну, не заметно свежих следов. Может, и Одинокий всадник навсегда покинул эти места?

И все же Ерстэм решил остаток дня и ночь провести здесь. Он выдержал на привязи разгоряченного коня и, когда тот приостыл, расседлал, стреножил и пустил на поляну. В пору, когда заходящее солнце коснулось верхушек деревьев, на поляне показалась медведица с двумя медвежатами. Выйдя из-за кургана, увидев человека и стреноженного коня, она быстро повернула обратно и ушла в лес, подталкивая детенышей.

По тому, что звери чувствовали себя здесь в безопасности и спокойно бродили, Ерстэм понял: не только на поляне, но и в окрестных лесах людей нет. Он отвел коня к лесному ручейку, напоил его и стал устраиваться на ночлег.

В течение ночи на поляке никто не показывался. Лишь однажды Ерстэма потревожили. Он приучил своего коня не отходить далеко от себя. Обычно наевшись вдоволь, конь возвращался к нему и стоял возле. Ерстэм уже было заснул, но беспокойный конский храп разбудил его. Конь стоял неподалеку, с заостренными ушами, настороженно подняв голову. Ерстэм огляделся. Прямо против себя, на другой стороне поляны, он увидел две пары красных угольков. "Волки, - решил Ерстэм, - лисы в эту пору парами не ходят". Он достал пистолет и выстрелил, угольки мгновенно исчезли.

Утром Ерстэм подождал, пока поднимется солнце и сойдет роса, оседлал коня и поехал осматривать окрестности. Вокруг поляны и в лесу ничего нового он не обнаружил. На берегу лесной речушки он снова увидел тот двойной след, что заметил ;в прошлый раз, только он уже был размыт. Почва после дождей влажная, и если бы кто-нибудь здесь проезжал, след отпечатался бы четко. Но следов не видно.

Он перебрался через речушку и углубился в лес,, довольно далеко отъехав от Тамбыр-кургана, Наконец он набрел еще на одну тропу, более проезжую. Здесь уже видны были свежие, последожденные следы.

Ерстэм узнал эту тропу: раньше, еще до того, как он начал ездить на Тамбыр-курган, он проезжал гут к Лабе. Чтобы убедиться в своих предположениях, он поехал по тропе в сторону Абадзехии и вскоре добрался До разветвления дорог, где старая арбяная дорога сворачивала к Тамбыр-кургану. Он обнаружил тут и след своего коня, проложенный им вчера. Вот его след свернул на дорогу. Рядом были и другие свежие следы. Но удивительно, что они не шли дальше развилки. Всадник, оставивший их на тропе, не доезжал до старой арбяной дороги, поворачивал обратно, причем несколько раз. В одном месте, он, видно, въехал в кусты, постоял там - ясно видно место, вытопанное лошадьё. Ерстэм особо отметил один из следов, проложенный не ранее как вчера.

"Что за чудо! Зачем, подъезжая к старой дороге, ведущей к Тамбыр-кургану, всадник возвращался обратно? Что он искал, кого высматривал?" - размышлял Ерстэм.

Он решил проверить, куда ведут следы, оставленные на тропе. Теперь он явственно узнавал места, которые проезжал раньше. Тропа вилась по склону тесного ущелья. Ерстэм припомнил, что она будет идти мимо маленького махашевского аула Заяко. Но до него довольно далеко. Если это следы Одинокого всадника, то зачем ему направляться к аулу? Напротив, он постарался бы подальше объехать его. Не то, если бы он был связан с аулом Заяко, давно бы стало известно, кто он и откуда. Следы увели Ерстэма довольно далеко. Он внимательно следил, не свернут ли они с тропы, но ничего не замечал. Тропа поднялась на высокий горный отрог. И это место Ерстэм узнал: наверху должна быть поляна. Хорошее место для осмотра окрестностей. Помнится, оттуда смутно виден и маленький аул Заяко.

Ерстэм не ошибся: выехав наверх, он увидел Заяков туманной синеве, словно пчелиные ульи, рассыпанным на пологом склоне дальнем горы. Ерстэм довольно долго стоял на возвышенности, потом снова, придерживаясь следов, спустился по тропе дальше вниз. Недалеко от Заяко тропа влилась в проезжую арбяную дорогу. Конские следы, за которыми следовал Ерстэм, потерялись - здесь проезжали и арбы, и верховые, проходили пешеходы - бойкая была дорога. Она соединяла племя махош с Темиргоем. А если из Абадзехии проехать через Тамбыр-курган, тоже обязательно пересечешь ее. И тропа, по которой сейчас ехал Ерстэм, выходила на дорогу и, оставляя в стороне аул Заяко, спускалась к долине реки Лабы.

Ясно, что следы, которые высматривал Ерстэм, свернули на дорогу. Но в каком направлении? Если след принадлежит Одинокому всаднику, то он наверняка не поедет в сторону Темиргоя - темиргоевские орки его непримиримые враги. Не направится он и в аул Заяко. Стало быть, если даже он и свернул в сторону Заяко, то непременно где-то съехал с дороги.

Ерстэм двигался к Заяко. Вскоре дорога привела его к спокойной, красивой речушке. Она текла по широкой долине, берега были усеяны мелкой галькой. Вокруг множество колесных и конских следов. "Разве человек, который скрывается, изберет этот проезжий путь?" - усомнился Ерстэм.

Он перебрался через речку и, следуя по дороге, через некоторое время подъехал еще к одной речке, тоже небольшой, но бурной. По всей видимости, во время половодий она изрядно бушевала - русло было заполнено большими, обкатанными каменными глыбами, а ее рокот оглашал окрестности. Вытекала речка из узкого ущелья, образованного двумя голыми отвесными скалами. Берега, пробитые в скальном камне, так круты, что двигаться по этому ущелью было совершенно немыслимо.

"Скрывающийся человек вероятнее всего изберет это дикое ущелье, - подумал Ерстэм. - Может быть, здесь есть какой-нибудь проход?" Он тщательно осмотрел местность. Оба склона ущелья и берега реки были крутыми и отвесными, никакого прохода в скалах он не увидел. Арбяная дорога, перебравшись через реку, сворачивала налево и вдоль противоположного крутого берега направлялась к Заяко. Эти места были Ерстэму незнакомы. Он сюда никогда не сворачивал. Не довелось ему побывать и в маленьком махашевском ауле Заяко.

"Да, здесь, что говорится, не проедешь, не пройдешь... - с грустью, криво усмехнулся Ерстэм. - Ничего не скажешь, Одинокий всадник умеет замести следы, хитрее лисы..."

Ерстэм решил больше ничего не искать. Посидит на поляне до вечера, посмотрит вокруг. Спешить сегодня некуда. Может, юноша появится неожиданно, как всегда. Он вернулся на знакомую тропу и поднялся на высокий горный отрог. Небольшая поляна с трех сторон окружена стеной густого леса. А с одной, открытой, стороны, по кромке почти отвесного склона, сбегającego на дно глубокого ущелья, одиноко стоял могучий дуб.

Ерстэм стреножил коня, ослабил подпруги, пустил пастись. А сам присел под дубом. Отсюда хорошо было видно далеко по ущелью. Со стороны Абадзехии вдоль горного склона открывались взору отрезки извилистой тропы, напротив в голубоватом тумане маячил аул Заяко.

Только сейчас Ерстэм вспомнил о еде, достал немного вяленого мяса и пшеничную лепешку, закусил все это халвой из грушевой муки. Захотелось пить. Он взял судук - кожаное ведро - и, спустившись к источнику, принес воды.

Наконец уже без всякого дела уселся под деревом. На душе было беспокойно. Досадливое чувство неудачи не покидало его. Одиноким всадник нужен ему именно теперь! На него вся надежда. Может, он знает о судьбе Суанд?

Занятый своими невеселыми думами, Ерстэм поглядывал вниз на тропу. Ему показалось, будто в прогалинах между деревьями мелькнул силуэт всадника. Прошло некоторое время, и он снова, теперь уже ясно, увидел его. Всадник надолго скрылся за деревьями. И вдруг появился на поляне, где сидел Ерстэм.

По одежде всадник похож был на фокотля. На голове у него низкая серая шапочка, обшитая узкой меховой каймой. Темно-серая черкеска домотканого сукна, газыри, колчан, ножны кинжала и шашки, из телячьей кожи, темные. На уздечке и сбруе ни одной серебряной бляхи, все из черной кости. Па черные ноговицы надеты простые постолы. Слоном, всадник суровым фокотлевским мужем-воином.

Ерстэм, заинтересованный, неотрывно глядел на него. А тот, с беспечным видом, совершенно спокойно подъезжал к нему, нимало не заботясь о том, чтобы издали распознать, что это за человек, которого он так неожиданно встретил в здешней глухомани. Ерстэм со смешанным чувством тревоги и любопытства продолжал наблюдать за ним, и лишь когда тот подъехал поближе, внезапно узнал его и непроизвольно вскочил. Это был Одиноким всадник. Юноша спрыгнул с коня и, ведя его па поводу, подошел к Ерстэму. От неожиданности тот смешался и не находил слов, словно не верил своим глазам. "Копь его выучен хорошо, - пронеслось в голове Ерстэма, - покорно идет следом, не натягивает поводья. Но почему юноша так безразличен к нашей неожиданной встрече? Рад он ей или нет? И почему он отводит взгляд?" Это его свойство Ерстэм заметил еще впервые встретившись с ним. "От юной ли застенчивости или от скрытого коварства?"

-Добрый день, Ерстэм! - юноша скользнул по нему взглядом и, опустив глаза, остановился, учтиво вытянувшись.

-Спасибо за приветствие! - Ерстэм протянул руку и с укором воскликнул: - Куда же ты исчез? Вот уже сколько времени я разыскиваю тебя!

-Я не исчезал, я стою перед тобой, как видишь...- уклончиво ответил юноша, словно не принимая упрек Ерстэма.

-Как не исчезал! В тот день, надеясь, что ты снова подъедешь ко мне, я долго ждал тебя. Но напрасно! Когда ты так и не вернулся, я решил, что с тобою случилось что-то неладное, и очень встревожился. Обыскал весь лес, но даже следа твоего не нашел. Юноша опустил голову и тихо, виновато произнес:

-Не осуждай меня. Я подумал, что если вернусь и снова столкнусь с орками, тебе придется вмешаться и я могу доставить тебе много неприятностей. Поэтому я решил не возвращаться.

- Бросил меня, а сам скрылся в лесу, разве это по-мужски? - пошутил Ерстэм.

-Ты прав, нехорошо получилось, но не осуждай меня. Я понимал, что тебе не грозит опасность. Занятые трупом своего господина, орки не заметят тебя и уберутся восвояси. Иначе, заподозри я для тебя опасность, конечно бы, вернулся.

-Я тучу, тебе никак нельзя было возвращаться! Я надеялся лишь на то, что ты к вечеру подъедешь ко мне и поделаешь о своих делах. Но, как бы то ни было, я рад, что твое счастье победило. В тот день ты вел себя мужественно.

-Мужественно или нет, не знаю... - застенчиво произнес юноша. - Во всяком случае, я был вынужден так поступить.

-Но теперь-то уж не поступай так! - усмехнулся Ерстэм. - Я рад, что в тот день твой опрометчивый поступок еошел благополучно. А если бы спутники Альджеруко Кушука, не пытаясь захватить тебя живым, достали пистолеты и выстрелили? Тогда, верно, нам не довелось бы увидеться...

-Знаю, знаю. Но я рассчитал, что орки захотят поймать меня для продажи. Мое яркое одеяние, мои появления на Тамбыр-кургане и то, как я притворялся наивным малым, которым ничего не стоит овладеть, - все это делалось в расчете соблазнить орков. Нет, не орков я хотел соблазнить, а приманить Альджеруковых. Встретиться с Альджеруковыми на кургане мне казалось лучше, чем ехать в Темиргой, ввязываться там в бои с орками и зазря погибнуть, не достигнув цели.

-Все верно. Я это тоже понял в тот день. Но один раз такое удалось, а теперь они уже разгадали твою уловку.- Ерстэм, вдруг опомнившись, воскликнул: - Почему мы стоим? Садись, я тоже сяду, трава чистая... - Ерстэм уселся на свое место и продолжал: - Привяжи коня в тени и садись рядом!

-Ничего, я постою, - ответил юноша, исполнял долг младшего.

-Зачем тебе стоять, это ж не кунацкая, где нужно придерживаться строгостей адата, садись! - приказал Ерстэм.

Юноша не стал возражать старшему. Он привязал коня к дереву возле кромки леса, снял шашку и колчан, положив их рядом с собой, и присел на траву неподалеку от Ерстэма. Ерстэм обратил внимание, что садится он, неумело скрестив ноги, будто ему это было непривычно и трудно. "Неужто он в детстве не сидел на земле, не играл. ни нелепой траве со сверстниками и не ездил с товарищами в ночное? Или мать под него всегда на скамейку кошму подстилала?"

-Так вот, я продолжаю свое слово, - заговорил. Ерстэм. - Не сомневайся, теперь, после того, как ты убил Альджеруку Кушуку, его старший брат и орки будут преследовать тебя со всем коварством, на которое они только способны. Чтобы отомстить и убить тебя, они ни перед чем не остановятся. Я хотел предупредить тебя и за этим искал. Ты должен оставить курган. Прав да, я вижу, ты и сам не глуп, сменил яркую одежду. Ты должен покинуть места возле Тамбыр-кургана.

-Я уже не взбираюсь на Тамбыр-курган, более того, даже на поляне не показываюсь, - проговори; юноша, печально опустив глаза. - Но у меня есть цель куда важнее, чем сохранение собственной жизни. Ради этой цели я и рыскаю здесь одиноким всадником. Мне надо встретиться, и встретиться в укромном месте, со старшим братом Кушуку. А для этого нужно, чтобы он пустился в погоню за мной.

-Знаешь, они ведь тоже не дураки! - возразил Ерстэм. - Старший брат Кушуку не встанет перед то бою, как тот, младший, на расстояние выстрела. Они уже поняли, что тебя не так-то легко взять и что стрела твоя меткая и стремительная. Будут устраивать засады, окружать. Надо придумать что-то новое, более разумное, иначе погибнешь.

-Не знаю, что и придумать... - с безнадежной печалью в голосе глухо произнес юноша. - Единственное дело, что осталось мне совершить на этом свете - это уничтожить братьев Альджеруковых. После этого пусть будет что угодно.

Ерстэм разглядывал юношу с болью и жалостью. Но тут же обида закралась в душу: почему он не хочет, чтобы Ерстэм участвовал в деле, не доверяет тайны...

-Я Тебя ни о чем не спрашиваю, ведь недаром говорят адыги: не старайся узнать тайну, которую хотят от тебя скрыть. Но если тебе нужна помощь и спутник, скажи, и я а у тебе и спутником и помощником, - скачал Ерстэм, не скрывая своей обиды.

Юноша еще ниже опустил голову, и, взяв в руки прутик. стал что-то чертить на земле. Ерстэму показалось, что у него на глазах навернулись слезы. "Бедняжка, - подумал пи. - Какой доблести можно ждать от человека, с такой мягкой и нежной душой! Что за удивительное существо!"

-Не осуждай меня, - срывающимся голосом, чуть слышно взмолился юноша. - Я знаю, что ты можешь быть достойным спутником и помощником всякого, кто находится в беде, я много слышал о тебе. Но я не хочу впутывать тебя ни в мою тайну, ни в мою беду. Не по тому, что не доверяю. Я давно мечтаю стать твоим спутником в походах. Просто не хочу восстановить против тебя темиргоевских орков, ведь они непременно узнают о твоём участии в моем деле.

-Ты правильно говоришь. Тайна, которую знают три человека, уже не тайна. А когда тайна бывает разглашена, все, кто знал ее, оказываются под подозрением. Потому я не обижаюсь на тебя. Меня сейчас беспокоит одно: я хочу, чтобы ты покинул эти места. Самая малая оплошность, ошибка могут погубить тебя. Так вот, если ты и вправду не пренебрегаешь мною, поедem в Крым. Я покажу тебе новые дороги, открою крымскую страну. Враги посчитают, что ты навсегда уехал отсюда, и оставят тебя в покое. А уж потом можно будет подумать, каким образом лучше осуществить твою месть.

-Правда?! Ты возьмешь меня с собой?! - с чисто ребяческой радостью воскликнул юноша и поднял на Ерстема благодарный взгляд.

-Едем хоть сейчас, если ты готов!

Лицо юноши снова омрачилось, он сидел потупившись. Затем, словно не веря в то, что и в самом деле его желание может осуществиться, он неуверенно протянул:

-Это было бы замечательно, но...

-Причем тут твое "но"?.. Не такое уж это большое дело - поездка в Крым! Едем!

-Но я не совсем готов. Чтобы подготовиться, я должен вернуться к себе. Нельзя, чтобы ты ждал меня столько времени!

-Почему нельзя? Подожду, Ничего со мной не станет! Скорее поезжай, соберись и возвращайся. Каков твой конь? Годен ли он к дальнейшей и трудной дороге?

- Нет, конь, на котором я сейчас приехал, для дальней дороги не годится. Единственное его достоинство - он хорошо взбирается на крутые горы. Но у меня есть другой...

-Тогда езжай и смени коня. Когда ты сможешь вернуться?

-Пожалуй, к полуночи...

Юноша взобрался на коня, и Ерстэм снова с удивлением заметил, что когда он заносил правую ногу через седло, то зацепился за привязанную на тороках бурку и с усилием переволок ногу на другой бок.

"Сесть на коня толком не умеет! - подумал Ерстэм, глядя ему вслед. - Вот и разберись тут. Как соединить воедино мужество, которое он проявил в тот день, с его неловкостью и мягкосердечием?.."

13

Ожидая возвращения юноши, Ерстэм стал готовиться к ночевке. Собрал сушняк, отнес его в сторонку от тропы, к лесу. Расседлал коня. Бурку, переметную суму и седло сложил у корней большого дерева, недалеко от груды дров. Он повел коня к ручью, напоил и набрал полный сулук воды. Быстро сгущались сумерки, опустилась ночь, выпала обильная горная роса. Стало прохладно. Ерстэм развел костер. Он достал седло и осмотрел сбрую - нагрудник, подхвостник, подпруги. Это давно вошло у него в привычку: в дороге, на привале, тщательно проверять оружие и доспехи. Обнаружив на местах скрещений ремней нагрудника и подхвостника потертую или ослабевшую драгву, он все аккуратно починил.

Но чем бы он ни занимался, мысль его кружила вокруг юноши. Ерстэм заметил, что уехал он не к аулу Заяко, а в противоположную, абадзехскую сторону.

"Удивительно, - думал Ерстэм, - ведет себя умно, как настоящий мужчина, а в повадках его никакой мужественности. Бедняжка, совсем юный, неподготовленный, столкнулся он с тяжелой и опасной мужской долей..."

Блуждая в своих раздумьях, Ерстэм внезапно натолкнулся мыслью на еще одно странное явление: а ведь юноша нисколько не удивился, что Ерстэм знал Альджеруковых!.. Он даже не поинтересовался, где он, Ерстэм, с ними познакомился! Юноша разговаривал так, будто давно знает об этом. Кто мог ему сказать?..

Пораженный своей догадкой, Ерстэм застыл на месте, держа навесу дратву, которую протягивал между пальцами. Глаза его рассеянно устремились вдаль.

Конь, насытившись, вернулся к нему и встал подле, сверкая глазами, отражающими пламя костра. Казалось, даже конь был удивлен возникшим у Ерстэма вопросом и напряженно перебирал острыми ушами

С тропы донесся конский топот. Вырвавшись из круговерти раздумий, Ерстэм прислушался. Наверное, юноша возвращается, решил он. А если и не он, какой-нибудь путник, не враг - едет неторопливым, размеренным спокойным шагом. Ерстэм взглянул на небо: "Семь звездных братьев"* стояли довольно высоко на небосклоне, значит еще не очень поздно. Если это его спутник, как быстро он вернулся!

Юноша подъехал, привязал коня к кусту под деревом, а сам подошел к костру: Ерстэм быстро уложил в кожаную сумочку шорные инструменты и поднялся ему навстречу.

-Ерстэм, - произнес юноша, - разве можно так беспечно сидеть в глуши у костра, не ведая, кто подъезжает к тебе!

-Правильно подметил. Но если бы я не знал, кто подъезжает, я бы, разумеется, вел себя иначе.

-А как ты мог узнать, ведь в ночи невозможно разглядеть всадника? - спросил юноша с откровенным изумлением.

-Э, приятель, нельзя выезжать в поход одному, пока не научишься даже во сне чутко улавливать все, что творится окрест. В наше время столько налетчиков и грабителей рыскает по земле, что зазеваешься и проснешься связанным невольником.

-Но как же это можно почувствовать? Научи. - Одним глазом спи, а другим сторожи. И слушай

* *"Семь звездных братьев" - "Большая медведица"*.

малейший звук. Существует немало пример которые дают знать об опасности. Надо уметь разбираться в звуке конских копыт: шаг коня человека безвредного и врага, который подкрадывается к тебе, - различны. А если твой конь умен, то его взгляд, движения ушей тоже могут от многого предостеречь. Пока всего не познаешь, нельзя пускаться в путешествие.

Говоря это, Ерстэм направился к коню юноши и начал осматривать его.

-А ну-ка, каков? Довольно приглядный вороной конь, но достоинства его пока мне неясны. Завтра днем посмотрю. Не застоялся ли он?

-Нет! - торопливо ответил юноша. - Я мало что понимаю в лошадях, но немного смыслю в том, как нужно тренировать коня для дальних поездок. Двух своих верховых коней я по очереди выезжаю.

Готовясь в дорогу, юноша мало что заменил в своих доспехах, только коня другого взял. Появилась и переметная сума. "Стало быть, - решил Ерстэм, - у этого малого есть близкие люди - возвращался, верно, лишь для того, чтобы предупредить их о долгом своем отсутствии".

И еще подметил Ерстэм: конь мокрый почти до седла. Выходит, юноша переправлялся через речку. И, должно быть, совсем недавно - шерсть не успела высохнуть.

"Какую речку он переехал? В первой, спокойной, таких глубоких мест нет. А через другую, дикую и глубокую, перебираться ему незачем, потому что на том берегу неприступная отвесная скала. Впрочем,

какое мне до всего этого дело?" - упрекнул себя Ерстэм и не стал ни о чем расспрашивать юношу. Ерстэм расстелил у костра свою бурку.

-Садись. Ночь мы проведем здесь. Для того, что бы ты лучше освоил и дорогу и переправы через реки, ездить будем только днем. Ослабь коню подпруги, а •когда обсохнет, снимешь седло.

На этот раз, усаживаясь, юноша не стал садиться по-мужски, а просто, по- мальчишески вытянул ноги и полулег на бок, опираясь на правый локоть.

"Вот это верно! - усмехнулся украдкой Ерстэм. - Мачьчишеская посадка куда больше тебе подходит..."

- Бурдюки захватил? - спросил Ерстэм.

- А что я буду с ними делать?

-Через Пшиз переправлялся?

- До Пшиза не добирался.

-А через Лабу?

-Лабы достигал, но переправляться не довелось.

-А как твой конь на воде?

-Главное достоинство моего вороного как раз в умении хорошо плавать. Он из тех коней, которых зовут "водяной змей", когда плывет, даже спину не замочит.

-Это хорошо, - одобрил Ерстэм. - Но, если придется переправляться через такую реку, как Пшиз, он может и не осилить ее. Редкий конь с всадником на спине может одолеть столь большую воду. Вот тут-то и требуются бурдюки. Если два надутых бурдюка привязать по бокам, коню станет куда легче. Труднее всего осилить реку Тен, медленную, почти стоячую. Но ничего, у кого нет бурдюков, тот подвязывает к бокам коня два снопа сухого камыша. Из всех рек самая коварная - Лаба: тут и бурдюки не помогут, единственное спасение, научиться распознавать по характеру течения места, пригодные для переезда, иначе занесет в крутящийся омут и свалит с коня. Там, где мы будем переправляться через Пшиз, глубокое место не так уж широко, конь справится. Но если ты не умеешь переправляться стоя в седле, то, конечно, изрядно вымокнешь.

-Это не беда, - успокоен.но произнес юноша. - Если понадобится, я смогу и стоя переправиться. Они помолчали. Вдруг Ерстэм, будто припомнив что- то, спросил:

-Одно меня удивляет, почему ты не спросил, от куда я знаю Альджеруковых?

Ерстэму показалось, что юноша покраснел. Он долго сидел молча, устремив глаза в землю.

-Я слышал, что ты много стран объездил и часто бывал в Темиргое, вот я и решил, что ты должен знать Альджеруковых. Тот, кто бывал в Темиргое, обязательно слышал о них, они там хорошо известны. Но мне интересно будет, если ты расскажешь, как познакомился с ними.

-А девушку Темган по имени Суанд ты знавал или, может, слышал о ней?

-Откуда мне знать... В ауле Альджерукай я бывал не часто. Лишь один раз - чтобы узнать в лицо братьев Альджеруковых. Тайно я там был. - А про то, что Альджеруковы сотворили с семьей Суанд., ты слышал?

-Кое- что слышал, но разобраться в том, кого эти Альджеруковы ограбили, на кого напали, невозможно.

-Семью Суанд не просто ограбили. Дом сожгли дома, а отца, мать и двух старших братьев убили. И сама Суанд исчезла неведомо куда, увезли девушку или убили - никто не знает. Ну, да это давняя история, более двух лет прошло с тех пор. Юноша низко наклонил голову. Ерстэм давно за ним заметил эту манеру: когда

затрудняется ответить, наклонит голову и молчит. Вот и сейчас помолчал с минуту, а потом произнес с тихим упреком:

-Зачем вспоминать столь давние события?

-А затем, что для меня это событие новое и печальное. Только две недели прошло, как я обо всем услышал. По дороге в город Азык встретил знакомого парня из Темиргоя, и тот рассказал мне хабар. - И Ерстэм поведал юноше все: как увидел Суанд, как она смутила Альджеруко Кушука на джегу. Не спеша, подробно поведал. И в конце добавил:

-И вот теперь, едва я услышал печальную весть о несчастье, случившемся с этой удивительной девушкой, я тотчас тронулся в путь, чтобы отыскать ее следы. Для начала решил в Крыму побывать.

-Какой толк искать давно исчезнувшую девушку, - печально произнес юноша, все еще не поднимая головы.

-Как можно! - возмутился Ерстэм. - Если мне посчастливится, я хоть что-то узнаю о ее судьбе. Нуждается в помощи - помогу, а если жизнь ее устроилась и она примирилась со своим положением, то и я успокоюсь. А вдруг она хочет вернуться на родину? Жизнь положу, но ее вызволю.

А мне кажется, что искать ее бесполезно. Женщина, попавшая в рабство, это совсем другое дело, чем мужчина. Лучше не видеть тебе страшного ее несчастья. Если она и вправду такая, как ты говоришь, не смирится она с рабством, и, кто знает, может ее изувечили побоями и притеснениями.

-Такую девушку! - воскликнул в сердцах Ерстэм. - Да что бы с ней ни случилось, как бы ее ни изувечили, - для меня было бы великим счастьем найти ее. Только бы глаза ее глядели, только бы душа в теле теплилась!

Юноша ничего не ответил, не поднимая глаз, встал, пошел к своему коню и стал тщательно проверять, обсохла ли спина под седлом. Ерстэм, склонив голову, чутко прислушивался к чему-то.

-Сюда едут верховые... - произнес он приглушенным голосом. Юноша, обеспокоенный, обернулся. Ерстэм помолчал, снова прислушиваясь.

-Это не просто путники: они выслеживают нас или подозревают в чем-то. Возьми-ка оружие! - велел он, быстро поднялся и приладил свою шашку.

Трое верховых гуськом поднялись по тропе с абадзехской стороны. Они придержали коней и некоторое время подозрительно разглядывали путников, стоявших возле костра. Один из них подъехал к ним вплотную и спросил:

-Давно вы здесь сидите?

Видя, что верховые по обычаю вежливости не спешились, и по некоторым другим приметам Ерстэм понял, что едут они по какому-то тревожному и срочному делу.

-С полудня, - коротко ответил Ерстэм.

-В пору, когда люди ложатся спать, не проскакали ли здесь два всадника?

Ерстэм, немного подумав, ответил:

-Здесь они не появлялись и сколько их было, я не знаю, но как раз в эту пору я слышал конский топот, он раздался со стороны Заяко и исчез в направлении Темиргои. Немного погодя я снова услышал топот, только на этот раз, коней, судя по всему, было множество, они проскакали в ту же сторону. Я еще подумал, что это веселая компания отправляется за невестой. А разве случилось что-нибудь тревожное?

-Сегодня вечером, в пору, когда аул ложился спать, двое верховых ворвались в дом на самой окраине аула и увезли девушку. Поднялся переполох, и все, кто имел лошадей и седла, пустились за ними в погоню. Но

словно разверзлась земля и они провалились. Или мы не догнали их, или они затаились где-то в лесу. По всем дорогам пустились верховые аульчане. Но, видно, никого не нашли условных выстрелов не слышно. Такой уговор был между нами - кто обнаружит похитителей, тот выстрелит.

-Как же это так легко удалось увести девушку двум верховым? Или в этой семье нет мужчин?- воскликнул Ерстэм.

-Отца и сына не было дома. В том-то и беда: большинство мужчин находится на пастбищах!

-Выходит, похитители знали, что мужчин нет дома... - произнес Ерстэм, что-то соображая. - Может, они из вашего же аула?.. Есть у вас люди, способные на такое?

-Не без этого! В нашем ауле нашлись бы люди, не погнушавшиеся таким делом. Мы уже об этом подумали. Но все они оказались дома и вместе с нами отправились в погоню.

-А неизвестные гости не заезжали вчера в аул?

- О гостях ничего не слышно было, но... - мужчина, словно пораженный чем-то, постоял онемелый и добавил: - И правда, два незнакомых всадника сегодня останавливались на привал в нашем лесу - я сам видел их. Искал потерявшуюся в лесу скотину и встретился с ними. Один плотный, сильный, о таких говорят вояка- мужлан. А спутник его такой, как этот, - он указал на юношу, - совсем молодой, разодет ярко, нарядно. Я его даже за княжича принял и с любопытством разглядывал.

"Емтыль Хату!.." - сразу возникло у Ерстэма подозрение. В этот момент верховой, стоявший поодаль вдруг воскликнул:

-Что такое! Что за огонь?!

Ерстэм и верховой быстро подались вперед за край леса и взглянули туда, куда указывал всадник. Издали пламя разрозненных пожарниц сливалось воедино, и казалось, что аул Заяко весь охвачен огнем.

- Возможно, что те два незнакомых всадника, которых ты видел, и принесли вам беду. Похитив девушку, они тем самым выманили всех мужчин из аула и облегчил грабителям нападение! Это их обычный прием! - скороговоркой сказал Ерстэм. - Скорее! -уже повелительно крикнул он. - Верните своих людей! У вас уговор - выстрел, стреляйте на скаку и скачите в аул. Мы едем вслед за вами. Ваших людей, которые будут возвращаться, задержите, пусть не бросаются в погоню по одиночке.

Но трое верховых уже не слушали Ерстэма, с места в карьер помчались они к своему аулу, и чуть погодя послышались одни за другим три выстрела.

14

-Скорее, собирайся! - крикнул Ерстэм юноше и сам поспешно схватил седло. Перед тем, как тронуться в путь, Ерстэм вылил воду из сулука и потушил костер. Такое у него было правило - не оставлять огня. Отъехав немного, он пояснил своему спутнику:

-Хотя дело тревожное и мешкать нельзя, мы должны некоторое время проехать крупным шагом: мой конь набил желудок зеленой правой, боюсь, быстрый бег повредит ему, и тогда я не смогу принести пользы в этом деле. Но пока всадники соберутся, мы тоже подоспеем.

Добравшись до арбяной дороги, ведущей в Заяко, они поехали рядом. И тут Ерстэм обратился к своему спутнику:

"- Не обижайся, но в наших отношениях отныне должен быть определенный порядок, - твердо оказал он, - я старший, ты младший, ты должен исполнять мои указания. Не кидайся очертя голову вперед, а по возможности держись возле меня. Нет в этом поруки твоей чести, просто опыта у меня больше. Если

окажешься в опасном положении, не стесняйся позвать на помощь. Так ведут себя спутники. Теперь скажи, ты знаешь дорогу в Заяко?

-Знаю, покорно ответил парень, - перейдем две небольшие речки и свернем налево. Пока не миновали речки, которые сегодня уже видел Ерстэм, ехали крупным шагом, потом пустились рысью. Верховые, возвращавшиеся в аул, вскачь пронеслись мимо них. Тревога заставила людей позабыть обо всем на свете, и они не проявляли никакого интереса к Ерстэму и его спутнику. Когда они уже приближались к Заяко, их нагнала большая группа верховых. Один из них вдруг натянул поводья и круто остановился.

-Ерстэм, ты ли?! - неуверенно воскликнул он, сиюсь разглядеть в темноте незнакомого всадника.

-Ты не ошибся, Алкас, это я!

-С), добро пожаловать!

-На этот раз кажется, прибытие мое не доброе, Алкас! Прибавим ходу! Боюсь, что враг принес Ов вант дома.

-Я тоже страшусь этого. Но ты, Ерстэм, всегда появляешься с добром. Да будет и сейчас твое участие в нашем деле добрым знаменем. Пусть все счастливо кончится!

Множество пожарищ пылало по всему аулу. Ерстэм насчитал их около десятка. Некоторые уже догорали. Над аулом стояли плач и причитания, неясный говор и крики. Метались черные силуэты всадников.

Не останавливаясь, они скакали вдоль аула. На самой окраине горело подворье. Возле этого двора стояла большая толпа, освещенная пляшущими огненными бликами. Подъехав туда, Ерстэм и все верховые спешили.

-Ой, разорены мы, ой, пришла погибель наша!- причитала какая-то старуха.

Алкас торопливо протиснулся сквозь толпу, подошел к старухе и спросил:

-Толком расскажи, мамаша, что случилось?

-Или не видишь? - снова запричитала старуха.- Разграбили, увезли в рабство, сожгли, вот что случилось!

-Кого увезли, кто увез? - прикрикнул на старуху Алкас. - Да расскажите вы наконец толком, что произошло! - обернулся он к толпе.

А старуха не переставала голосить:

-Ни дом, ни скот не жалко, но где я найду мою красавицу Кулю! Если не станет в ауле наших девушек, кто будет радовать нас?! Ой, горе, увезли мою Кулю!..

Так ничего путного и не добились от старухи. Из толпы вышел старик и обстоятельно поведал о случившемся.

Спустя некоторое время после того, как верховые ускакали в погоню за похитителями, вражеское войско напало на аул. Мужчин, которые бы встретили врага с оружием в руках, не было. По всему аулу поднялись истошные крики, началась суета. Враги ловили деву-шок, сажали их на холки коней и поспешно увозили. Сколько увезли, старик не знал, верно, остались лишь те, что успели спрятаться в зарослях кукурузы и конопля.

Когда увезли девушек, стали угонять коней. А после того как вражеский отряд почти весь убрался, аул подожгли.Появились и другие свидетели. Но тот, кого Ерстэм назвал Алкасом, уже не слушал их, и так все было ясно.

-В какую сторону ускакали враги? - спросил Алкас. Видно, он пользовался в ауле большим авторитетом.

-Все в сторону Лабы спустились, - отвечал старик.

-Кто-нибудь поскакал в погоню?

-Несколько верховых, которым невтерпех стало ждать вашего возвращения, поскакали вслед за ними.

Это и беспокоит нас: малой кучкой как справиться с целым отрядом?

-Кто-нибудь заметил, из какого народа были нападающие?

-Ногайцы, - отвечал все тот же старик. - Но на наших соседей ногайцев не похожи, это настоящие ногайцы.

Тем временем продолжали подъезжать возвращавшиеся из погони - их уже собралось довольно много. Передние, спешившись, стояли с поводьями в руках, задние не покидали седел.

Алкас оглядел верховых и спросил:

-Все вернулись?

-Почти все, - ответил кто-то.

-Где же они?

-По пожарищам разъехались.

-Скорее собирайте их! Дайте три выстрела.

Ерстэм подошел к Алкасу, взял за локоть и отвел в сторону.

-Что ты думаешь предпринять? - спросил он.

-Пусть в погоню, попытаемся уничтожить врага, а не сможем, сами ляжем. Теперь все от нашего мужества зависит!

-Погоди, - проговорил Ерстэм. - Выслушай мой план, и дань обсудим его.

-Говори, Ерстэм. Мне бы раньше догадаться спросить твое мнение. В таких делах ты чаще бывал...

-Тогда слушай. Наши ногайцы, а также те ногайцы, что живут между Пшизом и Теном, не станут падать на адыгейские аулы. На это могут решиться только ногайцы, проживающие за Теном, так называемой орды Джамбулак. Или калмыки. Поэтому они будут отступать в сторону Тена или в Калмыкию. И на бег совершили они ради того, чтобы захватить девушек, а не ранее угнанных коней. Ты ведь слышал: прежде всего увезли девушек. Так вот те, кто похитил их, будут стараться убраться .поскорее, а остальные воины лишь станут делать вид, что угоняют коней, и тем самым попытаются задержать нас. И еще я полагаю, что они не направятся к переправе у Хараколя, потому что там вода большая, глубокие места широки, и с девушками на конях им не переправиться. Переправляться же на связанных лодках займет слишком много времени. Значит, единственно удобное направление для них - через Уруп и Пшиз. Судя по рассказам ваших аульчан, враг сейчас едва добрался до реки Лабы - с пленницами на холках далеко не ускачешь. В первую очередь надо освобождать не коней, а "пленных" девушек. Поэтому я предлагаю так поступить: отбери двадцать верховых и отдай их в мое распоряжение. Мы по стараемся опередить отступающего врага и устроить за садом на берегу большой балки Шальбук. А ты догоняй остальных грабителей и завяжи с ними бой. Главное вырвать пленных девушек, а тогда посмотрим, как дальше развернутся события. Уловки этих ногайцев я хорошо знаю, они обычно оставляют позади войска не скольких человек, которые дают знать о приближении погони. Важно не позволить охранениям оповестить своих а уничтожить их так, чтобы наше нападение было неожиданным.

Алкас принял план действий Ерстэма. Не ожидая, пока тронется группа Алкаса, Ерстэм со своим небольшим отрядом поспешно пустился в путь. Местность была гористая, дорога пролегла по ущельям и крутым склонам. Пробирались узкими тропами, которые укорачивали путь. Ночь была темная, в ущелья даже не проникал свет звезд, а в лесной чаще и вовсе зги не видать. Как ни привычны были и Ерстэм и его

спутники к подобным дорогам, но все же не могли продвигаться с нужной скоростью. Приходилось чередовать рысь и шаг. Ерстэм надеялся на своего коня, он мог бы скакать быстрее, но боялся за спутников и ехал осторожно.

"Врагу преодолеть эти горные дороги не легче, чем нам. Выедем на плоскость, наверстаем скорость", - рассуждал Ерстэм.

По пути им встречалось немало примет, свидетельствовавших о том, с каким трудом преодолевал противник свой путь: на обочинах дороги лежало несколько павших лошадей. А сколько их свалилось в пропасть или в ущелья, кто знает?

На дохлых конях седел не было.

Выехав в долину Лабы, отряд наконец смог пуститься большой рысью. Не встретив ни души, переправились через Лабу у Четуна. За Лабой, до речки Куксу никого не было видно и ничего не слышно. Лишь миновав Куксу и проехав некоторое расстояние, они услышали далекие разрозненные глухие выстрелы.

На пути им лопался небольшой ногоайский аул. Ногоайцев, живущих за Лабой, называли адыгскими ногоайцами. Строения здесь были такие же, как у адыгов - халупы, плетенные из хвороста, обмазанные глиной и крытые болотной травой. В этом маленьком ауле никто не спал, люди, затаившись возле стен, с тревогой вглядывались и вслушивались в даль. Здесь Ерстэм остановил своих всадников, а сам подъехал к домику, расположенному на обочине дороги. Его знакомый, ногоайский старик, находился во дворе. Затаенным шепотом он сообщил:

- Я не заметил, чтобы кто-то из верховых проскакал в сторону Хараколя - дорога туда сворачивает неподалеку от нас. Все отправились к Урупу. Более пятидесяти верховых с девушками на холках проехали впереди. А уже "позже, угоняя табун, проследовал большой отряд. Еще немного спустя проскакала небольшая группа адыгских всадников. Выстрелы, которые мы слышали, это, верно, адыги стреляли.

Таким образом первые важные сведения о местонахождении врага Ерстэм получил. Отсюда к устью реки Урупа шла одна-единственная довольно широкая дорога. Но Ерстэм не повел свой отряд по ней, а свернул вправо. Проехав немного, они увидели тропу, идущую параллельно арбяной дороге и отстоявшую от нее не дальше чем на расстояние звука выстрела. Вот по этой-то степной дороге и ринулся во весь опор отряд Ерстэма.

Даже в этой тревоге и суматохе Ерстэм ни на минуту не забывал о своем юном спутнике, все время оглядываясь на него. Тот, словно вцепившись в хвост Ерстэмова коня, точно следовал за ним. Ерстэм невольно удивился выдержке юноши - не го что слова, ни звука жалобы! Сменив скачку на размашистую рысь, принаравливаясь к возможностям своих коней, отряд Ерстэма двигался стремительно. Миновали еще один ногоайский аул. Со стороны старой арбяной дороги донеслись разрозненные глухие выстрелы.

"Это, верно, адыги схватились с охраной, - подумал Ерстэм. - Главные вражеские силы должны быть впереди". Ерстэм решил дать передышку коням - все перешли на шаг. Выстрелы стихли. Лишь иногда было слышно, как всадники покрикивали на лошадей.

"Кажется, основной отряд, уже добрался сюда, - подумал Ерстэм. - А те, что увозят пленниц, видно, опередили их на значительное расстояние. Наверно, вражеские кони изрядно притомились и отстают медленно".

После небольшой передышки отряд Ерстэма снова пустился вскачь. У речки Чамлык Ерстэм заметил, что кони его спутников начали сдавать. Он остановил всадников и приказал спешиться. Обратившись к спутникам. Ерстэм спросил, нет ли среди них таких, кто знает берега Чамлыка в этих местах. Таких оказалось много. Двоих из них Ерстэм направил в сторону главной дороги, разведать движение врата. По расчетам Ерстэма, те, кто увозил пленниц, как раз сейчас должны были добраться до Чамлыка. Всадники, которых он отправил, должны разузнать, добрались ли сюда верховые, увозящие девушек.

Но ни в коем случае не обнаружить себя, а тем более не ввязываться в драку.

После того как всадники уехали, один из отряда обратился к Ерстэму:

- Ерстэм, о твоём мужестве я слышан немало, но сейчас никак не могу понять, нашего поведения. Если мы будем прятаться от врагов, которые увозят наших девиц, не вступать с ними в бой, зачем тогда мы скачем неведомо куда?

Ерстэм, держа на поводу своего коня, подошел к спрашивающему и вполголоса ответил:

- Прежде всего не следует так громко разговаривать, что может выдать нас. Твое недоумение справедливо; смысл нашего поведения угадать трудно. Мои расчеты по возможности никто и не должен знать, кроме Алкаса, которому я все сообщил еще в ауле. Пока не завершится ислъ нашего иохдда, я не хочу никому объяснять свои намерения. Это не значит, что я не доверяю вам, и поступаю так потому, что знаю; в вашем ауле есть разные люди. Те, кто вечером похитил девушку и выманил из аула всех всадников, - тоже адыги. Возможно, и в вашем ауле найдутся такие, которым был известен коварный замысел врага.

- Это правда, - вступил - в разговор другой. - Тех двух я днем в лесу видел. Они адыги.

- Бог то-то! Поэтому не обижайтесь, что не объясню своих намерений. Что если и сейчас среди нас есть слухарп и вражеские лазутчики? Так вот, приятель, - обернулся Ерстэм к тому, кто первый спросил его, - ринуться в бой, и, добиваясь мужской славы, сразить нескольких врагов, а самому доблестно пасть - это дело не трудное. Если, как ты советуешь, мы пойдем лицом к лицу на врага, может, мы и нанесем ему большой - урон, но пока будем проявлять бравую доблесть, передние верховые уведут бедных пленниц. Наше дело сей час не мужская слава, а спасение девушек!

Едва Ерстэм успел произнести эти слова, как со стороны старой дороги от берега Чамлыка раздался пронзительный отчаянный женский крик: "О, мама моя!" И тотчас вновь установилась зловещая тишина. Крик взбудоражил спутников Ерстэма, второпях все перекинули поводья через головы своих копей и схватились за луку седла. Но Ерстэм повелительно остановил их:

- Стойте здесь и не обнаруживайте себя, а я поеду посмотрю, что там происходит.

Одинокий всадник рванулся за Ерстэмом, но он и его осадил:

- Ты тоже останься!

Ерстэм вскинулся на коня и с места в рысь направился туда, откуда донесся крик. Берег Чамлыка с двух сторон был окаймлен неширокими полосами ивняка и смешанного леса. Следуя по лесной кромке, Ерстэм вскоре выехал на широкий безлесный берег и увидел темные фигуры двух всадников,двигающихся ему навстречу. А чуть дальше виднелся третий силуэт - конь без седока.

Верховые оказались своими людьми, которых он послал в разведку. Один из них в седле держал адыгскую девушку. Уткнув лицо в грудь своего спасителя, она судорожно всхлипывала и причитала:

- О радость, я снова увидела адыга! Бедная я, словно -вернулась с того света!..

Всадник ласково поглаживал ее по голове, утешал:

- Не плачь, красавица! Беда уже миновала. Теперь тебя никто не обидит!

Ерстэм, подскакав, спросил верхового:

- Кто эта женщина? Что произошло? Чей тот конь без седока?

- Конь принадлежал тому, кто гнался за девушкой пришлось с ним расправиться.

- Ну, ладно, потом расскажешь! Поехали, надо поскорее убраться с этого места! - сказал Ерстэм, сам поймал коня убитого и поскакал вслед за остальными. Подъехав к отряду, девушку сняли с коня. Она оказалась совсем молоденькой. Бедняжка не могла сдержаться, все время всхлипывала, мешая радость со слезами. Ерстэм обратил внимание, что девушка все время озабоченно трогает свои бока и отряхивает

подол. Подойдя ближе, он увидел: на ней все было мокрое, одежда и лицо измазаны черной клейкой грязью. Она зябко дрожала. Ерстэм распорядился:

-Устройте заслон из бурки, ей надо снять мокрую одежду - пусть кто-нибудь даст ей свой бешмет.

Пока девушка переодевалась, разведчики рассказывали:

-Только мы пересекли безлесное, голое пространство берега Чамчыка, как заметили скачущего по-над лесом верхового. Мы скрылись в лесу. Верховой, добравшись до поляны, тоже стал в тени дерева на опушке. Так мы стояли довольно долго. Мы не двигались, и верховой не двигался с места. И вдруг девушка выскочила из лесу и стремглав пустилась через поляну. Верховой поскакал за ней. Девушка, увидев его, закричала, тут только мы поняли в чем дело. А дальше ты сам видел, Ерстэм, ЧТО произошло. Вдруг раздался восторженный возглас:

-О-уй! Это ж девушка из нашего околотка! Долихан! - и кто-то, обняв ее за плечи, подвел к Ерстэму.

-Твое счастье взяло, милая! - Ерстэм погладил девушку по плечу. - Мы очень торопимся. Быстро расскажи, что случилось.

-Скорее, скорее догоняйте их! - воскликнула девушка, хватаясь за сердце. - Тех, бедных, увозят на чужбину!

-А как ты думаешь, они далеко - те, кто увозит девушек? - остановил Ерстэм ее причитания.

-Довольно много времени прошло с тех пор, как я от них вырвалась.

-А как тебе это удалось? - спросил один из присутствующих.

-Когда мы доехали до маленькой речушки, тот, кто держал меня, - видно, хотел опередить других - свернул с дороги и решил перейти вброд повыше. Но берег оказался крутой - лошадь прыгнула, завязла в тине и повалилась на бок. Я соскользнула по правую сторону, а всадник упал налево, и конь его придавил. Пока он барахтался, я выскочила из воды и забежала в заросли ивняка. Но двигаться по лесу очень трудно, вот и я выбралась из чащи, а потом увидела, что тот ногаец уже верхом, скачет за мною. Он долго гонялся - я то в лес уходила, а когда он вслед за мной въезжал, выскакивала оттуда и бежала. Наконец я затаилась на опушке и долго прислушивалась. Звука копыт не было слышно. Я подумала, что он бросил меня, и пустилась во всю мочь бежать через поляну. Но ногаец оказался коварным, если бы не мой спаситель, дай бог ему долгой жизни, он снова схватил бы меня.

- Ну, хватит, милая, потом доскажешь, - вновь остановил ее Ерстэм. - Ты лучше прикинь и скажи, далеко ли могли уехать похитители?

-Я не сказала, что довольно времени прошло с тех пор, как я вырвалась от них. Но полагаю, что далеко и речки они не отъехали, кони у них приустили. По-моему они больше вскачь да рысью мчались, а когда коням стало неважно, перешли на шаг.

-Много их?

-Много! Целый ряд друг за другом далеко растянулся.

-Спасибо тебе, милая, ты сообщила нам самое главное. А теперь скажи, сможешь ехать верхом, не упадешь? - спросил Ерстэм.

-Найдется ли в стране махосев девушка, которая не умеет держаться в седле! - гордо ответила она. Ерстэм обратился к спутникам:

-Девушку посадите на ногайского коня, и пусть кто-нибудь сопровождает ее. Встретите нас по ту сторону балки Шальбук. По первой же тропе, которая встретится на взгорье берега Шальбука, сверните налево и подъезжайте к старой арбяной дороге. Все остальные собирайтесь - теперь уж гоните своих коней во всю мочь.

Между реками Лаба и Уруп проходит глубокая и широкая балка. Ее тогда называли Шальбук. Берега высокие, но пологие, поросшие густым дремучим лесом. На дне балки, сквозь густые заросли болотной травы медленно просачивалась неглубокая водица. Она текла лениво, местами застаиваясь и образуя вязкие, широкие болота с глубоким слоем непролазной тины. Балка эта доставляла путникам немало неприятностей, и они боялись ее. Когда говорили, - "Доехал до Шальбука..." - всем было ясно, где находились путники и какие трудности пришлось испытать. Самым хорошим переездом через балку Шальбук был тот, куда направлялась арбяная дорога и по которой отступали ногайские налетчики.

Отряд Ерстэма с большим трудом, увязая по конское брюхо в илистой жиже, переправился через Шальбук. По узкой тропинке, сквозь густой лес взобрались они наверх по высокому склону и, напав на тропу, о которой говорил Ерстэм, свернули налево.

Не доезжая до арбяной дороги, всадники увидели в лесу небольшую поляну. Ерстэм велел всем спешиться, привязать коней, а сам поехал осматривать старую дорогу. Одинокий всадник поехал вслед за ним. Ерстэм не остановил его.

Спустя немного времени они вернулись.

-Пока никого нет! - тихо произнес Ерстэм и быстро спешился. - Оставим здесь лошадей и скорее в путь! - приказал он. Свой отряд Ерстэм повел пешком к старой дороге. Там, где тропа пересекала арбяную дорогу, он остановил людей и коротко пояснил:

-Пока передние вражеские всадники не подойдут к этому месту, битву не начинать. Тишину выстрелами не нарушать. Биться шашкой и стрелами. Будьте осторожны, чтобы не поранить женщин, которых они увозят. И еще: остерегайтесь того врага, что ранен и лежит на земле, может поразить в спину. А некоторые, поняв опасность, постараются прибегнуть к хитрости - невредимые свалятся с коня и уползут в лес с ними тоже будьте внимательны. Освобожденным девушкам скажите тихо:

"Поднимись наверх, сверни направо и спрячься в лесу!"

Здесь, на поляне для присмотра за конями пусть останется один человек. А мы станем с двух сторон внизу у дороги и будем ждать появления врага. На вершине склона должны находиться трое. Ногайцев, которые сбросят пленниц и попытаются спастись бегством - не преследуйте, пусть уходят, лишь бы девушек не увез ли, В остальном - боги нам на помощь! Все зависит от мужества от сноровки каждого "из вас. Ерстэм взглянул на небо и добавил:

- Семья звезд взошла, и семь Звездных братьев опустились - рассвет недалек. Пошли!

Внизу у самой кромки болотной воды, в укрытии деревьев, на обочине дороги стоял Ерстэм вместе с Одиноким всадником. Они напряженно вслушивались в тишину ночи.

В тревожной суматохе Ерстэм позабыл было о своем спутнике. Сейчас, вспомнив, обернулся и поглядел на него. С виду совершенно спокойный, юноша стоял сбоку от него, казалось, предстоящая опасность ничуть его не волновала.

Почувствовав взгляд Ерстэма, юноша поглядел на него снизу вверх. Хотя глаз в темноте не было видно, но по тому, как он вскинул голову и доверчиво и спокойно смотрел на него, Ерстэм понял: верит он в Ерстэма и надеется на него. Если Ерстэмом с ним, не страшны ни военная опасность, им трудности - всех победят, все преодолеют - говорил его взгляд.

И тут Ерстэм до боли в сердце пожалел, что втянул юношу в опасную заваруху. "Если с бедным малым случится что-нибудь..." - подумал он, и тревога пронзила его. Ерстэм-то хорошо знал, что такое битва. В ее пекле и не узнаешь, что с человеком приключится. Трудно предугадать и то, как ты сам поведешь себя, порой в такую переделку попадешь, что не помогут ни мужество, ни доблесть. А может случиться, что твой

верный товарищ не успеет подоспеть на помощь, даже находясь в нескольких шагах от тебя. К мужеству и доблести надо присоединить опыт и сноровку. Одно мгновение, один удар - и человек лишается самого дорогого - жизни.

Большую ошибку он совершил, взяв юношу с собой, уж лучше бы находился там, в дремучих лесах, возле Тамбыр-кургана. А уж если взял, надо было по крайней мере оставить его на поляне присматривать за лошадьми. Ерстэм не подумал об этом. Ведь если какая беда приключится, вовек он не простит себе этого! Да что теперь поделаешь?

Ерстэм низко пригнулся к юноше и ласковым голосом проговорил:

-Слушай меня: не пытайся биться шашкой и между врагами не заскакивай. Своей меткой стрелой ты больше урону им нанесешь, рази их, не выходя из лесу.

-Хорошо, - покорно произнес тот, безоговорочно принимая каждое слово Ерстэма.

С того берега болотистой воды, что текла по дну балки Шальбук, слышались приглушенные голоса. Донеслось хлопанье конских копыт в вязкой жиже, зазвучали испуганные вскрики - видно, некоторые всадники увязали в тине.

С недовольным ворчанием на трудную переправу, обдавая Ерстэма и его спутника тяжелым запахом тины и пота проехали мимо них первые всадники. Тот, что ехал впереди, по контурам силуэта показался Ерстэму знакомым. Одежда адыгская, и лошадь тоже адыгская. Широкоплечий, плотный мужчина.

"Верно, адыг... Где я его видел? .." - С недоумением подумал Ерстэм. Заметив рядом с ним тоненького юношу верхового, Ерстэм сразу догадался: "Коварный Хату!.. Что-то этот негодяй стал часто встречаться на моем пути! По, полагаю, на этот раз ему несдобровать! Как говорят - кто куда поведется, там и конец свой найдет..."

У Хату на коне Ерстэм заметил женскую фигуру. Нестерпимый гнев вспыхнул в его сердце, и он уже хотел было кинуться на Хату, тем самым начав битву с врагами. Но, сообразив, что задние ногайские всадники могут повернуть назад и уйти в лес, воздержался.

По двое, а иногда и по одному, цепочкой проходили мимо них всадники, темные, враждебные в своей звериной беспощадности, и у каждого в седле - девушка. И еще на одно обстоятельство обратил внимание Ерстэм: с десятков всадников, следовавших за Хату, одеты были куда более добротно, чем остальные и лошади их не походили на низкорослых ногайских коней статные, крупные, крымской породы. "Верно, из ногайской знати или отпрыски крымских вельмож", - подумал Ерстэм. И тут же у него возникла тревога: "У богатых людей наверняка под широким халатом скрывается кольчуга! Догадаются ли об этом те, кто встретит их выше? Не то шашкой им вреда не причинишь..."

Вверху, у конца берегового склона, началась суматоха - слышались крики и ругань. Вереница вражеских всадников остановилась. Возле того места, где стоял Ерстэм, верховые стали поворачивать назад, и последние всадники, которые только что выбирались из болота, сталкивались с ними. Верховые смешались и, не имея возможности проникнуть в густой лес, беспорядочно закружились на месте.

Ерстэм быстро приказал: "Теперь бей!" - и первый начал битву. Что совершилось дальше, как все оборачивалось, понять уже было невозможно. И Ерстэм, и его спутники, применяясь к обстановке, не взмахивали шашками, а кололи снизу, сбрасывая вражеских всадников с коней. Девушки-пленницы с испуганным криком скрывались в лесу.

Под конец ногайцы поняв, что происходит, сами стали в отчаянии скидывать пленниц с седел и обнажили сабли. Но лошади, беспорядочно кружащиеся в теснине лесной дороги, уже без седоков, не давали им возможности принять бой. Кони мешали и отряду Ерстэма. Несколько вражеских всадников, до которых Ерстэм не мог добраться шашкой, падали, пронзенные стрелами в шею. Ерстэм понял, что это стрелы Одинокого всадника. "И юноша и его лук достойны друг друга!.." - одобрительно подумал он, но в этот момент с противоположной стороны слышались крики и ругань.

Ерстэм остановился, обернувшись туда, где дорога выходила из воды. Несколько всадников, уже без пленниц, только что выбрались из тины, и Одинокий всадник с обнаженной шашкой встал против них и бился с ними в одиночку. Вражеские всадники, смешавшись на узкой дороге, отчаянно кружились, тесня друг друга, тщетно замахивались саблями, кричали, бранились. А юноша, уклоняясь от ударов, поддевал их под ребра. "Как ловко орудуешь ты своей длинной шашкой!" подумал Ерстэм, несколько секунд с восторгом глядя на него. Это короткое мгновение беспечности чуть не стоило Ерстэму жизни: спас конь без седока - не дал врагу дотянуться до него саблей и тот лишь кончиком ее задел Ерстэма по голове. Разгоряченный, он не почувствовал раны, не стал возиться с ногайцем, а бросился в сторону, туда, где Одинокий всадник бился с группой всадников.

Вдвоем они быстро расправились с ними - одних замертво свалили с коней, а другие сами спрыгивали с седла и уползали в лес. Некоторых в лесу и прикончили. Кроме тех всадников, что без пленниц на седлах выехали последними из болота, никто не появлялся. По-видимому, эти следовали за отрядом, охраняя его с тыла.

После того как все было покончено, Ерстэм велел быстро собрать коней, оставшихся без седоков. Все съехались на поляне. Среди людей Ерстэма убитых не оказалось. Более того, не было даже тяжело раненых, лишь кое-кто получил небольшие царапины. Можно сказать, что отряд вышел из битвы почти без урона. И спасенные девушки все оказались в сборе. По-видимому, отчаяние помогло им быстро сообразить, куда и как идти. Ерстэм немало удивился, как могли они так безошибочно найти поляну. И все же он счел нужным проверить, не осталась ли хоть одна из них в лесу" - а вдруг спрятался в страхе? Поискали, покликали, но никто не отозвался.

Стало светать, надо было поскорее убираться, пока не подоспели основные силы врага.

Девушек, одетых легко, укрыли бурками. Тех, кто умел держаться в седле, посадили на ногайских коней, опальных взяли к себе всадники. В отряде Ерстэма оказались и такие, что нашли среди спасенных девиц своих сестер.

Обратно ехали той же самой дорогой. Только сейчас вспомнил Ерстэм о негодяе Хату и его спутнике, молодом орке. Он спросил одного из своих людей:

-Заметил ли ты, что передний вражеский всадник походил на адыга? Или мне показалось?

-Конечно заметил, я сам его и остановил. Рука не поднялась ударить адыга, и я схватил под узцы его коня. Конечно, ошибку допустил, но подумал, что может быть общего у адыга с этими зверьми? А когда убедился, что он и вправду адыг, крикнул: "Какой позор ты совершаешь! Ты - адыг! Немедленно отпусти женщину!" Услышав это, он быстро столкнул с седла девушку, она упала неловко, повредила ногу и застонала. Встревоженный, я отпустил повод и наклонился к ней.

А он воспользовался моей оплошностью, хлестнул коня и умчался. Я замахнулся вслед шашкой, но не достал. Рядом с ним находится совсем молоденький адыг. И у нашего человека, что стоял против меня, тоже рука не поднялась против адыга, и молодого он упустил. И ногаец, следовавший за адыгскими всадниками, тоже скрылся.

-И его пожалели, да?! - с упрёком бросил Ерстэм.

-Н-е-е-т! Сбросив женщину, он пустился прочь и я просто не успел его ударить. Но вот что удивительно: передние всадники ногайцы и конями и одеждой отличались от других - одеты богато, и кони породистые. Одного из них я попытался проколоть - шашка не взяла.

-Говори прямо, почти всех упустили?! - гневно воскликнул Ерстэм, натянув поводья, словно собирался повернуть обратно и пуститься в погоню. - Может быть, и всадников с пленницами упустили?!

-Нет, такого не было! Я быстро сообразил, отчего моя шатка не взяла того богатого всадника, у них, должно быть, под халатами кольчуги... Тогда я стал колоть их под горло. Бедняги (ну конечно, таких негодяев жалеть и беднягами называть не следует!) поняли безвыходное свое положение и почти не сопротивлялись. Хорошую ловушку ты им устроил, Ерстэм, умно придумал! За то добро, которое ты

сегодня совершил для наших девушек, боги вознаградят тебя. Я воочию убедился, что твоя доблесть достойна доброй славой. Большого счастья тебе, долгих лет жизни!

-Ну, как бы там ни было, а наше счастье взяло верх, - произнес Ерстэм, словно не желая приписывать победу себе. - А самая большая удача, что никто из наших людей не пострадал. - И, помолчав немного, добавил: - Одно в этом деле нескладно получилось, что орка - негодяя упустили.

-Откуда ты знаешь, что он орк?! Он тебе известен? - быстро спросил тот с обидой в голосе. Ерстэм заподозрил, что его собеседник сам из махошевских орков.

-Нет, я только предполагаю. В темноте трудно было разглядеть. Но стать проводником врагу, помочь ему разорить адыгский аул может только орк, а не человек! - резко ответил Ерстэм.

-Правда, среди орков и такие попадаются, но говорить, что все орки таковы, было бы неверно, - возразил собеседник. - Вот наш Алкас - тоже орк, а его никто никогда не упрекнул в бесчеловечности!

-И то верно, встречаются среди орков и такие, как Алкас. Но негодяя, которого ты упустил, нельзя считать за адыга! Такие как он - звери!

-Это справедливо, не спорю...

Они переправились через Шальбук и выбрались из глухого леса. Забрел рассвет, тропа стала различимой, теперь уже справа, со стороны старой дороги, доносились глухие частые выстрелы. Ерстэм и его собеседник придержали коней и прислушались.

-Если враг добрался до леса у Шальбука, значит он уже ушел! - не обращая ни к кому, произнес Ерстэм.

-Да-а, - с горечью согласился его спутник. -Если враг укроется в лесу, трудно его оттуда выгнать. Много народу может зря пострадать...

Постояв немного, Ерстэм вдруг обратился к собеседнику:

-Можно попросить тебя исполнить одно поручение?

-Охотно исполню, говори!

-Отбери себе одного верхового из тех, у кого на седле нет девушки, а поезжайте к Алкасу. Передайте ему: "Все пленные девушки до единой освобождены. Сообразуясь с этим, сам знаешь, как надо поступать". Поторопее сообщи ему эту весть. Узнает Алкас хабар и не станет очертя голову наваливаться на врага, побережет людей. Ну, короче, сам поймет, как дальше действовать...

Одинокий всадник неотступно следовал за Ерстэмом. Когда наступил рассвет и день посветлел, юноша, оказавшись сбоку от Ерстэма, вдруг заметал, что шапка его наискось разрублена. Подъехав ближе и всмотревшись, он заметил на шее Ерстэма засохшую кровь.

-Ерстэм, ты ранен! - воскликнул юноша.

-Ерунда, кончиком сабли задела, - беспечно сказал Ерстэм.

-Как же можно так? Открытая рана! Давай перевяжу, воспалится...

-Воспалится может, это верно, но сейчас некогда, надо поскорее увезти женщин, - возразил Ерстэм.

Тот путь, что отряд, охваченный тревогой за судьбу девушек, проскакал так быстро и незаметно, казался им сейчас очень длинным и утомительным. К тому же девушки, непривычные к седлу, с трудом держались на конях, и потому нельзя было быстро ехать. И все же Ерстэм не стал делать остановки для отдыха. Лишь к полудню добравшись до Лабы, они сделали привал.

-Теперь опасности нет и торопиться некуда, ничего, если мы лишь к вечеру доберемся домой, - объявил Ерстэм.

-Однако... - начал кто-то из мужчин, - допустимо ли сидеть вот так и отдыхать, не зная, как идут дела у тех, кто преследует врага?

-Это верно, - согласился Ерстэм, - трудно не беспокоиться о том, что творится там, на поле боя. Но в маленьком ногайском ауле, который мы проехали, мне сообщили: кроме отряда из вашего аула, проскакало много всадников из других аулов, до которых дошла весть о грабеже. Значит, "против врага собралось достаточно воинов. Случится с ними не больше того, что предопределено богами - они мужчины, творят мужское дело. Исход боя зависит от их мужества. Враг уже обезврежен, он будет стремиться лишь поскорее уйти. Ерстэм спустился к реке, умылся и, вернувшись, присел в тени дерева. Одиноким всадник, тоже уже умытый, подошел к нему.

Юноша был словно чужой в отряде и держался в стороне. По всему видно, ему даже не хотелось поговорить, пошутить с кем-нибудь из молодых людей, с которыми он только что бок о бок участвовал в битве. Более того, ему даже в голову не приходило хотя бы украдкой поглядеть на девушек. А они с веселым смехом бегали. между деревьями или расчесывали друг другу волосы. Его словно ничто не интересовало, ничто не привлекало

"Этот юноша, оказывается, не только Одиноким всадник, но и очень одинокий человек..." - подумал Ерстэм.

Среди девушек обнаружили получившие легкие ранения, были и такие, что вывихнули руки, когда их сбрасывали с коней, или повредили ноги. Теперь, когда опасность прошла, раны и вывихи напомнили о себе, девушки, визжа и вскрикивая, занимались перевязками. Прислушиваясь к их визгу и вскрикам, Ерстэм посмотрел на них с улыбкой и произнес:

- По сравнению с той бедой, от которой вас спасли, ваши болячки - ничто. И не следует вам жаловаться, мои милые!.. - Помолчав, он вдруг обратился к Одинокому всаднику: - А ты, Мазитль, если можешь, перевяжи мне рану.

Что-то и она дает о себе знать.

Юноша стоял молча. Ерстэм вскинул голову и взглянул на него снизу вверх. Тот, не понимая, к кому обращается Ерстэм, недоуменно оглядывался по сторонам.

- Илм ты забыл свое имя, которое сам мне сообщил "Лесной человек"? - многозначительно пошутил Ерстэм.

Похоже было, что юноша действительно не помнит своего имени. С топ первой встречи, когда он сказал Ерстэму это прозвище, тот ни разу его так не называл. Ерстэм еще тогда понял, что юноша не хотел называть настоящее имя, а просто назвал первое пришедшее на ум прозвище.

Уличенный во лжи, юноша побагровел и смущенно ответил:

-Да нет!.. Я... Ты смотрел куда-то в сторону, я и подумал, что обращаешься к кому-то другому...

Ерстэм пожалел, что так бестактно смутил юношу и, желая снять неловкость, проговорил:

-Ничего, в твоём положении не грех скрыть настоящее имя. Перевяжи-ка мою рану. Умеешь, приходилось?

-Не приходилось, но я видел, как перевязывают.

-Тогда соединим наше незнание, и может что-нибудь получится. Будем делать так, как моя мать. Я много раз за ней наблюдал. Прежде всего, возьми сулук и принеси чистой воды. Да еще нарви травы "собачий язык" (подорожник). Знаешь эту траву? Чистая тряпица для перевязки, обернутая в вощенку, лежит в моей сумочке. И целебная мазь, которую готовит мать, находится в шкатулке, что висит у меня на поясе.

Юноша добросовестно исполнил все указания Ерстэма. Но, когда дело дошло до шапки Ерстэма, которую надо было стянуть с головы, он в страхе и нерешительности остановился.

-Шалку сам сними, я боюсь дотрагиваться, может она крепко прилипла... - взмолился юноша.

-Испугался такой малой раны! Так из тебя никогда не получится настоящий мужчина! - упрекнул его Ерстэм. И он сам начал осторожно снимать шапку.

Обнажилась чисто выбритая, нетронутая солнцем, белая голова, большая, угловатая, словно сложенная из отдельных прямоугольников. Кровоаво-красная рана тянулась вкось с левой стороны.

Увидев кровотоачую рану, юноша испугался еще больше. Осторожно и мягко, едва касаясь головы Ерстэма, он провел по ней пальцем и, не зная, что делать дальше, молча стоял в растерянности.

-Уж очень ты нежничаетшь с этой пустяковиной!- снова упрекнул его Ерстэм.

-Кровоточит... - жалобно произнес юноша.

Хоть и был он очень молод, но все же Ерстэму показалось странным подобное мягкосердечие, и он опять взглянул на него снизу вверх. То, что увидел, изумило его: облик юноши, низко склонившегося над ним, был слишком нежен и красив для мужчины. Правда, лицо обожжено солнцем, но все же оно очень напоминало девичье: мягкий округлый подбородок, безупречные очертания пухлых губ - все неправдоподобно гармонично и красиво.

Юноша виновато глядел па него. На таком близком расстоянии Ерстэму не приходилось разглядывать его. И вдруг Ерстэм испугался: как глаза его похожи на глаза Суанд! Они смотрели робко, застенчиво, обволакивая нежностью, казалось, в них сокрыто столько тайн, ни для кого непостижимых... Так же глядела на него Суанд там, в Темиргое, когда один-единственный раз встретились их взгляды...

Ерстэм отвел затуманившиеся глаза. Озаренный какой-то тихой радостью, он сидел, уставившись вдаль, словно всматривался в милое видение, возникшее перед ним. И вдруг неожиданно возникла мысль: "Какое было бы счастье, если бы Суанд вот так склонилась над ним и своими руками перевязала рану!.. Что за диво!.. Разве в жизни бывает, чтобы два человека были так схожи...".

Ерстэм спохватился - молчание его слишком затянулось - и он нарочито громко воскликнул:

-О-уй, какой неженка! - и с шутливой укоризной поглядел на смущенного "малого. - Ну и что ж, что кровоточат? Когда моя мать впервые перевязывает рану, она нарочно раздирает ее, чтобы та омылась кровью. Ты вот что сделай: чистой тряпочкой высуши набежавшую кровь, потом помажь целебной мазью и прикрой рану листьями подорожника.

После того как перевязка была окончена, Ерстэм взял в руки шапку и вывернул ее. Бок был разрезан, в кромках разреза засохли чешуйки сукровицы.

-Давай я вымою, - предложил юноша.

-Нет, шапку лучше не мочить, - возразил Ерстэм. Он достал из-под кинжала ножичек, соскреб кровь и слизь.

-Хочешь зашью? - снова предложил юноша. Ерстэм вскинул голову, с удивлением поглядел на него:

-А ты умеешь шить? Юноша запнулся.

-Ну, как-нибудь стяну нитками... Чтобы прорезь не раскрывалась и пыль туда не попадала... Ерстэм долго, внимательно глядел на пето.

-Почему ты стыдишься того, что умеешь шить? - внушительно спросил он. - Мужчина в походе обязан владеть этим женским искусством: -и ниткой и дратвой должен уметь -пользоваться, и пишу себе приготовить. Но сейчас не стоит возиться с шапкой, тут недалеко, доеду и так.

Явно желая что-то сказать и не решаясь, юноша неловко мялся и вдруг, набравшись духу, почтительно вытянулся и проговорил:

-Ерстэм, если ты не станешь осуждать меня, я больше не останусь в отряде. Не то, чего доброго, они станут присматриваться ко мне и попытаются дознаться, кто я, откуда. До сих пор в суматохе им было не до меня, а теперь неизбежно 'Возникнет интерес. Так вот, чтобы они не видели, куда я направляюсь, лучше мне прямо с этого места уехать. Если поинтересуются, скажи, что дослал меня куда-то.Ерстэм задумался.

-И то правильно, В твоём положении так действительно будет лучше. Мне хотелось с тобой поехать, но сейчас это не удастся. Рана моя, хоть и небольшая, но пока не заживет, неразумно пускаться в дорогу. За эту зиму я убедился, что малейшая рана, если вовремя ее не залечить, может обернуться серьезной опасностью. Попаду домой, мать быстро вылечит меня. Но не закалялся ли ты ездить со мной? Сам не ведая того, я втянул тебя в опасное дело, - усмехнулся Ерстэм.

-Нет, я войсе не боюсь и в дальнейшем путешествовать с тобою! В этом опасном деле я не только не испытал страха, но и набрался опыта. Ты "показал мне сегодня такое, чего я бы никогда не смог увидеть. Когда решишь "пускаться в путь, я явлюсь, куда ты только укажешь, только назначь срок.

-Хорошо. Можно надеяться, что рана моя заживет быстро. В пятнадцатый день следующего месяца я подъеду к тому месту на взгорье, где мы вчера встретились.

Между тем весь остальной отряд всецело был занят мытьем, чисткой одежды, перевязкой ран. Никто не обратил внимания, что Одинокий всадник уехал.

Ерстэм стоял, глядя ему вслед, и снова с удивлением думал: "Что за диво? Конь его, несмотря на то, что проделал такой длинный путь, нисколько не сдал. Где он научился так тренировать коня? А сам неумело держится в седле! И как его ярость и храбрость в бою уживаются с малодушием и мягкосердечием, которые он проявил, увидев мою незначительную рану? Весь из тайны соткан..."

Часть третья

1

Когда дома мать развязала рану Ерстэма, она в негодовании всплеснула руками:

- Ты снова вовремя не сделал перевязку! Ох, как мне не нравится твоя рана! - причитала она. - Ну когда ты поумнеешь? Сколько раз я тебе говорила, что рану, мала она или велика, надо перевязывать немедленно!

- На этот раз, мама, не было времени!, - оправдывался Ерстэм. - Торопился увести бедных женщин от места сражения;

Однако, вопреки всем ожиданиям, рана не воспалилась и не загноилась и после первой же перевязки начала быстро заживать. В последний раз смазывая её, мать с удивлением проговорила:

- О тобэ, как быстро затянулась рана! Вот уж не ожидала. Должно быть, у этого Одинокого всадника, который перевязывал твою голову, счастливая рука - словно коснулся добрыми, исцеляющими пальцами. И опыт, видно, имеет в уходе за ранеными.

- Что у этого парня добрые пальцы, верно, - произнес с улыбкой Ерстэм. - А вот насчет опыта... Он вовсе и не знал, как подступиться ко мне, стоял растерянный с растопыренными пальцами. Мне пришлось вспомнить, как ты это делаешь, и по моим указаниям мы вдвоем кое-как перевязали. Так что, выходит, рану-то я перевязывал!

- А ты, я вижу, не прочь прихвастнуть перед матерью!

- Нет, - в самом деле, я и не подозревал, что я такой маест - довольный, рассмеялся Ерстэм.

Покончив с перевязкой, мать пристально посмотрела на сына и неожиданно спросила:

- Почему последнее время ты все время голову опускаешь. Что тебя беспокоит, сынок мой? - с жалостливой нежностью она поглядела на него и добавила--!. Может, у тебя горе какое или неприятность?

Она подразумевала возможную тоску о жене, которой расстался сын, однако прямо сказать не решалась.

Но Ерстэм понял, что скрыто за материнскими словами. Ему не хотелось затевать разговор о жене безвозвратно ушедшей из его жизни.

- Пора уже мне, мать, и посерьезнеть, - проговорил он, словно не слыша ее заботливых слов. Вот и стал я задумываться над житейскими делами...

В самом деле, за эти последние дни, казалось, изменился его характер и повадки. Обычно он ходил с молодецким задором, гордо подняв голову, голос всегда звучал громко, внушительно. А теперь вид у него был подавленный, его одолевали невеселые раздумья... Подавленность эта не являлась, конечно, следствием небольшого ранения. Бывали раны и посерьезнее, но никогда не терял он, ни жизнерадостности, ни самоуверенности.

Все его мысли кружились вокруг Суанд. Острая тоска по ней с новой силой, словно от неожиданного толчка завладела им там, на берегу Лабы, когда Одинокый всадник перевязывал ему рану. Лишь на одно короткое мгновение представил он себе, будто это Суанд мягко и нежно касается пальцами его головы, и ощутил непреодолимое желание ее ласки.

Но что самое удивительное: в эти две недели, когда он вынужден был сидеть дома, ему вдруг стало казаться, что счастье это вполне возможно. У него, почему-то росла уверенность в том, что Суанд жива и что он найдет ее. А иногда, когда перед его внутренним взором возникало милое видение, ему чудилось, что стоит только протянуть руку, и он завладеет ею наяву, живой и прекрасной.

И у него зрело нетерпеливое стремление скорее отправиться на поиски. Если он не найдет ее в Крыму, отправится в Стамбул. Хорошо, что все накопленные деньги в турецких пиастрах, их хватит и на дорогу, и на выкуп, если понадобится. Однако пускаться в далекий путь пока рана совсем не заживет, было неразумно, и он решил наведаться к береговым шапсугам, поискать там следы девушки.

Как только мать сняла повязку, Ерстэм собрался и уехал. Он решил направиться в сторону Туапсе - место на берегу моря, которое чаще других посещали темиргоевцы. Если Альджеруковы увезли девушку к морю, то наверняка выбрали именно этот наиболее короткий путь к Туапсе. Тем более, что им наверняка приводилось торопиться, иначе после того, как распространилась весть о зверской расправе над фокотлевской семьей, проезд через Шапсугию стал бы опасным и трудным.

Ерстэм поехал к Туапсе по абадзехской дороге: у горы Фишт свернул вправо, по направлению к горному озеру Хуко, а дальше спустился в долину речки Аше и выехал к морскому берегу. Почти неделю объезжал он прибрежные селения шапсугов, но никаких сведений, которые навели бы на след Суанд, не получил. Кто мог помнить о том, что два года тому назад какую-то девушку продали в рабство? Мало ли пленниц продавали за это время! Мало ли тайных преступников побывало за эти годы на их берегу. Тем более, что все подобные дела совершались скрытно, ночами.

В некоторых аулах он встречал людей, которые бы знали в Темиргое и слышали об Альджеруковых. Попадались и такие, которые знали братьев Альджеруковых. Но ни один человек не видел, чтобы Альджеруковы привозили на берег пленную девушку, и не слышал об этом.

Ерстэм добрался до Джиубгу*, но и там ничего не удалось разузнать.

* Джиубгу - широкий берег.

Дорога вдоль берега была очень трудной. Тропы бежали по крутым склонам - бесконечные подъемы и спуски. К тому же множество балок и речушек преграждали путь. А иногда, когда дорога становилась и вовсе непроезжей, тропа спускалась к берегу и шла по щебнистой кромке.

Утомленный и раздосадованный неудачей, Ерстэм спешил и решил отдохнуть у моря. Море Ерстэм видел не впервой, он бывал тут несколько раз. Но сегодня, когда оказался наедине с морем, оно заставило его глубоко задуматься, отчасти это происходило по причине его грустного настроения. Обычно он

приезжал к морю с веселой компанией сверстников. Увлеченный купанием в плавании, он больше был занят играми, чем самим морем. И теперь иными глазами глядел на него.

Неутомимая свирепость, с какой море билось о берег, поразила Ерстэма. "Вечная борьба, вечная битва, - думал он. - Закон жизни - борьба, так устроена жизнь, в этом мире. И в этой верной борьбе маленький человек перетирается, как галька у кромки волн..."

Задумавшись, Ерстэм совсем упал духом. По сравнению с жизнью суши и моря - жизнь человека одно мгновение. Но людям оно мнится бесконечно долгим. И сколько времени в своей короткой жизни они тратят попусту, как небрежно относятся к счастью, иногда беспечно проходя мимо него! И он, Ерстэм, тоже вот так легкомысленно прошел мимо своего счастья, встретив его, разве это не роковая ошибка? Но теперь довольно! Хватит уныния! Он должен найти Суанд. В этом его счастье. Где она, в какую сторону, какие ветры унесли ее? Жива ли, или ее уже нет?

Старичок шапсуг выгнал из ущелья небольшое стадо коз и пустил их пастись по склону прибрежной горы, а сам спустился к морю, разделся и несколько раз окунулся. Выбравшись на берег, он заметил Ерстэма, устроившегося в тени дерева, и подошел к нему.

- Ты, должно быть, гость, милости просим! Добро пожаловать! - торжественно пригласил он Ерстэма.

- Да увеличится твоя семья, добрый тхамата. Пожаловать я к вам не смогу, надо продолжать путь. Но ответь мне: разве берег моря подходящее место, чтобы пастись коз? - Ерстэм поднялся навстречу старику.

- Верно говоришь: морской берег неподходящее место для пастбища, - согласился старик. - Но море манит человеческое сердце, внушает надежду, правда, оно же ее и разрушает. У моря можно увидеть такое, чего в жизни не видел. Разные дела совершаются на берегу.

- Наверное, много пленников продают здесь в рабство? - спросил Ерстэм.

- Да, на этом берегу немало людей расстаются со своим счастьем...

- Чьи корабли прибывают сюда за рабами - из Стамбула или из Крыма?

- Прибывают корабли и из Крыма, но чаще в наших местах встретишь стамбульские суда. По торговым делам корабли направляются в Темрюк. Там большая торговля идет. В нашу же сторону приходят суда, которые покупают рабов - неблагоприятное дело и неблагоприятные корабли.

- Когда обычно подвозят сюда пленников, днем или ночью?

- Чаще ночью. Но иногда, когда суда подходят днем то днем и пленников приводят.

Ерстэма внезапно осенила догадка: "А что, если этот

старик видел..."

- Добрый тхамата, а не слышал ли ты какой-нибудь хабар о том, как темиргоевские тлекотлеши Альджеруковы - привозили сюда пленников? - спросил он.

- Последнее время никакого хабара об Альджеруковых не было. Но два года тому назад видел я здесь одного из них. И дело, в котором он участвовал, незабываемой жутью останется навсегда в моем сердце. Случилось это на том самом месте, где мы сейчас с тобой стоим. День тогда клонился к вечеру, и я уже собирался угнать своих коз в аул, как к берегу подошло турецкое судно и бросило якорь. Я задержался, решил поглазеть. Неведомо откуда владельцы рабов тотчас высыпали из лесу. Обычно пленные, которых пригоняют сюда, бывают вконец измотанные, усталые. Они даже не пытаются сопротивляться. Те пленные, которых в тот вечер вывели на берег, были такие же - унылые, молчаливые и смиренные. Около десяти человек - девушки и мальчики.

Турки и рабовладельцы торговались недолго, посадили пленников в лодки и быстро подвезли к кораблю. Ну, я такого на своем веку немало повидал. И только подумал, что дело кончено, как со стороны леса

послышался шум. Вскоре трое мужчин выволокли молодого человека. Он был крепко связан, по несмотря на это, бедняга отчаянно и яростно вырывался и кусался, трое людей едва удерживали его. Диким визгом и криком он оглашал окрестность. Парня торопливо втолкнули в лодку. Пленник был очень хорош собой, статен, усы едва пробивались. Одежда на нем была изодрана в клочья - так яростно он сопротивлялся.

Мужчины, притаившие парня, даже не стали торговаться с турками. Мне показалось, что они ничего того не хотели, как поскорее избавиться от свирепого пленного. Не выразив никакого недовольства, взяли предложенную турками цепу. И тут один из них сказал тому, что был повыше его ростом и, судя по всему, самому важному из них, слова упрека: "Альджеруко, если не хотел взять за него хорошую цену, зачем заставил нас тащить его в такую даль?!" Но тот, кого называли Альджеруко, только безнадежно махнул рукой. Он даже не стал считать, сколько ткашей дал ему турок, быстро все свернул, засунул в хурджин и вместе со спутниками торопливо удалился.

- А ты не слышал, не привозили они тогда же девушку? Очень красивую девушку...

- Нет, ни о какой девушке, которая отличалась бы особой красотой, я не слышал. Компания Альджеруко привезла сюда только шарня.

- А может, позже ты слышал о девушке? - Ерстэм пытался хоть что-нибудь узнать о судьбе Суанд.

- Нет. Но берег моря очень длинный... Может, в другом каком месте слышали...

Так ничего и не добившись, Ерстэм вернулся домой. В сумерках въехал он во двор. Появление человека, которого он увидел первым, и обрадовало и удивило его: вычищая навоз в конюшне, орудовал лопатой Батым. Второй конь Ерстэма и конь Батыма - Самум были выведены из конюшни и стояли у коновязи.

-Фасапши*, Батым! - радостно приветствовал его Ерстэм.

* Фасапши - с добрым прибытием.

Широкая улыбка осветила лицо Батмма.

- По-моему, это я должен поздравить тебя с добрым возвращением, Ерстэм!

- Как же так, гостя заставляют чистить конюшню! Что за обычаи завелись у нас?! - с веселым смехом, радостно произнес Ерстэм.

- Такова извечная доля -младших! Гость погостит три дня и становится своим человеком. Вот меня и поставили на место младшего брата.

- Ты уже так давно у нас?

- Я прибыл на следующий день после твоего отъезда. Хотел пуститься вслед за тобой, но не нашлось живой души, что могла бы сказать мне, в какую сторону ты отправился.

- Ну как бы там ни было, а это очень хорошо, что приехал! Именно сейчас ты мне очень нужен.

- Я тоже пустился в путь к тебе за помощью в весьма важном деле, - забота омрачила лицо Батыма. - Тогда давай поставим коней и в доме спокойно поведем друг другу о своих делах, - Ерстэм снял черкеску заткнул за пояс полы бешмета и тоже принялся за работу.

Когда они вошли в кунацкую, Ерстэм, не дожидаясь, пока принесут угощение, поторопился спросить Батыма о том, что его тревожит.

- Дело вот какое, - начал Батым. - Один человек из нашего аула был в Крыму. Он там услышал хабар, будто среди запорожских казаков есть адыг. Об этом рассказывали нашему человеку запорожские казаки, которых он встретил в пути. Он старался выпытать у казаков, что они знают об этом адыге. Казаки отвечали, что, мол, не нахвалятся им - и статен, и мужествен, и верен в дружбе. Лет ему, говорят, не больше двадцати пяти. Таков хабар. По всем признакам адыг этот похож на младшего брата Суанд - Туркубия, который

бесследно исчез. Очень похож. Вот я и решил пуститься в путь за ним. Но я так далеко никогда не выезжал, ни дороги туда, ни языка, ни обычаев казацких не знаю. Тот человек из нашего аула в спутники не годится. Я и приехал к тебе. Если нет сейчас спешных дел, поехали бы мы с тобою и разведали, кто он, этот адыг.

- Как могло случиться, что раб, вывезенный в Турцию, оказался на берегах Борисфена, среди запорожских казаков? - с сомнением опросил Ерстэм.

- Так ведь неизвестно, в Турцию его увезли или в Крым...

Ерстэм пересказал Батыму то, о чем поведал ему шапсугский старик.

Не знаю, что и сказать, - задумчиво произнес Батым. - Судя -о твоему рассказу, юноша и вправду очень похож на младшего Темган. Но и тот, про которого говорил человек из нашего аула, тоже похож.

Хорошо бы, твое предположение оказалось правильным... - проговорил Ерстэм, думая о другом. - если бы удалось разыскать Туркубия, может, он рассказал бы ним о судьбе своей сестры.

Батым ничего не ответил и опустил глаза. Это показалось Ерстэму странным. Он подумал: "Скоро же Батым перестал тревожиться о судьбе Суанд. А может у него есть сведения, что девушки нет в живых?"

- Ты что, слышал какой-нибудь хабар о Суанд? - спросил он, и нотки острой тревоги зазвучали в его голосе. - Ее нет больше?

- Нет, подобного хабара не слышал... - коротко ответил Батым, словно не желая продолжать разговор.

Ерстэм недоверчиво взглянул на Батыма, но, считая неудобным далее долгитьшаться, сказал:

- Ну ладно, поедем! Найдем Туркубия, а потом подумаем, как и где искать Суанд. Ты, Батым, вовремя приехал: через пару дней я собирался отправиться в Крым. И знаешь, кого я уговорил быть моим спутником - Одинокого всадника! Я это сделал, чтобы увести его из пределов Тамбур-кургана, где ему уже опасно находиться. Мы с ним условились, о дне и месте встречи. Как думаешь, если возьмем его третьим, не помешает он нам?

- Почему помешает? Еще лучше, если нас будет- трое... - Казалось, эта новость нисколько не удивила Батыма, и Ерстэм не понял, обрадовался ли Батым его словам или огорчился?

Он почувствовал: парень скрывает что-то, и тайна сковывает ему язык. Однако с этого момента в сердце Ерстэма закралось подозрение.

2

- Садись и ты, Мазитль, надо побыстрее поесть, -сказал Ерстэм, придвигая разложенную на лопуховых листьях еду.

Одинокий всадник, которого Ерстэм назвал Мазитлем, возился с лошадьми,снял с остывших коней седла, стреножил и .пустил пастись. Три коня из- под седел были стреножены, а пять, которых гнали на продажу, без пут. Когда юноша принес седла и положил их на землю,

- Лошадей пока поить не надо, пусть поостынут. Ищи сюда, садись.

Но юноша не стал садиться:

- Ешьте вы, я потом.

- Пусть молодой человек отдельно поест, - поддержал его Батым.

- Можно, конечно, и отдельно, но ничего предосудительного не будет, если он с нами поужинает. В походной жизни главный закон: легче, удобнее и быстрее. Хоть он и молод, надо же ему привыкать к нам, пробурчал Ерстэм словно про себя. Однако настаивать не стал.

- Ничего, и так понемногу привыкнет... - старался Батым оправдать поведение юноши.

Ерстэм умолк с некоторой обидой. Его удивляло, как Батым и Одинокий всадник быстро поладили друг с другом, словно уже не раз ездили вместе. А Ерстэм никак не мог преодолеть застенчивую отчужденность юноши. Говорит мало, взгляд робок, глаза почти всегда опущены. Ступает, словно крадучись, бесшумно и гибко. Ерстэм иногда даже забывал, что перед ним юноша, и ему начинало казаться, что это женщина с мягкими и приятными манерами. Верно, рос он изнеженным маменькиным сыночком.

Ерстэм ел, не переставая размышлять об Одиноким всаднике. Как он одинок! Кажется, неспособен ни к кому голову прислонить! Но вот ведь привык к Батым у. Когда они подъехали к условленному месту и Ерстэм познакомил их, ему почудилось, что поздоровались они просто, как давние знакомые.

Этого Ерстэм никак не мог объяснить: увидев впервые Одиноким всадника, о котором шла такая громкая молва, Батым не проявил к нему никакого интереса и даже не удостоил внимательного взгляда. Впрочем, Батым добряк, сразу чувствуется его бесхитрое, чистое сердце. И, наверное, нет ничего удивительного в том, что два молодых человека так быстро поняли друг друга. Но ведь и сам Ерстэм не с черным сердцем. В вероломстве его никто никогда не мог упрекнуть. Так почему же юноша не может привыкнуть к нему?..

И еще Ерстэм заметил: когда дорога становилась узкой и трем всадникам было затруднительно ехать рядом, Батым и Одинокий всадник с готовностью отставали. Казалось, им приятно было оставаться вдвоем, словно они без слов могли многое друг другу поведать, Удивительно...

Двухдневный путь был уже позади. Возле какой-то тихой речки они остановились на ночь.

- Да, я не договорил, - Ерстэм возобновил разговор, прерванный едой. - Теперь я и сам с уверенностью не могу сказать, где находится Запорожье, куда мы направляемся. Как рассказывают, лет двадцать "тому назад этих запорожских казаков разогнал царь урусов Петр. За то, что казаки, связавшись с поляками, совершили какой-то проступок. Казаки перебралась было на низовья реки Борнсфен и поселились на земле крымского хана. Там я бывал. Но теперь, согласно хабару, который услышал я в этом году, казаки будто вернулись на свои прежние места. А там я не был...

- Между урусами и крымским ханом происходит что-то неладное, - продолжал Ерстэм, - но что именно, не знаю. Во времена покойного царя Петра русское государство стало сильным, богатым и войском, и кораблями. Так вот, теперь урусы начали нажимать на крымского хана. Возможно, пойдут войной. Кончились те времена, когда крымские ханы добирались до самого Москау - главного города урусов - грабили, жгли, уводили пленных.

Страна, куда мы едем, беспокойная. Да и ногайцы, что живут за Теном, через чьи земли нам придется проезжать, должно быть, сейчас неприязненно смотрят на адыгов. Те, что напали на махошевокин аул Заяко, как раз из тех ногайцев, из джамбулакских. Приехали они к нам со злым умыслом, но их постигла беда - вместо добычи повезли домой трупы и печаль. Возможно, они сознают вину, но все же - смерть есть смерть, своих убитых они не простят нам. Когда увидят адыгов, кто знает, может и найдутся такие, что начнут мстить нам. Поэтому думаю так: на краю ногайской земли находится маленькое русское селение. Там у меня есть друг - Матвей. Хотя это и удлинит наш путь, лучше заехать к нему и разузнать новости. Может, и сам Матвей с нами поедет - он связан с казаками и часто бывает в Запорожье.

Завтра в пору утреннего ястребиного боя мы приедем к Мурад-мирзе. Пять коней, которых гоним, продадим ему. То, что выручим, пойдет на дорожные расходы. В той стране, куда натравляемся, деньги в ходу. Мы проедем через городок Азык и поднимемся вдоль реки Тен* пока не доберемся до удобной переправы. А потом повернем в сторону Темыра* - а там уж и до моего русского друга недалеко. Ну, а дальше свой путь сообразуем с хабарами, что узнаем от Матвея.

* Тен - река Дон.

* Темы р - Север.

Подошел Одинокий всадник, и они вместе с Батымом убрали остатки еды. Ерстэм обратил внимание на то как разительно непохоже движутся их руки. У Батыма руки, как вилы, большие, корявые, не приспособленные к мелким движениям, он очень неловко, криворуко подбирал кусочки пищи. А юноша, словно создан был для такой работы, своими маленькими, изящными руками он скоро и быстро все прибрал.

- О-уй! - удивился Ерстэм. - Что за диво? Неужели он дома только тем и занимался, что подавал на стол и убирал после еды? Где он воспитан, к каким порядкам приучен?.."

Одинокий всадник поел в сторонке, сложил лопуховые листья, убрал их, потом притащил какое-то сухое бревнышко, присел на него в одиночестве. Но тотчас же вновь поднялся, подошел к месту, где лежали седла, взял свою плетть и, вернувшись, удобно уселся чинить ее.

Ерстэм исподлобья, украдкой наблюдал за ним. "У него всегда опущены глаза, будто он поглощен какой-то думой. Но о чем он так сосредоточенно размышляет? Точно и не видит вокруг ничего, кроме того, что происходит в его душе? Какое горе, какая мечта приковали навсегда его взор? Не поймешь, слышит ли он, о чем мы говорим. Да, такого сотканного из тайн человека не доводилось мне до сих пор встречать..."

А Батым был как-то по-особенному мягкосердечен, чуток, заботлив и предупредителен к Одинокому всаднику. Они улеглись спать, и юноша остался в дозоре. Глубокой ночью Ерстэма разбудили голоса. Это Батым поднялся и о чем-то спорил с юношей. Ерстэм прислушался.

- Теперь ты иди отдохни... - донеслось до него.

- Мне не хочется спать. Я привык дозорить по ночам. Отдыхать стоя или сидя вошло у меня в привычку.

-Стоя ни один человек никогда не отдыхал, зря

как говоришь! Пошли, говорю, ляг на мое место и поспи до рассвета...

Еще некоторое время они шепотом пререкались, потом юноша тихонько, словно крадучись, подобрался к ложу Батым и лег на его место.

"Такого застенчивого, такого почтительного молодого человека я никогда не видел... - сонно подумал Ерстэм, засыпая. - Да и такого славного парня, как Батым, - трудно встретить. Добрейшая у него душа ""

А на следующий день, когда они приехали в аул к Мурад-мирзе, один поступок Одинокого всадника еще больше удивил Ерстэма.

Они быстро завершили дела с Мурад-мирзой - тот охотно купил копей и пожалел, что их всего пять. В полдень, когда они уже собрались продолжать путь, вдруг услышали в ауле шум джегу. Батыму захотелось хоть недолго поглядеть на ногайский свадебный праздник, и путники отправились туда.

Поначалу они нерешительно встали позади толпы, окружавшей джегу плотным кольцом. Но вскоре их заметили, и среди старших нашелся распорядитель, который повелел пропустить гостей, и они оказались в центре свадебных игрищ. Тотчас же Одинокий всадник привлек внимание всех девушек. Мимолетные робкие взгляды, невольные улыбки восхищения, затаенный шепоток...

Особенно настойчива оказалась одна бойкая девушка. Она выделялась среди подружек не только красотой, но не веселым нравом, какой-то необыкновенной улыбчивой привлекательностью. Девушка знала о своей красоте и, уверенная, что ей простятся и шутки и вольности, вела себя игриво и свободно. Предметом своего шутивого внимания она избрала Одинокого всадника. Глядя на него с откровенным восхищением, она, танцуя, несколько раз подплывала к нему, приглашая на танец, заглядывая в его глаза с заискивающей мольбой и обдавая лучами нежных улыбок. Остальные девушки поддержали подругу и стали осаждать юношу традиционными приглашениями па танцы. Одинокий всадник стоял строго насупленным, словно его огорчало внимание девушек, отводил взгляд, а иногда и вовсе опускал глаза смущенно и неловко

переминаясь с ноги на ногу. Ерстэм видел, что почему-то ему да все это крайне неприятно. Но вот, совершенно неожиданно для Ерстэма, юноша вдруг пустился танцевать, Танцы у ногойцев совсем непохожи на адыгские, танцевали они группами, и двигались у них лишь стан и руки. Трудно было уловить ритм и рисунок танца, казалось, все искусство танцоров заключается в том, на сколько у них хватит выдумки.

То, что Одиноким всадник пошел танцевать, Ерстэм воспринял как решение отделаться лишь видимостью участия в празднике. Но не тут-то было! Куда девались его застенчивость и хмурость! Он танцевал куда лучше ногойских парней, проявляя удивительную изобретательность в движениях, внося в них некоторые элементы адыгских танцев. Порой, распластав, как крылья, руки над девушкой, он плавно парил, слегка пританцовывая. Или, как завзятый танцор, вдруг оставлял одну девушку и брал в пару другую и так, весело и стремительно, перебирал всех девушек, приводя их тем самым в восторг.

Его бурный танец словно заразил весельем девушек, и они стали шутливо соперничать, стараясь лишний раз протанцевать с ним. Всех победила та бойкая веселая девушка. Как ни старались другие, она успевала вовремя перехватить юношу.

Не только Ерстэму, но и всем присутствующим на джегу очень понравилось, как адыгский юноша исполняет ногойский танец. Со всех сторон раздавались подбадривающие крики и хлопки. Но Одинокий всадник прекратил и танец так же внезапно, как и начал его. Разгоряченный и смущенный, он встал на свое место, нахмурился и застенчиво опустил глаза, словно совершил неловкость. А тут еще бойкая девушка, танцующая, подплыла к нему, отвесила низкий поклон и, взяв его правую руку, поцеловала. Ее благодарность все присутствующие поддержали громкими криками одобрения, что вконец смутило юношу.

Хозяин дома пригласил гостей к себе. Во время еды веселая девушка, как хозяйка, прислуживала им, продолжая оказывать особое внимание Одинокому всаднику. Поднося ему пищу, она под видом шутки низко наклонялась к нему и, словно лаская, кружилась возле. Но молодой человек ни разу не ответил ей благодарной фразой, а сидел недовольный, накупившись.

- Что ты за человек, скажи этой славной девушке хоть одно ласковое слово! огорченно проговорил Батым и, повернувшись к Ерстэму, добавил: - Съездить в такую даль за этим красавицей и привести ее себе в жены я бы не считал за труд! Умна, весела, прекрасна - такую днем с огнем не сыщешь!

- Что ж Батым, если девушка тебе понравилась, заедем на обратном пути и возьмем ее, - пошутил Ерстэм.

- Нет, сердце ее повернулось в другую сторону, а потянулась она ко мне, я не стал бы раздумывать.

Вскоре красивая ногойка куда-то исчезла. Отведая угощения, путники еще некоторое время побыли на джегу, но девушки больше не видели.

К вечеру, намереваясь, наконец, отправиться в путь, они покинули джегу и возвратились к своим коням, стоящим у конюязи. Но только собрались садиться в седла, как девушка появилась снова. Держа в руках что-то завернутое в серое полотно, она вышла из дома хозяина джегу и направилась к ним. Теперь ее глаза не светились веселым огнем, она была грустна. Застенчиво протянув Ерстэму сверток, проговорила:

- Это - свадебное угощение, прошу, возьмите на дорогу. - Потом настороженно огляделась, понизила голос до шепота и добавила: - Я хотела вам еще что-то сказать... Перед самым вашим приездом у нас в ауле гостил адыг. С ним был спутник, очень молоденький. Имя того адыгейца, кажется, Хату, но точно не знаю, так мне слышалось. Увидев, как вы въезжаете в аул, он торопливо собрался и исчез. А сейчас одна из девушек тайком сообщила мне, что подслушала разговор этого Хату с тремя грабителями из нашего аула. Она не все расслышала, лишь отдельные фразы разобрала: "Ерстэм...", "Они много денег везут"... Боюсь, что-то недоброе против вас замышляют. Будьте осторожны, не уезжайте на ночь глядя, пожалуйста к нам в дом и заночуйте...

- Спасибо тебе, красавица! - ответил Ерстэм. - С удовольствием отведаем в пути твое угощение. И за предостережение спасибо. Но за нас не тревожься. Все недобрые люди таят злые намерения. Если пойдут на нас злом, еще посмотрим, чье счастье верх возьмет. Спасибо тебе!

Когда выехали из аула, Батым спросил Ерстэма:

- Что говорила тебе девушка?

Ерстэм рассказал, и Батым воскликнул:

- О-уи! Когда мы прибыли сюда, мне показалось на миг, что я увидел этого проклятого Хату. Но я глядел на него со спины и потому не был уверен, что это он. И его спутник тоже мне показался похожим на того молодого орка, который всегда с ним ездит. Я слышал, что Хату замешан в нападении на аул Заяко, говорят, был проводником во вражеском отряде. Жители Заяко только и ждут встречи с ним, чтобы отомстить.

- Там, где Хату, надо быть настороже, - сказал Ерстэм, размышляя о чем-то. - Что-то он слишком часто стал появляться на моем пути, боюсь, придется одному из нас спешиться. А то, что он был проводником тех, кто грабил аул Заяко, должно быть, правда. - И Ерстэм рассказал Батыму о том, что случилось в махашевском ауле Заяко и балке Шальбук.

- Такого убьешь и угрызений совести не почувствуешь за то, что человека убил. Не человек, зверь! - в сердцах произнес Батым. - Интересно, что за каверзу замышляет против нас? - А ты не заметил, в какую сторону он поехал?

-спросил Ерстэм.

- По дороге, что идет к городу Азык.

- Тогда, видно, ему известно направление нашего пути. Ну, посмотрим, чья возьмет. Не станем из-за него менять свои планы.

Они переправились через реку Кагальнык и, когда проехали немного, Ерстэм и нерешительной задумчивости произнес:

- Может, эти негодяи и в самом деле замышляют что-то...

Батым ответил беспечно:

- Что ж из того? Если верить девушке, их будет не больше четырех. Замыслят недоброе, положат животы!

- Не говори так, заранее не уймешь, как в драке сложится дело. Но меня беспокоит другое... Когда по встречаешься с такими негодяями, то надо или их убивать, или они тебя убьют. И то и другое нежелательно. Не потому, что мне их жалко. Беда в том, что с мертвого вина снимается и виноватым окажется убийца. В ногайском ауле, где мы гостили, нам оказали доброе гостеприимство, а если по пашей вине привезут в аул трех покойников, никто не станет разбираться, правы мы или пет. Значит, в этот аул путь будет навсегда нам заказан. А нам придется еще по раз иметь дело с Мурад-мирзой. Поэтому лучше не связываться с мерзавцами.

-Что поделаешь, - произнес Батым задумчиво.- Если пристанут, поневоле свяжешься. Некоторое время ехали молча.

- Будь они неладны! - сказал наконец Ерстэм. - Давайте-ка подумаем, как избежать этой нежданной неприятности. По ногайским обычаям на юрту они нападать не станут. Если мы находимся в пределах юрты-мы гости аула. Сообщники Хату, закоренелые грабители, может, и не стали бы придерживаться этого закона, но все же, я думаю, они побоятся людского осуждения. Поэтому сделаем привал, не отъезжая далеко от аула, и заночуем здесь. Вечер близко. А если мы приедем в Азык поздно, нам придется проводить ночь в каком-нибудь грязном караван-сараяе.

- Боюсь, напрасно теряем время, - с неудовольствием сказал Батым. - Погода хорошая - могли бы, не останавливаясь в Азыке, ночью продолжать путь.

- Проехать в темноте по берегу устья Тепа очень трудно, - возразил Ерстэм. - Много болот и водных рукавов. И дорогу эту я плохо помню, ездил там лишь один раз. Можно было бы ехать более сухой и прямой дорогой, но мне хотелось продать Мураду коней.

- Тогда что же нам делать? Мы даже костра развести не можем, должны соблюдать осторожность, - пожаловался Батым, который не привык сидеть без дела. - Хоть под утро надо будет немного согреться, соберу-ка я сушняк!...

Пока Батым собирал хворост, Ерстэм остался наедине с Одиноким всадником.

- Сегодня ты так хорошо танцевал! Где научился ногойскому танцу? Али тебе случалось бывать среди ногойцев? - спросил он юношу.

- И ногойцев и ногойские танцы я сегодня видел впервые, - тихо ответил тот.

- Как же ты смог так хорошо станцевать? Даже лучше ногойских парней.

- Присмотрелся и стал подражать их танцам. В них нет ничего мудреного...

Ерстэм смотрел на юношу с молчаливым подозрением. Разговор оборвался. Батым притащил большую охапку хвороста, те хворостины, что покрупнее, разломил, все аккуратно сложил, отряхнулся и со вздохом облегчения присел рядом.

-Ерстэм, - заговорил он спустя некоторое время, - давно я хочу спросить тебя. Что такое мужество? Совсем я в этом понятии запутался. То, что орки под этим словом подразумевают, совсем не похоже на то, что мы, фокотли, называем мужеством. Например, орки из нашего аула утверждают, что Хату мужественный и доблестный человек. А все фокотли не только не видят его мужества, но даже за человека не считают. Вот и угадай теперь, что понимать под мужеством!

Ерстэм сидел задумавшись.

- Много тебе хочется знать Батым! - с мягкой усмешкой начал он. - На твой вопрос нелегко ответить. А еще труднее разобраться в том, что такое мужество. Оно многолико, складывается из разных понятии. Случается, что даже бесстрашие нельзя признать мужеством. Мы знаем людей, храбрых на войне, самоотверженных в бою, но не обладающих ни умом, ни добрым правом, ни умением жить - просто храбрые мужланы. О таких у нас говорят: "Хоть и храбр он, по мужества У него не хватает". Выходит, мужество проявляется не только на войне. Так вот, я скажу тебе о нескольких типах люден, про которых у нас в Абадзехии говорят, что они мужественные и доблестные мужчины, а там уж ты сам сообрази - что такое мужество.

Бывают такие мужи: в работе и в ремеслах сноровкие, без стонов и жалоб содержат в достатке семью, а когда возникает военная опасность, так же без всякого шума, спокойно берут в руки оружие и одними из первых идут на врага. Это наиболее распространенный тип мужественных.

Есть и иные. Правдивые и верные дружбе и слову своему, они не говорят лишнего, но в их речах всегда

Заключено зерно разума. На сходках прислушиваются к их голосам, к ним обращаются за советом. И во время военной тревоги они всегда в первых рядах защищают свой кран. Их тоже называют мужественными и достойными людьми.

А вот третий тип: требовательные к самим себе и к другим, человечные, они очень осмотрительны и в словах и в поступках; всегда собранные, подтянутые, неумолимо строгие к поведению своих домочадцев, но готовые самозабвенно заслонить их от всяческих бед и неприятностей; они первыми приходят на помощь аульчанину, попавшему в беду, готовы поделиться последним. И все это без показного шума, без

похвалыбы, разве это не подлинная человеческая доблесть? Эти люди в моменты тяжелых для народа испытаний проявляют на удивление всем необыкновенное мужество.

А бывает мужество затаенное. Трудится человек по своим силам, не напрягаясь, лишь бы прокормиться, ничем не примечателен, ничем не выделяется, и говорят о нем - "бедный трудяга". Но случится ему в какой-нибудь компании всадников попасть в опасное положение, и тут неожиданно проявляется его мужество, скрытое до сей поры. Он берет руководство в свои руки, подбадривает павших духом, мужественной настойчивостью, умом и сообразительностью выручает компанию из беды. и идет о нем удивленная и восхищенная молва.

Живут в аулах и люди, уже известные своим мужеством и умом. Их твердый характер, верность и справедливость народ хорошо знает. Разумом и волей своей они вершат многие дела в ауле. И, когда грянет военная опасность, люди безоговорочно становятся под их водительство на защиту родины.

Всего многообразия мужественности не перечтешь. Нет тут разницы между большими и малыми делами, между войной и мирной жизнью. Мужество, доблесть, чуткость, ум, мягкосердечие, твердость характера - все добрые человеческие качества входят в понятие мужества. Так вот, Батым, рассуди теперь сам, подходит ли к перечисленным мною видам мужества то, которое ваши орки приписывают Хату?

Батым некоторое время молчал, потом сказал в глубоком раздумье:

- Выходит, ваши абадзехи на мужество смотрят точно также как наши темиргоевские фокотли. И, по моему разумению, ничего из того, что мы, адыги, называем мужеством и доблестью, даже близко не подходит Хату. Вот и я не могу, понять, что у него за мужество?

- А я тебе точно скажу: это мужество разбоя, грабежа и воровства. Орковское мужество! - Удивительно... - грустно усмехнулся Батым. - А ведь орки принадлежат к тому же народу, что и мы, однако в понятиях о человечности никак не сойдемся. Вот и живем рядом, словно люди чужого племени.

Ночь прошла без тревог и приключений. Ранним утром, когда путники поднялись, Батым, стоявший в дозоре вторую половину ночи, рассказал новость:

- В пору предрассветного мрака какие-то верховые проехали со стороны Азыка к ногайскому аулу. Уж не наши ли это преследователи?

- Если они, - откликнулся Ерстэм, - дело их не выгорело...

Наскоро поев, они продолжали путь к Азыку. Заехали на городской базар, побродили там. Ерстэм купил три куса туалетного смирнинского мыла и, вручив по куску каждому из своих спутников, сказал: "Это в дороге самая необходимая вещь".

В тот момент, когда они уже покидали базар, Батым вдруг остановился и, глядя куда-то в сторону, приглушенным голосом воскликнул:

- О-уй, удивительное происходит! Я видел Хату, он только что скрылся за тем углом. Но спутника его, орковского юноши, с ним не было.

- Верхом или пешни? - спросил Ерстэм.

- Пеший.

- Тогда и конь его и спутник, должно быть, где-нибудь здесь находятся. Боюсь, что Хату плетет против нас какой то коварный замысел. Видно, не ужиться мне с ним на этом свете! Я его уже два раза предупреждал: не становись на моем пути! Но, видно, ему не терпится...

Держались левого берега Тена, они поднялись на расстояние однодневного перехода. Вечером, при заходе солнца, добрались до переправы. Связанные лодки, на которые рассчитывал Ерстэм, оказались на месте.

Завидев их, Ерстэм обрадовано воскликнул:

- На этот раз нам повезло, переправочные лодки на нашей стороне! А ведь со мною не раз случалось что они находились у того берега, и мне приходилось вплавь переправляться. А это неприятно, река большая как не ухитришься, а вес же промокнешь изрядно:

Переправились через Тен, а дальше, теперь уже держась правого берега, поднялись вверх на значительное расстояние. На пологом берегу, поросшем дубовым лесом, выбрали место для привала и провели там ночь.

Утром, когда встали, Ерстэм принял решение:

- Сегодня дальше не поедем. День прекрасный, река хорошая. Мы уже проделали четырехдневный путь, надо дать коням отдых. Мы вступили в чужую страну, где свирепствуют грабеж и налеты. Всякое может случиться. Эти ногайцы - Джамбулаки, привыкли нападать на русских и грабить. А кроме того, друзья мои, в походе нельзя забывать о чистоте! Раз ты человек, то подобно лицу своему должен и тело в чистоте держать. Грязный, пропахший потом, ты будешь неприятен и себе и встречным людям. Так вот, сегодня мы помоемся и лошадей искупаем. До дома моего русского друга осталось не больше однодневного перехода. Слава богам, спешки у нас нет. Однако в чужой стране терять бдительность нельзя, будем по очереди купаться и нести дозор.

После завтрака Одинокий всадник быстро убрал пищу и остановился перед старшими в замешательстве. Наконец он заговорил, и нотки мольбы звучали в его голосе:

- Вы отдыхайте, а я пойду поброжу, может, зайца встречу или степную козу...

По тому, как юноша это произнес, Ерстэм понял твердость его намерения, если даже станет возражать, все равно тот будет стоять на своем. Помолчав немного, Ерстэм пробурчал:

- Неразумно одному отправляться на охоту. Здешние ногайцы коварны, засядут в кустах и чуть зазеваешься, нападут. Оно, конечно, не вредно бы нам полакомиться снежим мясом, и все-таки прошу тебя, оставь это дело. Одинокий всадник стоял упрямый в своем намерении и неловко мялся. Батым пожалел его.

- Пусть идет, если ему так хочется, ничего не случится. Только надо быть осторожным. А он привык к осторожности.

- Я недалеко, я пешком пойду, - обрадовался юноша.

Он даже шашки не взял, а только лук и колчан.

Батым посмотрел ему вслед и, думая о чем-то своем грустно сказал:

- Бедняжка, застенчив очень, стесняется вместе с нами купаться...

Батым и Ерстэм постирали белье, искупали лошадей, протерли подседельные потники и сами искупались.

Запятые мирными делами и разговорами, они не заметили, как солнце склонилось к вечеру. Первым о юноше вспомнил Ерстэм.

- Что так долго не возвращается малый! - вдруг забеспокоился он.

- В в самом деле, дело уже к ночи, а его все нет! - встревоженный вскочил Батым. - Это мне не нравится! Пойду-ка я посмотрю...

- Нет, не годится отправляться по одному. Давай-ка соберем все и отправимся вместе, уже вечер, нора в дороге. По холодку лучше двигаться. В этих местах есть проторенные дороги.

Собрались, сели на коней и, ведя на поводу коня Одинокого всадника, двинулись.

Они знали, в какую сторону направился юноша: видели, как он уходил по тропе, ведущей к переправе. По этой-то тропе и они продвинулись обратно на значительное расстояние. Между полосой вербняка, росшего у самой отмели, и густым лесом, синееющим на взгорке высокого берега, тянулась полоса целинного рослого

травостоя. Но никаких следов, сворачивающих с тропы, они не увидели. Наконец в одном месте им попались пробитые в траве свежие следы, которые тянулись из леса на пригорке, пересекали тропу и спускались к реке.

-Батым, дай мне коней, а сам пойдй осмотри осмотри берег, - сказал Ерстэм. Не прошло и нескольких минут, как с берега послышался тревожный зов Батыма:

- Ерстэм, скорее сюда!

Протиснувшись сквозь ивовые заросли. Ерстэм с двумя конями на поводу выехал на песчаную отмель.

Батым держал в руке шапку Одинокого всадника и ошалело оглядывал местность. Песок весь изрыт человеческими следами - ясно, что здесь шла отчаянная борьба. Одежда Одинокого всадника разбросана была по песку.

Батым в отчаянии, не помня, что и говорит растерянно повторял:

- Это недопустимо! Нельзя, никак нельзя чтобы он попался им в руки!..

- Что недопустимо?! Что случилось? - Ерстэм спрыгнул с коня.

- Это невозможно, это недопустимо!.. - повторял Батым.

Ерстэм внимательно огляделся. Колчан, лук и стрелы Одинокого всадника валялись вразброс на песке. В другом месте виднелась его черкеска, серебряный пояс и кинжал, втопанные в песок. А па ветке ивы висел какой-то лоскут из красного сафьяна. Ерстэм подошел, снял лоскут - это был девичий сафьяновый корсет, Адыгские девушки до замужества носили такие кожаные корсеты, плотно облегавшие торс. Сшитый из тонко выделанной сафьяновой кожи, корсет, видимо, был постиран, " лишь наполовину успел высохнуть.

Страшная догадка возникла у Ерстэма, и он раздраженно крикнул Батыму:

- Что ты заладил: "недопустимо, невозможно", говори толком! Чья это вещь? - Ерстэм протянул ему сафьяновый корсет.

- Потому и недопустимо! Нельзя, чтобы она попала в руки налетчиков! Это ее корсет! И как ты до сих пор сам не догадался: ведь Одинокий всадник - это Суанд. О-уй, что за горе навалилось! Если утонула в реке, где же ее кафтан, белье, где ноговицы и чуваки? В них она, конечно, не вошла бы в воду!..

- Почему ты до сих пор ничего не сказал мне!- гневно крикнул Ерстэм.

- Не имел права. Три раза она заставила меня клясться. Помнишь, ты сам говорил, что нельзя разглашать ЧУЖУЮ тайну. О-уй, что за несчастье приключилось с нами - повторял Батым со слезами в голосе и, Ерстэм, словно молния ударила возле, некоторое, время остолбенело стоял. Потом еще раз огляделся,

- Бесполезно причитать. Она не утонула, видишь, здесь боролись, песок изрыт каблуками. Беда случилась, ее взяли в плен. Скорее, надо отыскать след налетчиков... Собери ее вещи, приторочь их за ее седлом. Быстрее, быстрее!

По следам, которые пересекли тропу, они направились к лесу. Человеческие следы, держась кромки леса, довольно далеко шли вдоль берега. Но вот в одном месте грабители сели на коней и проследовали дальше к дороге, которая шла от переправы. Однако они не добрались до торной дороги, а свернули по бездорожью, далеко отъехали от реки и только тут ступили на арбяную дорогу, где след их копей смешался со множеством других следов.

Там, где два коня вступили на дорогу, Ерстэм свесился с лошади и долго разглядывал отпечатанный след.

- Это адыгский конь... - решительно проговорил он.

- Откуда ты знаешь? - удивился Батым.

- Копыта ногайских коней пошире. Ногайцы не обрезают копыта.

Проехав немного по дороге, Ерстэм снова свесился, разглядывая дорожную пыль.

- Вот след того коня, произнес как бы про себя.-Посмотри-ка, он заметно отличается от других. Похитители направились в сторону Крыма. - Подумав, Ерстэм добавил: - Интересно, кто сидит на адыгском коне, ногаец или адыгеец? - Ведь адыгские кони есть и среди ногайцев. Однако мало найдется ногайских налетчиков, что стали бы за свои деньги покупать дорогих адыгских лошадей. А человек из ногайской знати, которому это по карману, сочтет для себя недостойным, как шакалу, выслеживать нас. Хотя они и злодеи, но себя уважают и предпочтут сражаться с врагом лицом к лицу, как подобает мужчинам. Да и не разъезжают они в одиночку, без сопровождения всадников...

- Это подлый Хату! - воскликнул Батым.- Позора своего на джегу в нашем ауле не может забыть! Нападать не решился, а когда попался ему один из нас - как волк схватил его и уволок. Начиная с самого аула Мурад-мирзы он, видимо, следил за нами.

- Да, такие, как Хату, ничем не побрезгуют, -со гласился Ерстэм. - Но кто бы это ни был, они свернули в сторону Крыма, и нам тоже нужно следовать туда. Ехали крупным шагом, надо было дать растрястись сытно наевшимся коням - предстоял тяжелый и быстрый переход. Ерстэм излагал Батыму свои соображения - Видно, захватили голую женщину, быстро натянули на нее белье, сверху напялили кафтан и поскорее убралась. В какой крымский город они увезут ее? Обычно рабов везут в Каффу и в Гезелев. Но за красивую девушку больше можно выручить в Бахчисарае.

Там вся крымская знать живет. Те, кто захватил Суанд, конечно, знают об этом. И понимают, что если довезут ее до Бахчисарая, хорошую цену возьмут. Я не раз видел как женщин-невольниц свозят в Бахчисарай: отбирают самых красивых. И когда их соберется там много, хан приказывает невольниц не продавать, пока не выберет себе... Суанд, я полагаю, отвезут именно в Бахчисарай, порука в этом жадность Хату. Давай-ка и мы поедem туда! Быстрее, сытые лошадиные животы уже немного осели.. Счастье, если кони похитителей приустанут и мы нагоним их в пути. Но этот Хату, хоть и негодяи, а без хорошего коня, верно, не пускается в такую даль.

Мы должны успеть добраться до бахчисарайского базара, пока Суанд не будет продана.

Укорачивая дорогу побочными тропами, пробираясь через лесные заросли и густой степной бурьян, переправляясь через множество речушек и балок, ехали они до самого вечера. Наконец Ерстэм остановился. Повернувшись спиной к заходящему солнцу и глядя в сторону севера, он что-то прикидывал в уме.

- Ночью мы будем ехать так, чтобы звезда Темыр-казак* находилась справа. А когда достигнем большой дороги из Руси в Крым, которая зовется "Шлях", повернем, чтобы Темыр-казак был у нас за спиной, а восходящее солнце слева - направимся прямо в Крым.

* Темыр - казак - Полярная звезда.

На рассвете им встретилась широкая река, к тому же она оказалась глубокой и у берегов илисто-вязкой. Пришлось искать брода. Немного проехав по берегу, они встретили ногайского старика рыбака. Тот им укачал переправу. Ерстэм спросил его:

- Не проезжали тут два всадника, одетые, как мы,- черкесы?

- Вчера вечером уже в сумерках я им тоже указывал переправу. Они везли связанного молодого человека.

- Каковы они на вид - эти всадники?

- В сумерках я хорошенько не разглядел, но заметил, что тот, кто держал пленного, был довольно крепкого сложения. А его спутник показался мне совсем молоденьким.

Когда солнце стало припекать, они остановились в лесу возле небольшой речушки и дали отдохнуть лошадям, пока не сошла полуденная жара.

Лошади-то отдыхали, а вот и Ерстэму и Батыму было не до отдыха. Они прилегли, но душевная тревога подняла их. Решили побродить - тоже ничего не получилось. Попробовали заняться починкой сбруи, но все валилось из рук.

Батым метался как ошалелый, не зная, что делать, за что приняться. Часто подходил он к стреноженному коню Суанд, гладил, его, потом садился незаметно около ее седла, отвязывал ее вещи от тороков, поправлял, складывал и заново привязывал.

Не лучше было и на душе у Ерстэма. Невыразимая тревога за судьбу Суанд, ярость против негодяя Хату сжигали его нутро. Да еще тяжелым гнетом лежала на сердце обида: как же Батым, все зная о Суанд, не счел нужным открыть ему, Ерстэму, тайну. Винить его он не мог, ведь Батым дал клятву. И сам Ерстэм, попади он в положение Батыма, верно, повел бы себя так же.

"Тогда в чем же виноват Батым?" - невольно спрашивал он себя и разумом оправдывал его. Но в душе затаил большую обиду. Он так верил в дружескую преданность Батыма! Немного у него таких друзей, должен был доверить ему даже чужую тайну. Как себе самому доверить. Понятно, девушка находилась в большом горе и, кроме мести, ни о чем не помышляла, ничего "не хотела, и если она решила действовать тайно, упрекать ее в этом нельзя. Да и почему она должна была открыть Ерстэму свой замысел, который считала нужным скрывать от всех? Что он сделал для Суанд, и какие особые, отношения их связали, чтобы она могла оказать ему такое доверие?..

До Крыма оказалось далеко, и дорога нелегкая. Лишь на третий день к рассвету добрались они до перешейка Перекоп, где находилась старая турецкая крепость, на угловых башнях виднелись дозорные. Черные дыры амбразур казались грозными впадинами неведомого чудовища. А снаружи крепости проводились учения: маршировали рядами отряды аскеров. Батым с удивлением спросил:

- Что за войско, непохожее на ногайцев?

- Это турецкая крепость, - пояснил Ерстэм глуховатым, обиженным голосом. - И войско турецкое. Крымское ханство находится под властью Турции Крымские ханы подчинены турецкому падишаху.

- Удивительные вещи ты говоришь! _ воскликнув Батым, неотрывно разглядывая турецкое войско - Турки и сюда добрались? Так что же они здесь делают? Детской игрой забавляются?

- Так они обучают свои войска. Они воюют иначе, чем мы или ногайцы, без всякого порядка, наскоком, кто во что горазд. Они обучают войско, чтобы оно, как один человек, одновременно подчинялось и выполняло повеления предводителей.

Этого Батым не мог понять. Глядя, как турецкие воины с ружьями на плечах, рядами по несколько человек, вышагивали туда-сюда, он невольно хихикнул. Однако ничего не сказал.

Помолчав, Ерстэм продолжал объяснять Батыму:

- Не могу понять, что случилось: сколько раз проезжал я мимо крепости, такого оживления здесь ни разу не видел. Крепость мне казалась заброшенной и пустынной - ни войск, ни одного дозорного на стенах. Называется она - Ор-Капы. Очень старая крепость, построена чтобы охранять проход в Крым. Когда нет военной заварухи, крепость стоит заброшенная и безлюдная.

А теперь видно что то случилось. Говорят, Россия стала нажимать на Крым, и вот, возможно, турки ждут нападения. Или опасаются запорожских казаков? Во всяком случае, верно, учуяли какую-то опасность. - А они проезжих людей не останавливают? Почему на нас внимания не обращают? - поинтересовался Батым - что ж это за охранники?

- Их отдельные люди не интересуют. Здесь много торговцев. И поодиночке, и небольшими караванами проезжают, разве за всеми уследишь! Важно воспрепятствовать неприятельскому войску.

Поселения Акмечеть они достигли за полночь. Заехали в караван-сарай. Там, как обычно, одни спали, другие бодрствовали, приезжали, уезжали - всю ночь продолжалась суетолака. Расспрашивали

путешественников, но двух черкесов никто не видел и ничего сказать о них не мог. Утром поехали на базар, поглядели, поспрашивали, но и там ничего разузнать не удалось. Посетили место продажи невольников, красивых женщин не увидели - лишь измученные, оборванные люди, большей частью мужчины и мальчишки.

- Акмечеть покинули довольно поздно, в пору восхода солнца. Пополудни встретили небольшую речку, которая пересекала дорогу.

- До того места, куда мы едем, - сказал Ерстэм,- до Бахчисарая, никакой реки больше не будет. Так что придется нам здесь отдохнуть и напоить коней. Едва снова пустились в путь, как им повстречался всадник, крымский татарин. На красивом, справном коне, загорелый, с бронзовым отливом кожи, - он был весьма внушительен. На нем было что-то очень пестрое, неведомо, халат или куртка, подпоясанная ярким кушаком. Сбоку висел кривой ятаган. За широкий кушак спереди засунуты два пистолета. Ехал напряженным, крупным шагом, умело и незаметно правя конем.

Ерстэм остановил всадника:

- Не видел ли ты в Бахчисарае двух черкесов, одетых, как мы, или, может, слышал о них?

Всадник внимательно осмотрел Ерстэма и, в свою очередь, спросил:

- Это ваши спутники?

- Можно сказать, что спутники, но не наши... - прикинулся непонятливым Ерстэм.

- Видел я их... - начал татарин и умолк. Поглядев на оседланного коня без седока, которого держал Батым, татарин понял, в чем дело, и добавил: - А-а, понятно. Видел я их, они держали молодого невольника.

- Где, когда? - поспешно спросил Ерстэм.

- Я из Бахчисарая выехал на рассвете. В то же время мужчина с невольником в седле и юноша въехали в Бахчисарай. Красивый невольник! Позавидовал я, большие деньги возьмут. Невольник был с вами?..

- Нет... Это все иначе произошло... Спасибо тебе!

- Ты очень помог нам... Когда Ерстэм передал Батыму то, что сообщил татарский всадник, тот пришел в отчаяние:

- Выходит, мы опоздали! Наверное, сегодня утром ее уже продали. А если так, где же отыщем ее?

- Не думаю, чтобы продали - возразил Ерстэм. -Этот Хату, хоть и негодяй, но, видать, не глупый, наверняка знает, что мы гонимся за ним. Знает также, что, если захватим его на базаре продающим девушку, ему несдобровать. Да и как они будут продавать ее в мужской одежде?

- Так куда же они повезут ее, если не на базар?-не успокаивался Батым.

- Я полагаю, что Хату не впервой возит в Крым невольников. Наверняка у него есть связи с каким-нибудь татарским торговцем. Сам он на базар не поедет, продаст ее работоторговцу и постарается скорее убраться из Крыма. Причем, возвращаться по этой дороге не станет, а поедет через Керченский бугаз.

- Как же быть? Откуда мы узнаем, кому он продал Суанд?

- А это - как посчастливится. Может, тот, кому он продаст ее, выведет девушку на бахчисарайский базар. А может, решит повезти в Стамбул, чтобы выручить за нее побольше. Посмотрим, как получится. Так же, как мы встретили всадника, который видел их, так же можем набрести и на след Суанд. Нынешний базар уже кончился, и наверняка сегодня ее не вывели на продажу. Думаю, что выведут не раньше завтрашнего или послезавтрашнего дня. Дадут отдохнуть, принарядят, прикрасят, чтобы цену набить... Сколько раз я видел, как бедные невольницы на базаре проливают горькие слезы, а разодеты как княжны - пестро и ярко. Ну, посмотрим, как будет. Поехали быстрее!

В сумерках добрались они до Бахчисарая. На самой окраине города жил татарин, знакомый Ерстэма, который пускал приезжих на постой. К нему-то они и завернули. У татарина были обширные конюшни и несколько отдельных домиков, - можно поставить коней и самим отдохнуть.

Ерстэм и Батым только сейчас почувствовали, как измотались в дороге. О еде даже думать не могли - скорее спать, спать!

- Наутро поднялись очень рано и, торопливо позавтракав, отправились на базар.

Тогда в Бахчисарае было два базара. Один внутригородской, а другой на окраине города. Ерстэм по дороге рассказывал Батыму:

- В других городах, например, в Каффе, Гезелеве, Каплу, базары иначе устроены. Там и лошади, и окот, и фураж, и еда, и повольники - все вперемешку. Сутолока, грязь, пыль - зайдешь, потеряешься. А здесь хан очень умно придумал. На внутреннем базаре не допускается торговля скотом и продажа фуража, словом, такие товары, от которых много пыли и грязи, - их место на окраинном базаре. Здесь торгуют фруктами, тканями и прочей мелочью. Хан строго следит, чтобы в центре не разводили грязь. Поэтому, Батым, такого нарядного и чистого базара, как бахчисарайский, ты нигде не увидишь.

Базар и вправду показался Батыму необыкновенным, совсем не похож па тот, что в Каплу. Но и Ерстэму и его спутнику было не до того, чтобы осматривать базар, их торопила тревога, и они направились к месту торговли рабами, которое находилось на окраине базара, под тенистыми платанами.

Сегодня невольников было мало - мальчики и девочки, несколько взрослых мужчин. Девушек совсем не видно. Ерстэм недоумевал: сколько раз он приезжал сюда, всегда продавали женщин и девушек. Он спросил какого-то татарина, и тот объяснил: "Готовятся к завтрашнему дню. Завтра день хана. Работоторговцы приведут сюда самых красивых невольниц, и хан отберет тех, кто понравится ему. До тех пор никто не имеет права продавать девиц". И еще путники узнали, что хану невольницы нужны не только для своего гарема, а для отправки в дар турецкому султану и его вельможам.

Ерстэм повел Батыма по базару, и тот так был ослеплен его великолепием, что на время позабыл тревогу о Суанд. Больше всего он позавидовал огромному количеству отличных железных кос, которые доставлялись сюда из Германии.

- Ой, боги мои! - воскликнул Батым, не в силах оторвать взгляда. - Эх, если бы их все отвезти в наш аул!

Красивые шелка, тонкое белое полотно бокасин, нарядный букаран, астарская крепкая бязь - Батыму никогда не доводилось видеть сразу столько тканей.

Они прошли в мясной ряд. Вдруг позади раздался крик:

- Кокач, кокач!

Обернувшись, они увидели ногайца, перед которым возвышалась груда копченых бараньих туш.

- О боги! - воскликнул Батым. - Кажется, они перерезали всех барашков на свете! В этом ногайцы мастера - хорошо и сушат и коптят бараньи тушки.

Затем добрались до обуви. Глаза Батыма восхищенно зажглись при виде ногайской обуви - катыры. Он снова не удержался и воскликнул:

- Вот откуда, оказывается, привозят к нам катыры! Я искал их в Каплу и не нашел. Мать давно хочет иметь такие. Куплю сейчас, а то потом, может, я их не встречу.

Батым купил пару катыров, и едва их связали веревочкой и передали ему, как отчаянный -воплъ и визг заставил его испуганно обернуться.

- Что это? Что случилось?! - опросил он в тревоге. Ерстэм спокойно усмехнулся и сказал:

- А-а, это муртасиб...

- Что за муртасиб? Почему вопит?

- Не муртасиб вопит, а тот, кого он бьет хворостиной по пяткам. Пойдем посмотрим. Распластанный ниц, на земле лежал крупный мужчина, на спине у него сидел верхом рослый парень. Грузный и брюхатый мужчина в черной татарской шапочке на макушке, с перекинутой через плечо объемистой кожаной сумкой, изо всех сил хлестал хворостиной лежащего по голым пяткам. Тот неистово вопил и причитал.

- Ой, бедняга! - произнес Батым. - За что его? Самое больное место - голая пятка.

- Бьют потому, что воровал, - разъяснил Ерстэм. - Этот с кожаной сумкой - муртасиб. Его должность - проверять весы. У кого весы не в порядке, тот значит, обкрадывает покупателей. Закон: с вора штраф пятьсот аспаров и тридцать ударов по голым пяткам. Вокруг наказуемого собралось много народу. Все были довольны, что он попался, и не только не жалели его, но злорадно хохотали. А муртасиб, не торопясь, отсчитывал - "четырнадцать", "пятнадцать" и размеренно, хлестко бил по голым пяткам.

Когда вышли с базара, Ерстэм в горьком раздумье произнес:

- Что же нам предпринять? Не догнали мы их! У негодьяев оказались прекрасные кони. На целый день опередили пас.

- А может быть, они повезли ее дальше? - высказал предположение Батым.

- Не думаю. Если этот город проехали, то должны везти в Каффу. Но они побоятся, многие их увидят, и таким образом мы обнаружим след... Нет, не повезли ее дальше Бахчисарая, а постарались поскорее сбыть с рук.

- Как мы теперь узнаем, кому Хату продал девушку?

- Попробуем обойти наиболее известных работорговцев. Может, кто-нибудь слышал, они соперничают и следят друг за другом.

Снова вернулись на базар, там удалось узнать, где находится дом одного из торговцев невольниками. Они долго искали его и наконец увидели двор, окруженный высоким каменным забором глухой кладки. Долго стучали. Тучный мужчина, по облику смахивающий на евнуха, открыл калитку. С большим трудом объяснили они этому разжиревшему, тупому человеку, что им нужен хозяин. Евнух, как в сонной одуре, грузно повернулся и ушел. Вскоре появился громадного роста человек. Вид у него был такой, что, раз увидев, никогда не забудешь: "крупное, вытянутое лошадиное лицо, горбатый нос, нависший над губой, большие усы закручены, как воловьи рога. Крупные, мутные глаза навывкате подозрительно блуждали - тяжелый, жуткий взгляд. Он стоял перед ними и, прищурившись, молча разглядывал. Вчера два черкеса привезли тебе девушку-невольницу?" - спросил Ерстэм.

- Нет. Никаких черкесов не было, - с недоверчивой неприязнью отвечал тот. - А они, что, ваши спутники?
у

- Да, мы разминулись и потеряли их. Тогда скажи не знаешь ли, к кому привезли вчера девушку?

- Не слышал такого. Но с черкесами больше связан Огул-бей. Может, он знает.

Разузнав у верзилы, где дом Огул-бея, Ерстэм и Батым направились туда. Жил он на окраине города. Огул-бей оказался живым, энергичным мужчиной, лицо темно-бронзовое, фигурой худощав, жилист и угловат, его манеры и весь облик свидетельствовали о том, что был он, верно, отличным наездником.

Огул-бей сперва тоже встретил их с недоверием, настороженно. Но Ерстэм заверил его, что те два черкеса их знакомые, и они хотели бы повидаться с ними, чтобы переслать в Черкессию важное сообщение. Тогда Огул-бей сказал:

- Вы их уже не найдете. Вчера утром, в пору утреннего намаза, они продали мне свою невольницу, а сами поспешно уехали. Даже отказались пожаловать в дом и поесть.

- А невольница, которую они привезли, какова?

- Даже не знаю, никак не может отоспаться...

- Мы шлем тут одну девушку, если это она, прибавим цепу и выкупим.

Поняв, что им нужна невольница, Огул-бей насторожился.

- Нет! Хоть в три раза дороже заплатите, сегодня показать не могу. Завтра день хана. Пока хан не вы берет, не имею права продавать.

- Кто же об этом узнает? Мы никому не скажем.

- Соглядатаев на свете достаточно. А ханский закон очень строг. Я не хочу лишиться головы.

- Тогда только покажи.

- И показывать нельзя. Вдруг завтра хан выберет ее, а ему донесут, что вы на девушку смотрели, а может, даже баловались с нею, тогда мне тоже не сносить головы. Приходите утром на базар, если хану она не приглянется, тогда о цене договоримся.

Как ни пытались уломать Огул-бея, не удалось. Радуясь, что хоть узнали, где находится Суанд, они ушли, заметив, как Огул-бей, прячась за притолоку калитки, долго и подозрительно глядел им вслед. Когда скрылись с глаз Огул-бея, Батым за поворотом схватил Ерстэма за локоть:

- Давай ночью нападём и разгромим дом Огул-бея. Или освободим Суанд, или погибнем, больше нам ничего не остается! Ерстэм грустно усмехнулся.

- Э, приятель, погибнуть самое легкое дело. Только от пашей гибели Суанд не станет лучше. Мы должны спасти ее. Вот если бы мы догнали похитителей, тогда могли бы действовать по-твоему - или они, или мы. А на стороне Огул-бея законы крымского хана и сила его войска. Если нападём на Огул-бея, столько шума наделаем, что можем и сами в рабство попасть.

Это безумство. Тут надо действовать не только мужеством, но и крепким разумом. Поглядим, что будет завтра на базаре. Волосы, так украшающие женщину, у Суанд обстрижены, будем надеяться, что хан не обратит на нее внимания.

Огорченные, не зная, на что решиться, вернулись они на постоянный двор. Всю ночь Батым не мог уснуть, вставал, снова ложился, охал и вздыхал. Ерстэм лежал затаившись, часто и сухо покашливая. Утром чуть свет они уже были на базаре.

Когда подошли к месту невольничьего торга, невольников только начинали приводить. При них привели две группы мужчин. Трудно без сердечной боли глядеть на несчастных узников, связанных по несколько человек цепями! Одежда в клочья изорвана, видно, боролись и отбивались отчаянно.

Невольниц должны были привезти попозже. Потрясенный удручающим видом невольников, Батым и вовсе пал духом.

- Бедная наша Суанд, неужели и ее довели до такого состояния? Нет, нельзя так! Или спасем ее, или нас зацапают! - жалобно произнес он.

- А ты что думал? Страшнее рабства не бывает несчастья. Работорговля самое гнусное зверство, - со сдерживаемой яростью произнес Ерстэм. - Мы должны спасти Суанд во что бы то ни стало! Наше счастье, если хан ее не выберет... Страшный и нелепый мир!

Торговцы рабами - какие-то чудовища. И ханы такие же... - Ерстэм помолчал и вдруг, словно вспомнив что-то добавил: - А пока давай купим одежду для Суанд, ведь у нас остались только ее шапка, черкеска пояс, кинжал. Стало быть, нужно купить мужское белье, шаровары, обувь и кафтан.

- Где тут купишь адыгскую одежду? - безнадежно махнул рукой Батым.

- Или ты не видел? Здесь такое продается, что у нас не всегда найдешь! Идем скорее!

Ерстэм повел Батыма в какой-то закоулок. Там и вправду на стойках навалом лежали все виды адыгской одежды: черкески, шаровары, ноговицы, чуваки. А больше всего - отрезов домотканого адыгского сукна самых различных цветов и оттенков. Особенно Батыма восхитили кафтаны - шелковые, ластиковые, из бакарана - ослепительно яркие.

- Кто же их покупает? - удивленно воскликнул он.

- Татарская знать любит адыгскую одежду, - по яснил Ерстэм.

Купив все, что требовалось, они уже собирались вернуться на торг, когда Батым снова в изумлении воскликнул:

- О-уй, смотри сюда! И стрелы есть! Откуда же их столько?

Но Ерстэм уже не слушал его, он только торопил -Батыма:

- Скорее, скорее, вот уже и невольниц подводят. Невольницы стояли отдельными группами, однако вид у них не был такой удручающий, как у мужчин. Девушки одеты пестро и нарядно, лица и волосы чисто вымыты. Топкие ткани оттеняли стройные, гибкие девичьи станы, - работорговцы явно стремились, чтобы товар их выглядел привлекательно. Невольницы были связаны между собою веревкой в поясе, рядом неотступно находились евнухи-надсмотрщики.

Работорговец с лошадиной физиономией, знакомый Ерстэму и Батыму, уже был тут. Видно, один из наиболее оборотистых - его невольницы занимали центральное место торжища, ни у кого не увидишь столько живого товара.

Батым и Ерстэм с тревожной торопливостью оглядывали невольниц, но Суанд среди них не видели.

- Выходит, этот негодяй не привел ее сюда? - произнес Батым с отчаянием в голосе.

- Ерстэм, побледнев от волнения, в молчаливой тревоге вглядывался в лица девушек.

Тем временем работорговцы разложили на земле маленькие коврики или просто лоскуты плотной ткани и усадили на них невольниц. По всему видно, что они чего-то ждали. Возле торжища собралось много народа - и покупатели, люди состоятельные и знатные, и просто любопытствующие.

Невольницы, бледные и печальные, сидели горестно уставившись в землю, не глядя па людей, - не трудно угадать, что творилось у них в душах. Были среди них и такие, что утирали слезы, но большинство, отчаявшись, замкнулись в своем горе. Огул-бей первым увидел Батым - он запоздал. У него невольниц было немного, всего шесть девушек. Но все шесть красотой и стройностью затмевали остальных. Огул-бей рассадил их в сторонке.

- Вот Огул-бей! - горячо прошептал Батым. Некоторое время, напряженно вглядываясь, упавшим голосом добавил: - Суанд нет среди них!..

- А ты внимательно посмотри!.. - ответил Ерстэм срывающимся голосом.

- Вот она, увидел! - Батым от волнения заглатывал слова. - Позади всех сидит...

Перед Суанд сидела девушка, каких Ерстэм до сих пор никогда не видел - с необыкновенно белым лицом и такими же светлыми шелковистыми волосами. Казалось, Суанд тщательно прячется за ее спину. Но один раз, пытаясь удобнее усестся, она на секунду приподнялась и Ерстэм разглядел ее.

Огул-бей оказался хитрым - желая показать, что Суанд адыгейка, одел ее соответственно: на ней было платье из бледно-голубого шелка, голова покрыта пестрым шелковым платком, вместо адыгских серебряных застежек на груди нашиты золотые тесемки, адыгский женский пояс подменен широкой плетеной золотистой лентой.

Но Ерстэм не глядел на ее одеяние. Его удивила и обеспокоила какая-то странная перемена, происшедшая в Суанд. Словно она никогда и не носила мужской одежды, сразу вновь обрела девичью хрупкость. Тонкий шелк подчеркивал стройность ее фигурки. И шелковый платок очень шел ей. Вся осанка и то, как она мягко наклоняла голову, придавали ей вид трогательной девичьей нежности. Она показалась Ерстэму еще красивее, чем тогда, когда он впервые увидел ее в Темиргое.

Суанд сидела опустив глаза, по порой быстрым взглядом, исподлобья окидывала все вокруг. Этот-то диковатый и грозный взгляд обеспокоил Ерстэма: не было в нем ни слез, ни горестного отчаяния, зато чувствовалась непоколебимая решительность. Все другие девушки были не таковы, сидели подавленные, увядшие, их лица выражали страдание. А Суанд, напротив, напоминала натянутую тетиву, напряженная и настороженная, ожидающая чего-то. Ома была ослепительно прекрасна, стройна и нежна, но весь облик ее, ошетинившегося, непокоренного дикого зверька внушал неизъяснимый страх.

"Что она задумала, па что решила? - с тревогой думал Ерстэм. - Неужели она не понимает, кому в руки попала? Верно, решив, что жизнь копчена, она только и ждет наступления конца... Это не годится! Как бы поговорить с "ней? Заметила ли она пас?"

- Давай отойдем в сторону, - сказал Батым, - чтобы ей лучше было нас видно.

- Нет, - возразил тот. - Не надо показывать нашу связь. Сама заметит.

Ерстэм внимательно слушал разговоры вокруг.

- Чего они ждут?

- Не знаешь разве? Хан будет выбирать...

- Сегодня не хан, Калга-султан.

- Калга-султан в Акмечети, разве из-за такого дела станет приезжать?

- Когда хана нет дома, Калга-султан его замещает и живет здесь...

- Интересно, тех, кого хан выбирает, он даром берет или платит?

- За красивых девушек хан платы не жалеет...

* Калга-султан - наместник турецкого султана при крымском хане.

- Откуда ты знаешь?

- Один из торговцев мне сказал.

- Так вот почему они нарядили своих невольниц, будто на свадебное торжество...

- "Едут! Едут!.. - прошелестел по толпе приглушенный шёпот. Вскоре показались два верховых, а за ними три крымских воина, тоже верхом. Один из тех, что скакали впереди, одет был по-турецки - на голове белая чалма, с белым же султаном. Крупные черты лица, большой орлиный нос, сам не очень полный, по широкий в плечах, крепко сбитый мужчина.

Второй, в адыгской одежде, так ожирел, что казалось, едва вмещался в черкеску, и лицо у него было неестественно одутловатое, точно распухшее, ни бороды, ни усов. Небольшой, оправленный серебром кинжал нелепо торчал на пухлом животе.

- А ведь это адыг! Откуда он взялся? - спросил Батым.

- О, я и забыл, он здесь живет! - произнес Ерстэм. - Верно, адыг, только не нормальный...

- Почему не нормальный?

- Потому что его, бедного, когда обратили в рабство, сделали евнухом.

- Что это значит? - не понял Батым.

- Ну, его кастрировали...

- Боги мои, разве такое человек делает! - не удержавшись, крикнул Батым. - Какая хозяину польза так изуродовать невольника?

- А вот какая - знатные люди в восточных странах имеют много жен. Чем знатнее человек, тем у него больше жен. Надсмотрщиками к ним приставляют мужчин-евнухов, которые уже ни на что не способны...

- О-уй, что ты только говорить! И этот бедный адыг попал в их число? Какая же у него должность, если он едет рядом с таким важным человеком?

- По здешним понятиям, он занимает довольно крупную должность - гарем- баши крымского хана.

- Что за гарем и что за баши?

- Старший надзиратель над домом, где живут ханские жены. Э, приятель, нелегкое это дело. Я полагаю, что у хана не меньше тридцати, а может и больше жен. Держать в мире и в ладу столько соперниц очень трудно!

- Откуда ты знаешь этого человека?

- В прошлый свой приезд в Бахчисарай я познакомился с ним. Он из абадзехов. Адыгское имя - Ельхот, а здесь его нарекли Мустафой.

- А не поможет ли он нам чем-нибудь?..- неуверенно проговорил Батым.

- Не знаю. Впрочем, почему не попытаться? Если Суанд не попадет в число тех, которых отберут для хана, тогда можно надеяться на удачу. Но если она окажется среди их, вызволить ее будет необычайно трудно...

Тем временем верховые подъехали, спешились. Передние передали поводья сопровождающим воинам и, не обращая ни на кого внимания, не поговорив ни с кем, начали осматривать невольниц. Едва всадники подъехали, девушек заставили встать.

Калга-султан впереди, Мустафа за ним, обходили группу за группой. Калга- султан указывал рукой: "Эту, эту". Он отобрал пять девушек. Потом, подойдя к невольницам Огул-бея, указал на белокурую, что сидела перед Суанд:

-Из какой страны?

Огул-бей, низко поклонившись, ответил:

- Польская девушка, ваша светлость.

- А эта, верно, черкешенка? - произнес Калга-султан, взяв Суанд за подбородок и приподняв ей голову.

Суанд испуганно, но сурово взглянула на него. Калга-султан, словно напугавшись ее серьезного взгляда, быстро отвел руку и добавил:

- Ай, какая дикарка! И как красива! Черкешенку обязательно возьмем!

Отобранным девушкам на лица опустили покрывала, так как они уже считались ханскими. А по мусульманскому закону, лицо женщины, принадлежащей другому, не должны видеть мужчины.

И на лицо Суанд набросили покрывало. Потом всех вывели и поставили в сторонке. Калга-султан отдал какие-то приказания Мустафе, а сам сел на коня и уехал в сопровождении двух воинов. Третий воин и Мустафа остались. Со сложенной вдвое плетью в руке Мустафа стал расхаживать перед девушками, поджидая кого-то.

- Ты пока здесь постой, - бросил Ерстэм Батыму и, выбравшись из толпы и обойдя ее вокруг, подошел к Мустафе.

- Ельхот! - тихо окликнул он.

Мустафа испуганно обернулся и некоторое время словно не узнавая, смотрел на Ерстэма недоуменно и строго. Вдруг его одутловатое лицо озарилось радостью.

- Не Ерстэм ли это? Откуда взялся? - и он приветливо поздоровался за руку.

Воину, который держал двух лошадей, Мустафа сделал знак смотреть за невольницами, а сам повернулся к Ерстему

- Наш Бахчисарай редко лежал на твоём пути, Ерстэм, что тебя привело сюда? - спросил он. - Может быть, ты привез красивую адыгскую девушку? Ерстэм негодуя отшатнулся и с упреком воскликнул:

- Неужели ты, Ельхот, мог подумать обо мне такое?

- Не потому, что я считаю тебя... - смутившись, запнулся Мустафа. - Но кто знает? Я не раз видел, как адыги привозят рабов. Здесь весь мир состоит из невольников...

- Девушку не мы привезли, мы прибыли в поисках ее, - сказал Ерстэм приглушенным голосом.

У Мустафы стали испуганные глаза. Понизив голос, он спросил:

- Как это?! Если ты за ней приехал, почему раньше не сказал?

- А где я мог с тобой увидеться? До тебя ведь трудно добраться. К тому же мы только приехали...

- Так вот какое дело... - понимающе произнес Мустафа и переменился в лице. - Неудачно получилось!..

- А девушка что, твоя родственница?

- Как бы там ни было, она наша девушка, и мы виноваты что негодяи похитили ее. Пока по следу шли, оказалось ее продали.

- Если бы просто продали, вы могли бы ее выкупить а теперь дело непоправимое, ничего не поделаешь и ничем, не поможешь.

- Тем не менее, Ельхот, если ты вскормлен молоком адыгейской матери и в тебе еще бьется адыгское сердце, ты должен нам помочь. Я и сам понимаю, как все трудно. Но давай вместе подумаем. Здесь не место для разговора, встретимся где-нибудь. Лучше всего приходи в тот духанчик, где мы впервые с тобою увиделись.

Мустафа подумал и согласился.

- Это подойдет, - сказал он. - Я только туда и хожу, чтобы остаться наедине с моими горькими думами. Ладно, когда муэдзин призовет к полуденной молитве, я приду. В этот момент подъехала нарядная крытая коляска, запряженная тремя белыми лошадьми. Мустафа быстро усадил в нее девушек.

Сопровождаемая с двух сторон Мустафой и воином, коляска укатила.

Едва они уехали, как над торговым двором поднялся шум и говор. Торговцы снова усадили девушек, откуда-то притащили сколоченный из досок длинный стол и, поставив посередине, положили на него деревянный молоток. Торг начался.

Но все это уже не интересовало Ерстэма. Поспешно отыскав Батыма, он торопливо сказал:

- Не знаю, что нас ждет и что удастся, однако мы должны быть готовы к тому, чтобы сегодня тронуться в путь. Надо купить побольше провизии на обратную дорогу. И пусть мне придется сжечь дотла ханский дворец, но я не уеду отсюда, оставив им Суанд! - словно клятву произнес он...

Наказав Батыму никуда не уходить до его возвращения, Ерстэм ровно в полдень вышел с постоянного двора. Довольно долго прохаживался он по узкой улочке, где находился небольшой духанчик. На минарете мечети что была неподалеку, муэдзин прокричал призыв к молитве. Вскоре показался грузный Мустафа, и они вместе вошли в духан. Хозяин-турок встретил Мустафу с подобострастием. Он указал ему укромный уголок, отгороженный от зала.

- Прежде всего подай турецкую бузу, - приказал Мустафа. Когда хозяин отошел, он обернулся к Ерстэму и повторил: - Это единственное место, куда я хожу. Сюда приходит несколько моих знакомых играем в нарды. Я с трудом добился разрешения у хана на это скромное развлечение. Когда живешь в ханском доме, бродить по городу не полагается.

Хозяин принес кувшин с шипящей турецкой бузой Мустафа разлил ее, и, взявшись за свои кружки Ерстэм и Мустафа растерянно и выжидающе посмотрели друг на друга, словно не зная, с чего начать разговор.

Надув пышные щеки, Мустафа горько и шумно вздохнул:

- А знаешь, что натворила ваша адыгская девушка? - невесело улыбнулся он и опустил голову.

- Что, что?! - тревожно проронил Ерстэм. Ожидая неприятного известия, он невольно нагнулся над столом, подавшись к Мустафе.

- Ну, не то чтобы нечто особенное... - начал Мустафа и умолк. Посидев немного, продолжал: - Я даже удивился: настоящая адыгская девушка! Она напомнила мне об адыгском мужестве и чувстве собственного достоинства. Ее поведение - горький упрек мне. Знаешь, когда новую женщину вводят в дом хана, я всегда попадаю в затруднительное положение. У хана немало жен, и нет существ более несчастных, чем эти гаремные затворницы. Их кормят, одевают, но удел их - что у собак на привязи. У них и нравы и повадки злых цепных собак. Ссорятся из-за лишней ночи на ханском ложе. Все думы только на этом и сосредоточены.

Как они грызутся! И все неурядицы, все злые страсти я должен разобрать и утихомирить. Хан изменчив в своих привязанностях, не угадаешь, какая из жен сегодня ему будет милее всех. То возлюбит чернооую, потом увлечется белокурой. То предпочитает пышную и дородную, а то худенькую. Бывает, что ему прискучат красавицы, и он избрет наложницей курносую, широкоскулую, безобразную. Последнее время его привязанность - красивая персияночка по имени Зулиха Так, ничего особенного, большеглазая, смуглая, но хороша, фигурка стройная. А нрава ядовитого я таких еще не встречал. Капризная зазнайка. Издевается над другими женщинами, может даже и ударить. Немало мне крови испортила сварами, что из-за нее разгораются в гареме.

-Когда мы сегодня привезли девушек и готовили для них комнаты, я их повел в галерею с фонтанами. Ханские жены собрались вокруг и стали с любопытством их разглядывать.

- Знаешь, не всех девушек, которых покупает хан, он берет в наложницы. Множество красивых женщин отправляет в Стамбул, в дар турецким вельможам. Вот и сейчас он с войском ушел в поход, чтобы добыть побольше невольниц. Раздарит, продаст, а тех, которые ему приглянутся, возьмет себе. Ханские жены знают об этом. Вот они и разглядывали новых девушек, гадая и споря о том, какую из них хан облюбует. Я как раз вышел куда-то, и мне рассказали, что они решили будто выбор хана падет на вашу черкесскую девушку. Персиянка Зулиха, услышав об этом, вскипела гневом.

А те бедняжки, новенькие, испуганные и удивленные роскошью, в которую они попали, боязливо оглядывались и жались друг к другу.

Зулиха быстро убежала к себе в комнату и вскоре явилась снова. Точно кошка, готовящаяся к прыжку, вороватыми тихими шагами стала она грозно подступать к вашей адыгейке, беззастенчиво строя оскорбительные гримасы. Угрожающе шипя, несколько раз прошлась перед ней. Наконец она приблизилась и плечом с силой толкнула ее. Та недоуменно посмотрела на Зулиху, но не двинулась. А Зулиха совсем разошлась. Схватила адыгейку за шею, делая вид, что собирается задушить. Та отбросила ее руку и снова ничего не сказала Зулиха рванулась, намереваясь ущипнуть соперницу за щеку. И тут ваша девушка молниеносно ребром ладони ударила Зулиху по руке. Она от боли завизжала и начала охать, стонать. Разъяренная, выхватила из-за корсажа блестящий ножичек и кинулась на адыгейку. А та, теперь уже не сдерживаясь, шагнула навстречу, схватила Зулиху за кисть и с силой вывернула. Зулиха еще громче завопила и выронила нож. Другие жены, решив, что адыгейка переломила Зулихе руку, заволно вались - поднялся суматошный крик, переполох.

Услышав гвалт, я прибежал. Зулиха перепуганная, стояла вытянув руку, причитая и вопя. У адыгейки такой гнев сверкал в глазах, что и меня робость взяла.

Услышав про нож, я прежде всего потребовал что бы они сейчас же его отдали мне. Но ножа нигде не было, и никто не желал признаться, что подобрал его.

А знаешь, что такое нож в ханском гареме? Это недопустимо! Но как я ни требовал, ни искал, нож исчез. Я-то догадываюсь, что его в суматохе адыгейка схватила и припрятала. Но при всех не стал обыскивать ее я поскорее увел в отдельную комнату и запер. Вот какая она, ваша девушка! Едва появилась во дворце, сразу переполох наделала. Но я доволен что она хорошенько проучила эту злюку Зулиху. Должно быть, бедовая девушка! Ерстэм облегченно вздохнул и проговорил:

- Если только это случилось, беда небольшая! Наша девушка из таких, что обиды не стерпит. Если останется рабыней, долго не проживет. Сегодня, увидев ее на базаре, я понял, что не дорожит она жизнью и готова предпочесть смерть. Вот, Мустафа, если ты можешь когда-нибудь что-нибудь сделать для адыгов, которые родили а вскормили тебя, помоги выручить Суанд... Мустафа, потупившись, глубоко задумался.

- Я готов помочь, но что в моих силах? - сказал он нерешительно. - Если из гарема исчезнет хоть одна женщина, будь она дорога хану или безразлична, он снимет с меня голову. Ты не знаешь, каковы ханы! Их путь усеян сотнями казненных. Для них человеческая жизнь - ничто. Ерстэм осуждающе поглядел на него.

- Я знаю их жестокость, - сказал он. - Но ты разве не адыг? Сколько времени станешь прощать надругательство, что совершили они над тобой? Ну, будь ты рабом на привязи, поневоле пришлось бы мириться. Хоть он и хан, а ведь всего лишь человек с черным сердцем. И после того как он надругался над тобой, покорно исполнять его волю, стать пастухом его жен! Нет, такого позора адыгеец никогда бы не пережил! Обида сжигает мое сердце. Помнишь, при первой нашей встрече я все открыто высказал тебе. Если не способен отомстить за себя и нужна тебе помощь, окажи. Отвезу девушку домой, вернусь и стану мстить вместе с тобой или вместе с тобой погибну. Пусть люди скажут: "Адыги не прощают обиды, погибли, как подобает мужчинам".

Нет человека, которому не предстоит смерть, так лучше сложить голову в борьбе, чем с позором носить ее.

Долго сидел Мустафа низко опустив голову, и наконец жалобно произнес:

- Все справедливо, Ерстэм, что ты говоришь. - После того, как они совершили это надо мною, я решил, что придется мне довольствоваться куском хлеба и кое-как век доживать, не человек я больше и что мне до позора? Хотел смириться со своим положением, но нет, не могу. Самая большая беда, что голову мою оставили прежней, и лишь туловище изуродовали. Голова-то у меня адыгская, и самолюбие адыгское, и адыгский нрав. Если бы надругательство совершил надо мною хан, проще было. Тогда, хоть и сложил бы голову, а уничтожил его и тем смысл бы свой позор.

Но злодейство совершил надо мною один знатный негодяй из крымского племени ширин. Я был у него рабом, и он заподозрил меня в связи со своей рабыней и, даже не ятытаясь разобраться, виноват ли я, приказал совершить надо мною это... Душа у него не содрогнулась. "Спокойнее будешь жить!" - равнодушно сказал он и расхохотался мне в лицо. Но, отзываясь, он зорко "приглядывался ко мне и, поняв по моему нраву, что я не прошу ему надругательства, подарил меня другому бею из его же племени. А тот бей за то, что я хорошо держался на коне и искусно владел оружием, стал брать меня с собою в походы. Я примирился было с этой вроде бы мужской жизнью. Вернуться домой к своим адыгам стыдился. А новый бей относился ко мне человечно.

Однажды мы с ним в составе ханского войска отправились на войну. Как все было, долгий хабар. Короче, получилось так, что я спас жизнь нынешнему хану. Он взял меня к себе, и с тех пор я служу ему. Но желание мести растет с каждым днем. Одно у меня желание: отомстить злодею, надругавшемуся надо мной. Он живет довольно далеко отсюда, и если я решусь осуществить месть, придется мне бежать от хана. Очевидно, час мой настал.

- Вот и хорошо! - обрадовался Ерстэм. - Соверши свое дело и возвращайся в наш край. Разыщешь родичей. заживешь человеческой жизнью. Будешь дышать родным воздухом, есть адыгскую пищу, жить среди адыгов. Если нет у тебя денег, скажи, я дам. Не захочешь искать родственников, приходи к нам в аул построим тебе дом по соседству, станешь своим человеком.

- Да, срок мой настал... - повторил Мустафа, следуя за тяжелыми думами, ему одному ведомыми

- Спасибо, Ерстэм! Я много о тебе слышал знаю о твоей человечности и щедрости. Верю, что ты не просто слова говоришь, но и выполнишь их. Но я не хочу впутывать тебя в свое дело, его нельзя совершать открыто. Одной храбрости, тут мало. Есть у меня уже и тайные соучастники, и деньги. Ну, а там, если посчастливится и удастся вернуться в наши края, я тебя разыщу. А сейчас начнем-ка мою месть со спасения вашей адыгейки. Сегодня к полуночи будьте готовы. За дворцом есть большой сад, окруженный высокой каменной оградой. Как раз напротив сада проходит узкая улочка. Остановитесь в конце ее. Большой сук перевешивается через ограду, вы следите за ним. Три воина постоянно ходят с внешней стороны ограды. Когда девушка покажется, смотрите, чтобы кто-нибудь из охранников не помешал вам. Если потребуется, уберите бесшумно, лучше всего стрелой. если дело нам удастся, мне оставаться в ханском дворце будет нельзя, значит, начнется и мое дело!

- А как ты думаешь переправить девушку через такую высокую ограду? - живо спросил Ерстэм.

- Она у вас ловкая? - вопросом ответил Мустафа. - Сможет подняться на дерево и проползти по толстому суку?

- Эта девушка все может. В седле держится, как бывалый наездник.

- Я научу ее сорвать штору с окна, разрезать на широкие полосы, а из полос связать длинный жгут и по нему спуститься. Дверь, ведущую в сад, я оставлю открытой, чтобы она могла выбраться из дворца. А то дерево, на котором большой сук растет, как раз против ее окна. Я все это ей скажу и дам черное одеяние. Вот все что я могу сделать. Но вы должны стараться не произвести ни малейшего шума. Помните, воины, готовые явиться по первой тревоге, находятся во дворе, недалеко от дворца. Ну, а если до этого дойдет, то и девушку вы не спасете и сами головы сложите.

Я рад, Ерстэм, что встретил тебя. Ты очень помог мне. Дай бог, чтобы мы встретились на родине в добром здравии!

Расставшись с Мустафой, Ерстэм прежде всего отыскал маленькую улочку, что подходила к ограде ханского сада. Нашел и большой сук, висевший над оградой, и лишь после этого вернулся на постоянный двор. Вместе с Батымом они все приготовили в дорогу и предупредили хозяина, что в полночь уедут.

Заблаговременно оседлав коней, привязали к торокам бурки и переметные сумы. Одежду для Суанд сложили отдельно наготове. К полуночи пошли на улочку. Почти в самом конце ее обнаружили небольшой куст и встали за ним. Ночь была безлунная, но три свете звезд довольно явственно видна ограда и сук над ней - все близко от них - как раз в досягаемости стрелы. Вдоль ограды время от времени по очереди проходили воины-охранники в шлемах и нагрудных латах, в одной руке они держали медный щит, в другой длинную пику. Спокойно, ритмично обходили ханский дворец и сад.

Прохожих здесь не было, видно страхась самого имени хана, люди избегали эту улицу.

- Если придется убрать охранника, не промахнешься Батым? - шепотом спросил Ерстэм. - Надо целиться в шею или в глаза, а не то на груди и на спине у них медные латы.

- Если промахнусь, отрублю себе руку! - клятвенно произнес Батым.

- Но ведь темно, ты хорошо видишь?

- У меня волчий глаз! На охоте в темную ночь бью волка без промаха, а тут...

Как говорится, волнение нетерпеливо - Ерстэму и Батыму казалось, что они ждут уже целую вечность. Охранник много раз проходил под деревом, за которым они следили. Ерстэм забеспокоился: как бы не рассвело? С тревогой поднял глаза на небо и отыскал Семь звездных братьев. "Нет, время еще едва перешагнуло за полночь..." - успокоению подумал он.

И все же Ерстэм не мог не тревожиться - ведь дело шло о жизни и смерти Суанд. Кто знает, что может случиться.

Но вот, наконец, на суку появился едва различимый темный ком. Как раз в этот момент под деревом мерным шагом прошел охранник. Он немного отошел и ком на суку зашевелился, продвинулся и, очутившись над тротуаром, застыл в неподвижности (видимо Суанд привязывала веревку). Затем ком стал медленно спускаться, теперь на фоне серой ограды он уже был заметнее.

- Батым, готовь лук... - прошептал Ерстэм.

Батым наложил стрелу на тетиву и крадучись прошел до конца улицы. Ерстэм бросил взгляд в сторону дерева, и от того, что он увидел, у него перехватило дух. Едва девушка спустилась до середины веревки, как подбежал охранник и стал под ней, задрал вверх голову. Суанд, слегка покачиваясь, остановилась на весу.

Ерстэм в отчаянии схватился за пистолет. Но в этот момент Батым опустил стрелу. Охранник, хватаясь за горло, повалился на спину. Суанд камнем упала наземь и стремглав бросилась к улочке.

Батым схватил ее за локоть и быстро увел в тень. Ерстэм подбежал к ним, надел на голову Суанд ее шапку, которую прихватил с собой. На ней был какой-то черный балахон, и, если посмотреть со стороны, их можно было принять за трех адыгов, укутанных в бурки.

Они бежали во всю мочь, пока не отделились от ханского дворца. Когда кривая улочка вывела их на более широкую, где уже могли встретиться люди, пошли медленнее. Ерстэм все время прислушивался, но позади ничего не было слышно.

На постоялом дворе они быстро и бесшумно переодели Суанд в мужское платье.

Пока не покинули пределы города, ехали шагом. А когда миновали городскую черту, Ерстэм приказал:

- А теперь поскачем так быстро, как только смогут наши кони! Пока весть о побеге не дошла до турецкой крепости Ор-Капы, мы должны проехать Перекоп. Они мчались остаток ночи, мчались остаток ночи, мчались и весь следующий день. Лишь иногда коней переводили на шаг, давая им отдышаться, а затем опять пускались крупной рысью. Если показывался встречный, принимали вид беспечных путников, снова двигаясь неторопливым шагом. К вечеру добрались до речки Чатырлык, протекающей недалеко от Перекопа. Кони были измучены и Батым предложил:

- Лошади могут задохнуться. Сделаем привал у речки, теперь-то уж ничего не случится. Но Ерстэм не согласился:

- Их вестники вот-вот доберутся сюда, сообщат обо всем в крепость, и они перекроют переход. А гонцы-то не будут, как мы, тащиться на усталых конях, а поскачут на подменных, свежих. Наше счастье, если во дворце не сразу спохватились. Лошадей напоим, и они немного приободрятся. Во что бы то ни стало мы должны миновать Ор-Капы, уже недалеко.

- А можно ли поить таких утомленных коней? -

засомневался Батым.

- Ничего не случится, если после этого мы тотчас же разгорячим их быстрой ездой, - ответил Ерстэм.

На заходе солнца они поравнялись с крепостью Ор-Капы и спокойным шагом проехали мимо. Никто их не встретил, никто не заинтересовался ими.

- Похоже, наше счастье взяло верх: весть о происшествии в ханском дворце еще не дошла сюда, - облегченно вздохнул Ерстэм. - Миновать бы эту узкую полосу, и можно считать, что мы уже дома. Впрочем, если хан вскоре вернется, может разослать вестников к Джамбулакским ногайцам и к ногайцам правобережья Пшиза с приказом перехватить "адыгских всадников с девушкой".

Были ранние закатные сумерки, когда Перекоп наконец остался позади. Вскоре они добрались до развилки. Ерстэм остановил спутников и спросил их:

- Надо решить, куда направить свой путь. Направо дорога идет к Тену - в нашу страну. Налево - в страну урусов, она же ведет в Запорожье. Будем продолжать поиски молодого человека или Суанд слишком измучена и предпочитает вернуться домой? Батым вопросительно взглянул на девушку.

- Если вы не очень устали и готовы сопровождать мне, я хотела бы отправиться на поиски брата, - тихим, грустным голосом ответила Суанд. - У меня нет дома, и единственный, кто остался из родных - брат. Потону самое для меня важное - отыскать его.

- У нас причин для усталости нет, мы, мужчины, привыкли жить походной жизнью. Я считаю такое решение правильным, - довольно сдержанно сказал Ерстэм. - Раз отправились на поиски, лучше не возвращаться, пока не проверим достоверность хабара, что Дошел до нас. До сих пор наше счастье брало верх. Кто знает, может, и дальше нам посчастливится. И еще одно, почему сейчас нам лучше ехать в Запорожье

Если пошлют погоню, то, конечно, направятся в нашу сторону, к Тену, значит, мы и след затеряем, и дело сделаем. А ты, Батым, как думаешь?

- Вы правы, так будет разумнее, - согласился Батым. - Хотя наши кони очень утомлены, но все же нам лучше подальше отъехать от Крыма. Теперь можно не торопиться, поедem спокойно.

С момента освобождения Суанд Ерстэм впервые заговорил с нею. До этого лишь односложно спрашивал: "Устала?", "Сможешь еще немного проехать?" - Суанд, отводя взгляд, так же немногословно отвечала: "Обо мне не беспокойся, я не усталая".

Ерстэм не мог преодолеть свою обиду. И сейчас он больше всего был обижен на Суанд. Как ни пытался он в который раз объяснить себе то положение, в каком она оказалась после гибели всей семьи, и разумом

будто понимал ее нежелание втягивать в дело чужих людей, чтобы не накликать беды на их головы. Чужих! Вот это-то более всего и ранило Ерстэма, как же она могла и его причислить к чужим ей людям. Воскрешая в памяти тот день в ауле Альджерукай, вспоминая их танец на джегу, он все больше и больше убеждался, что Суанд поняла значение его восхищенного взгляда, почувствовала, как сердце его раскрылось ей навстречу. Так разве не вправе был он ожидать от "ее если не ответной любви, то хотя бы доверия?"

Ворочая в мозгу горькие думы, Ерстэм ехал, понуро опустив голову. И у него невольно возникла отчужденность к своим спутникам. Он не знал, как теперь вести себя с девушкой, о чем с ней говорить и избегал в пути оказываться рядом с Суанд.

Немало удивляло Ерстэма и поведение Батыма. Пока не переправились через Тен, он, оставаясь наедине с Суанд, без конца о чем-то шушукался с нею. Теперь эти потаенные разговоры прекратились, Батым тоже угрюмо молчал. Может он чувствовал, что происходит между Ерстэмом и Суанд, но не находил возможным вмешаться?

Около полуночи они подъехали к небольшой тиховодной речушке и решили здесь остановиться на привал. Свернув с дороги вдоль речки, забрались далеко в лес и спешили. Ерстэм тоном, не допускающим возражений, сказал:

- Черед Мазитля стоять в дозоре кончился... - он нарочно подчеркнул вымышленное имя - "Мазитль" как бы напоминая этим, что Суанд обманула его. - Батым, устрой Суанд удобную лежанку, пусть отдыхает.

- Я не так уж устала...-начала было девушка, но Ерстэм оборвал ее:

- Довольно скрытничала, теперь слушайся старших! То, что ты вытерпела, верно, и я не смог бы вынести. Отдыхай. Сейчас поставлю лошадей, и поужинаем. Разводить огонь нельзя, придется довольствоваться тем, что есть в наших сумках.

На третий день в пору, когда солнце поднялось на высоту в три дуба, они увидели на обочине дороги четырехугольную высокую вышку, сколоченную из брусьев. На ее верхушке лежала плетенка, а на плетенке построен маленький шалашик. К угольному столбу наверху прикреплен шест, на конце которого привязан клок сухой соломы - торчал этот шест, как тревожно протянутая рука.

На вышке сидел казак, а внизу, в тени, охраняя двух пасущихся коней, лежал его товарищ.

- О-уй, что за диво? - воскликнул Батым. - К какой границе мы приехали?

- Это граница земель Руси, - пояснил Ерстэм. - Такие вышки устраивают казаки. Видите клок соломы. Если покажется вражеское войско, подожгут его, и огонь станет знаком тревоги. На далеком расстоянии друг от друга тянутся по Запорожью такие вышки. Увидев на передовой огонь, подожгут на следующей. Вот так и полетит весть о нашествии вражеского войска. Казаки-охранники не обратили особого внимания проезжих, и после того как вышка осталась позади Ерстэм добавил:

- Теперь-то мы можем ничего не опасаться. На Руси торговля рабами запрещена. Разве что заберутся сюда небольшие группы татарских или ногайских налетчиков.

На следующий день им стали встречаться всадники Батым, который до сих пор не видел запорожских казаков, немало дивился:

- Да они пестрее крымских татар разодеты!

Солнце уже клонилось к закату, когда они увидели едущих им навстречу четырех верховых.

- Вот их можно будет расспросить о Туркубие, - сказал Ерстэм. - Центр запорожского войска, кажется, недалеко, и, возможно, кто-нибудь слышал о нем, если только верен хабар, дошедший до Темиргоя.

Всадники приблизились. Эти были куда наряднее, чем те, на которых обратил внимание Батым. Казалось, что они укутаны во множество разноцветных тканей. Поверх этой пестроты широкий кушак, за который засунуто два пистолета. По бокам у каждого висело множество разных принадлежностей - рожок-

пороховница, кожаные сумочки. За спиной торчало длинное ружье. Сбоку у каждого - кривая турецкая сабля. Шапки заломлены назад, и каждая с необычайно ярким верхом - у всех четырех разного цвета. А шаровары такие широкие, что Батым, не перестающий удивляться, громко воскликнул:

- Не пожалели ткани! Да в их шароварах может уместиться еще по одному человеку.

Все четверо были очень молоды, пушок едва пробивался над губой. Они ехали, беспечно переговариваясь, весело посмеиваясь, но, увидев всадников в адыгской форме, насторожились и умолкли. Один из них выехал вперед, напряженно разглядывая путников. Одет он был, так же, как и его товарищи, но лицом отличался. Ерстэм это сразу заметил, но не успел поделиться своими наблюдениями со спутниками, как раздался голос Батыма:

- О-уй, что за диво я вижу!.. - и, ударив коня, он рысью пустился навстречу казакам.

Казак что опередил товарищей, тоже пустил вскачь коня. Они съехались и круто осадили лошадей.

- Батым!

- Туркубий!

Соскочив с коней, они бросились в объятия, потом разняли руки, внимательно рассматривая друг друга, и снова обнялись.

- Туркубий!.. - Суанд с плачем бросилась на грудь брату.

7

Отыскав брата, Суанд внезапно расслабилась, словно во всей силе ощутив непомерную тяжесть перенесенных бед и мучений. Куда девались ее мужество и выдержка? Она разом превратилась в беспомощную, хрупкую девушку. И слезы, так долго сдерживаемые, обильно лились из ее глаз. Незачем теперь ей играть мужскую роль - у нее есть брат. А раз в доме появился мужчина, ему и принадлежит мужская доля.

Но Туркубий, как положено мужчине, не разделил ни слез, ни причитаний сестры. "Перестань, что было, то прошло, а будет так, как посчастливится", - ласково проговорил он. Но Суанд, уткнувшись лицом в грудь, продолжала судорожно рыдать.

Туркубий мягко отстранил сестру и поглядел на Ер" стэма, который стоял поодаль. Батым скороговоркой что-то сказал ему и Туркубий, освободившись из объятий Суанд, направился к нему.

- Выразить словами то, что ты сделал для нас, я не могу Ерстэм. Язык не поворачивается сказать простое слово "Спасибо!". Всю жизнь я буду хранить в душе благодарность тебе! Если понадобится, готов принести в жертву жизнь свою! - торжественно произнес Туркубий и пожал Ерстэму руку.

- Вот как все хорошо уладилось! - растроганно произнес Ерстэм. - А я уже побаивался, что Суанд не перенесет тяжести дальнейшего пути. Видишь, сколько скопилось у нее горестных слез! А ведь до сих пор держалась молодцом...

Туркубий обернулся. Суанд уткнувшись лицом в свое седло, продолжала всхлипывать. Батым пытался ее утешить. Ведя на поводу коня, Ерстэм подошел к Суанд. Гурку б ни следовал за ним.

Суанд быстро отерла глаза раз-другой судорожно вздохнула, покорно ожидая, что скажут мужчины.

- Поговорить после успеем - мягко и ласково произнес Ерстэм. - А сейчас надо решить как поступать дальше. И это в первую очередь зависит от тебя Туркубии. Сейчас ли отправимся домой или у тебя есть еще здесь дела?

Туркубии замялся.

- Делами-то сейчас я никакими не связан Мы с моими спутниками проверяем вышки и везем провизию дозорным.

- Они без тебя не могут справиться? - вмешался в разговор Батым.

- Это и один человек может сделать. Но здесь встречаются группы ногайских всадников, и потому в пограничные места мы поодиночке не ездим.

- Тогда какой разговор: скажи товарищам, что отправляешься с нами. И тотчас в путь, домой! - настаивал Батым.

- Так нельзя... Я должен хотя бы ненадолго вернуться... - смешался Туркубии.

- Когда я раньше бывал здесь, заметил, что у запорожских казаков, кроме коня и снаряжения, никакого имущества нет. И у тебя, наверное, тоже. Так зачем возвращаться? - спросил Ерстэм.

- Все верно. Но попрощаться с друзьями... - продолжал мяться Туркубии.

- Нет, не годится тайком уезжать. Или вы погостите у нас, я пока все приготовлю к отъезду, или езжайте домой, а я следом за вами.

- Допустимо ли то, что ты говоришь? - набросился на него Батым. - Не видишь разве, как исстрадалась единственная твоя сестра?! Оставшись одна, она заняла в семье место мужчины...

Поведение Туркубия рассердило Ерстэма, и он, стараясь сдержаться, язвительно заговорил:

-Странные вы, мужчины Темган: кичитесь мужеством бравируете бесстрашием, а сами дали врагам дом разгромить, убить родных, а остальных увезти в рабство. Ты - единственный мужчина из вашей семьи, оставшийся в живых, и то лишь благодаря тому, что тебя продали в рабство. Счастливым, что спасся от врагов, ты, бездумный и беспечный, болтаешься в чужом краю. Тебя не тревожит судьба сестры, не беспокоит мысль о возмездии! Ваша сестра взяла на слабые женские плечи дело мести, она старалась не дать потухнуть огню в вашем очаге. Более того, узнав, что ты жив, пустилась на поиски проделав такой долгий путь, перенесла столько мучений! И после этого ты цепляешься за какие-то ничтожные дела и хочешь заставить ее снова волноваться за тебя?! Подобаает ли такое мужчине?

Туркубий сначала покраснел, потом кровь схлынула с лица, он не находил слов, чтобы возразить Ерстэму, Суанд бросилась к брату, стала ласкать его, умолять:

- Поедем вместе! Столько бед навалилось на нас, свет очей моих! Или ты не знаешь, что нет у нас ни дома, ни очага своего, а те, кто зарубил нашего отца, еще живы? Или ты страшишься? Если боишься, забудь о них, о мести, только бы горел огонь в нашем очаге...

Поедем, мой единственный, родной!

Туркубий вконец расстроился, на глаза его навернулись слезы, он прижал голову сестры к своей груди и, словно приняв внезапное решение, торопливо сказал:

- Ладно, не такие уж важные дела меня удерживают. Не горюй, сестренка, я сделаю все, чтобы ты позабыла пережитое! - и он решительно направился к казакам, что-то сказал им, и те подошли к адыгам, приветливо поздоровались. Узнав, в чем дело, они, не в пример Туркубию, сразу стали на сторону Ерстэма.

- Какой может быть разговор! Надо ехать! Экое счастье иметь сестру, которая отправилась в такую даль, чтобы разыскать тебя! А если захочется нас, друзей твоих повидать, приезжай. Ведь и мы время от времени ездим домой...

- Я собирался на родину, на днях хотел выехать...-пытался оправдаться Туркубий.

Ерстэм почувствовал, что юноша оставляет кого-то или что-то очень дорогое, но расспрашивать не стал.

"Если захочет, придет, для мужчины это не такая уж непреодолимая даль!" - решил он.

Тронулись в путь. Ерстэму было грустно, он вдруг понял, что отныне совершенно лишний среди своих спутников. Брат и сестра, их дядя по матери - Батым, найдя друг друга, завели бесконечные рассказы о пережитом. И он то опережал их, то отставал и ехал один. Порой Батым, понимая, что не годится оставлять его, присоединялся к Ерстэму, но ненадолго. Ерстэм видел, что его так и тянет, к родичам.

Однажды отстав от спутников, Ерстам со смешанным чувством обиды и тревоги, стал наблюдать за Суаад, Она уже, не пыталась держаться мужественно ехала разбитая и расслабленная, во всем облике ее чувствовалась изнуренность. "Бедняжка!.." - острая жалость пронзила сердце Ерстэма. Ему захотелось подъехать, схватить ее в охапку и долго нести, чтобы отдохнуло её измученное тело.

Но тут же он заметил, что Суанд то и дело, протягивая руку, нежно поглаживает обретенного брата. И Ерстэму показалось, что она о нем позабыла, что ей все равно, с ними Ерстэм или нет. Горькое чувство обиды охватило все его существо. Ну конечно, ей нужна была только помощь, никаких иных чувств к нему она никогда не испытывала. Его дело сделано, кончилась и нужда в нем. Сейчас он им только в тягость, он им чужой...

Так не лучше ли сказать, что ему надо свернуть на север, проведать русского друга Матвея? Но это показалось ему "недостойным". Суанд - женщина, он должен довести ее до того места, откуда начался "их поход. Да и как обижаться на бедняжку? Сколько бед и мучений пережила она! Можно ли упрекать за то, что, отыскав брата, она на радостях забыла о чужом человеке?

Они ехали не спеша, спокойным шагом. Часто останавливались на "привалах, полуденную жару переживали в тени, у воды. Никаких тревожных признаков, что ногайцы следят за ними, не было. Они держались северной окраины ногайской земли - сюда, верно, еще не дошла весть о происшествии в ханском дворце.

Во время привалов Туркубий рассказывал о своих приключениях. Но Ерстэм чувствовал, что рассказывает он не всю правду, кое-что старательно утаивая. И о том, что он утаивает, Ерстэм смутно догадывался.

Когда Турхубия привезли в Турцию, продали в богатую семью, где поначалу за ним строго следили. Даже в кандалы заковали. Так .прошел год. Он понял, что сопротивляясь открыто, ничего не достигает, и прикинулся смирившимся. Постепенно хозяева стали доверять ему все больше, посылали, на базар за свежей рыбой, отправляли на берег моря - и наконец поверили, что приручили его.

"И в самом деле, житье мое было не так уж плохо", - уклончиво говорил Туркубий. Так продолжалось, пока не встретил он запорожского казака, прибывшего в Турцию по каким-то секретным делам. Узнав, что Туркубий невольник из черкесов, он отнесся к нему с доверием и поведал тайну: в Крым должна прибыть группа запорожцев для вызволения из неволи нескольких казаков.

Туркубий оказал своему знакомому кое-какие услуги и присоединился к отряду запорожцев, который, прибыв ночью и забрав своих, тут же пустился в обратный путь. "Сколько перенесли мы трудностей, сколько раз смерть в лицо задела, не передашь", - говорил Туркубий.

Запорожье, куда его привезли новые друзья, Туркубию понравилось. В бою воюй самозабвенно и мужественно, проявляй верность казачьему делу и будь щедрым во всем - вот главное, что требуется тут от человека. А в остальном полная свобода: никто не упрекнет за то, что не так поступил, не так сказал, не так одет. Да, ему понравилось Запорожье - и край, и люди. Понятно, тянуло на родину, но сердцем он уже привязался к новым друзьям. Так незаметно прошел еще год... Расстояние от Тена до Кубани они проехали за четверо суток. Ерстэм так растянул путь из-за Суанд. Чем дальше, тем печальнее никла ее головка, мягкая неопределенная улыбка бродила по бледному лицу - Ерстэм начал серьезно опасаться, что дорога окончательно сломит ее. Порой его охватывало отчаяние, что им не удастся благополучно довести девушку до дома. Решив не подвергать Суанд трудностям переправы через Кубань, Ерстэм повел всех з сторону

Хараколя, где можно было переплыть реку на связанных лодках. Недалеко от Хараколя, следуя вдоль опушки леса, тянувшегося по глубокой балке, они, завернув за какой-то выступ, лицом к лицу столкнулись с группой всадников. Их было шестеро. По внешности - орки.

Одного из их Ерстэм тотчас же узнал - Хату!..

Его постоянного молоденького спутника на этот раз с ним не было.

- Ну и неиссякаемые же силы у этого негодяя! - подумал Ерстэм. - Значат, Хату уже успел вернуться из Крыма (должно быть, возвращался через Керченский бугаз) и побывать в Альджеруаке. Стало быть, отдыхал всего каких-нибудь три-четыре дня, сменил коня и присоединился к новой компании. Куда, интересно, теперь лежит его путь? Может, едут на разбой в страну Калмыкию? Иначе трудно объяснить направление их пути - в Россию не поедут, в Запорожье у них дел тоже нет. Направляются в Крым? Но ни товаров, ни пленных при них не видно. Ерстэма вывел из раздумий возглас Батыма:

- Ты видишь его! Боги довели встретиться! С этим негодяем церемониться нечего - без долгих слов с ним покончу!

Оглянувшись, Ерстэм увидел, что Батым уже наложил стрелу на тетиву.

Движением руки он остановил Батыма и, отделившись от своих, подъехал к оркам.

- Доброго вам пути! - приветствовал он всадников.

- Спасибо! - ответили несколько человек, и только Хату промолчал.

- У адыгов есть такое правило, - заговорил Ерстэм спокойно и внушительно. - Если два врага встречаются, то, не втягивая в свою вражду спутников, сами решают дело. С Хату, который находится среди вас, мы непримиримые враги. Не скрою и причин нашей вражды. Однажды он пытался пленить меня и продать в рабство, но у него это не вышло. В другой раз коварно выступил против меня, и я тоже простил его. В третий раз я оказался свидетелем, как, став проводником вражеского отряда, он помог разграбить и сжечь адыгский аул и увезти в рабство девушек - этого ни один адыг ему простить не сможет. И, наконец, в четвертых, подкравшись, как шакал, он в пути похитил моего спутника, отвез в Крым и продал в рабство. И сейчас Хату, я говорю так: "Выходи, и мы вдвоем решим наше дело". Прошу вас ответить, справедливо ли я сказал?

Старший из компании - произнес:

- Ты говоришь правильно. Зачем нам, адыгским всадникам на чужбине затевать драку? Причин у нас да этого нет. Обвинения, которые ты предъявил Хату, дают тебе право на месть. Но мы не знаем, как Хату посмотрит на это.

- Я тоже нахожу справедливым все, что сказал Ерстэм, - согласился Хату и двинулся вперед. - Я готов! - Если так, скажи, каким оружием будем драться? Выбор предоставляю тебе.

- Как хочешь, для меня все едино.

- Нет, говори ты, - настаивал Ерстэм. - Выбор твой.

- Тогда будем биться оружием настоящих мужчин - шашкой.

- Отъедем, - произнес Ерстэм.

Но едва он, повернувшись спиной, тронулся, как до него донесся отчаянный крик кого-то из спутников Хату: "Что ты делаешь!.." Ерстэм быстро обернулся. В первое мгновение он не понял, что произошло: тот, чей голос он слышал, стоял, вытянув вперед руку со сложенной плетью и указывал на Хату. А сам Хату с поднятой рукой, из которой падал пистолет, валился с коня. В груди его торчала стрела.

Ерстэм быстро повернул копя, вопросительно глядя то на одну группу, то на другую.

Тут Батым подъехал к спутникам Хату и остановился перед ними, покорно и уважительно склонив голову.

- Наверное, Хату за всю жизнь не совершил ни одного справедливого поступка, - заговорил он. - И сейчас он намеревался застрелить человека, - который повернулся к нему спиной. Я не мог этого допустить. Если я поступил неправильно, покоряюсь вашему решению.

Ерстэм стоял молча и ждал, что скажет старший из них.

- Все произошло по-справедливому, - медленно произнес тот. - Парень поступил правильно. Хату к нам в спутники попал впервые. Мы не знали, что кроется у него за душой, и просим не винить нас в его предательских поступках.

8

В солнечный полдень Ерстэм возвратился домой. Была та жаркая пора, когда, как говорится, прячется все живое.

Ерстэм поставил в конюшню коня и вышел во двор. Странное дело: его сестренка и две снохи, выглянув из-за угла большой сакли, крадучись, на носках подошли к двери. С большими предосторожностями молчаливо вытягивая шеи, они заглянули внутрь сакли, но оттуда из проема двери, показалась чья-то рука и махнула явно прогоняя их.

Ерстэм, заинтересованный странным поведением женщин, положил наземь бурку и переметную суму и направился к большой сакле. "Что случилось?"..- обеспокоено подумал он. Какая-то шутливая игра? Но и сестра и снохи вовсе не похожи на забавляющихся людей, а напротив, казались встревоженными и испуганными. Похоже, что они обнаружили что-то очень опасное.

Завидев Ерстэма, они стали махать ему - мол, не подходи!..

"Да не поразят меня боги, что происходит?" - все больше удивлялся Ерстэм и, не останавливаясь, двинулся дальше, к дому. Из двери выглянула мать и тоже замахала на него:

- Не ходи!

Ерстэм, вконец заинтригованный, не послушался даже матери и вдоль стены подошел к двери. Однако, чтобы не огорчать мать, не сразу заглянул внутрь. "Кто знает, может быть, мать кого-нибудь лечит..." Прислушавшись, он услышал торжественный шепот:

- Милости просим, Ляцин, пожалуй к нам! - шептала мать. - Сверкая красотой, явилась ты сюда и, верно, принесла радостную весть. Спасибо, красавица! Отведай нашей пищи, тебе уже пора уходить, дальний путь ждет тебя. Прими нашу пищу, Ляцин, да сделают боги так, чтобы хорошая весть, которую ты принесла, сбылась!..

Ерстэм, пораженный, осторожно заглянул за притолоку. И то, что он увидел, оказалось куда удивительнее, чем он мог ожидать. Возле задней стены, на глиняном полу разостлана циновка: а на самой ее середине деревянная миска, полная молока. Крупная змея с пестрыми пятнами на голове медленно и настороженно подползав к циновке. Видно, запах молока притягивал ее, а человеческая тень отпугивала, она то подвинется вперед, то испуганно втянет голову. Постепенно змея подобралась к миске и стала пить молоко.

- Ух-ух, успокоила ты меня, красавица! Спасибо Ляцин!.. - еле слышно выдохнула мать.- Чем занимаешься, мама, зачем змею в дом заманиваешь? - тихо упрекнул Ерстэм. - Напугает кого-нибудь или ужалит... Дай-ка я ее убью.

Мать, не ответив ему, бесшумно выскользнула из двери, рукой 'прикрыла Ерстэму рот и гневно проговорила:

- Противное богам говоришь! Разве такое человек может сказать? Уходи отсюда! Приляг, отдохни с дороги. Я не долго буду занята. Слава богам, она отведала нашего молока...

- Что из того, что она выпила молоко? Я ничего не могу понять... - Бог поразил меня, в нескончаемых походах превратился ты в нелюдимого невежду! Или не знаешь, что если в дом вползает змея, это к счастью?

- Какое счастье, опасность!

- Не говори глупостей, коли не знаешь! Это означает, что в семье прибавится человек!

Ерстэм, ошарашенный, некоторое время отупело разглядывал мать. Потом, будто вспомнив что-то забавное, лукаво усмехнулся и спросил:

- Мать, скажи-ка, большой или маленький человек прибавится?

- Не все ли равно, увеличение семьи всегда к добру!

- Тогда, мать, если ты рассчитываешь, что у нас появится взрослый человек, пустые твои надежды! Мог прибавиться, но дело бесповоротно расстроилось, так что не надейся...

Мать, не понимая, что означают сыновние слова, удивленно смотрела на него. Но Ерстэм больше ничего не сказал, круто повернулся и, провожаемый опечаленным материнским взглядом, удалился.

- Не узнаешь, как все обернется, - молитвенно проговорила мать. - Болтай, что хочешь, но змея недаром зачастила в наш дом...

Настроение Ерстэма соответствовало его безнадежным словам. Прежняя уверенность, что он будет счастлив если только Суанд окажется жива, исчезла. Он нашел ее и потерял всякую надежду на счастье. Внезапная перемена, происшедшая в девушке, привела его в отчаяние. Он так истолковал ее: отыскав брата и избавившись от мужской доли, Суанд вновь обрела девичье обличье, а это значит, что воскресли ее привязанности и мечты и нет среди них ему места. Он замечал, как в пути девушка, мечтательно задумавшись и устремив взгляд куда-то вперед, словно застывала, надолго забывая о своих спутниках. И Ерстэм решил, что сердцем и мыслями она вернулась к тому, кого когда-то любила. Упустил он время, когда мог завладеть ее сердцем. А любовь силой не возьмешь и не купишь.

Ерстэм все вспоминал их прощание возле Там-быр-кургана. Суанд казалась такой утомленной, что вот-вот готова была в изнеможении рухнуть на землю. И мужская одежда выглядела на ней смешной и жалкой. Удивительно, когда она так уверенно и решительно играла роль мужчины, то и мужской наряд украшал ее. А теперь шапка казалась непомерно большой, кинжал и длинная шашка-навешанными, точно на огородном чучеле.

- Я бы пригласила тебя в гости, Ерстэм, - грустно, едва слышно выговорила Суанд. - Но ты знаешь, что нет у меня дама.

- Но ведь если бы он у тебя и был, все равно ни в дом, ни в тайну свою ты меня непустишь!.. - с открытым укором ответил Ерстэм.

- Ты, видно, держишь против меня обиду на сердце? Но не поступи я так, я бы не смогла выполнить свой долг... - слезы выступили у нее на глазах, и она опустила голову.

Ерстэм пожалел о своей резкости.

- Не огорчайся, пошутил, я все понимаю. Правда, немного обижен, но люди - верно говорят: "Кто любит, тот обидчив...".

Девушка вскинула голову и поглядела на него. Ее взгляд выражал укор: можно ли так небрежно шутить. И Ерстэму вдруг показалось, что и в ее душе есть к кому-то такое чувство, о котором она не способна была

бы так легкомысленно говорить Он спросил себя: "Кого же она так самозабвенно любит? Кому отдала душу и сердце? Кто причина ее печали?"

- Не суди меня, я не шучу, - мягко и робко сказал он.

Суанд словно надрывным рывком переменяла нить разговора.

- Ладно! Я признаю свою вину. И все-таки надеюсь, что ты обрадуешь нас своим посещением, когда мы устроим свое прибежище!

- Как явиться в дом, местонахождение которого не известно?

- Мы сообщим тебе. И проводника пришлем.

Расставание с Суанд было предметом нескончаемых размышлений и недоумений Ерстэма. Но даже с матерью он не делился ими. Когда после его возвращения начался их обычный разговор, мать первым делом спросила:

- Что стало с бедным одиноким юношей?

- Я его больше не встречал...- солгал Ерстэм. Он подробно и длинно рассказал матери о том, как они разыскивали проданного в рабство молодого темпргоевца. А об Одиноким всаднике предпочел умолчать.

Ерстэм не находил себе покоя, не мог приняться ни за какое дело, все, как говорится, валилось из рук. Чтобы как-то занять себя, он решил было отправиться в какую-нибудь далекую страну, где до сих пор не бывал. Но сердце не поддержало его, казалось, он уже навсегда утратил пристрастие к путешествиям.

Однажды у него возникла сумасбродная мысль: поеду к Суанд и выясню наконец свою судьбу! Возможно, он так бы и поступил, но не знал, куда ехать. Да и удобно ли? Суанд сказала, что когда устроятся, сообщат.

Он решил помочь братьям в полевых работах и на радость семье и на удивление соседям с необыкновенным рвением включился в хозяйственные дела. Казалось тяжелый пот от непосильной работы доставлял ему удовольствие он радовался, когда попадал в дождь и слякоть Но дела на полях скоро оказались закончены, и ему снова стало нечего делать. Он отправился на пастбища Но на этот раз даже горы не принесли ему обычной радости, показались пустынными и скучными. Подвидом охоты он забирался в самые дебри, поднимался на хребет, но и там не нашел былой отрады от общения с громадами вечных скал.

Едва-едва дотянув до срока, когда кончился их черед пасти скот, он, унылый и неудовлетворенный, вернулся домой. Что делать, как заглушить тоску? Мать с тайной тревогой наблюдала за ним. Однажды, проснувшись утром, он стал считать, сколько дней прошло с тех пор как расстался с Суанд. Оказалось, около месяца. И он решил, что нечего больше ждать приглашения, верно, занялись устройством и забыли о нем навсегда. Значит, нужно готовиться к долгой и тяжелой поездке, все равно куда, иначе он не выдержит - или умрет, или сойдет с ума. И надо же случиться, что именно в этот момент полной безнадежности во двор въехал Батым.

Едва они остались наедине, Ерстэм с молчаливым, нетерпеливым недоумением уставился на друга.

- Меня послала Суанд, - начал Батым. - Хочет видеть тебя гостем, показать слепленный ею домашний очаг. Беспокоится, думает, что ты не простишь ее. Все твердит о том, как жалеет, что и тебя, как всех, обманула. Не знает, как искупить вину.

- А как она чувствует себя? Трудная дорога так утомила ее, что бедняжка тогда едва на ногах держалась.

- Э, все это позади! После того, как свершилось возмездие над их врагами и опасность отмщения перестала тяготеть над ее братом, Суанд совсем успокоилась.

- Что это значит? - недоуменно спросил Ерстэм.

- Ах, ведь я совсем забыл, что ты не знаешь о последних событиях. Мы с Туркубием большие дела провернули. Отправились в Темиргой, подобралась ночью к Альджеруковым и подожгли в их дворе все строения.

Оставшийся в живых старший брат Альджеруковых первым выскочил из горницы, Туркубий подсакал к нему и, проговорив: "Это моя месть!" - зарубил его шашкой. Остальных - мать, отца, стариков - мы пощадили, рука не поднялась. Успели уехать, никем неопознанные. Туркубий задумал было поджечь все дома в Альджерукае, принадлежащие оркам, а кого сможет, перебить, но Суанд воспротивилась.

- Молодчина Суанд! - от души похвалил Ерстэм.- Умно поступила. Правильно говорят, будешь свирепствовать, на более свирепого наскочишь. Не родился еще человек, который один смог бы истребить всех орков.

Ерстэм то и дело угрюмо замолкал. Разговор прерывался.

-Из-за этого Одинокого всадника, кажется, ты и на меня обиделся, Ерстэм?- вдруг спросил Батым, робко вскинув на него глаза.

- Правду сказать, был немного в обиде Если бы я все узнал раньше, не допустил, чтобы девушка подверглась таким тяжким испытаниям.

- Но ведь я не волен был раскрыть тайну! - горячо запротестовал Батым. Помнишь, я рассказал тебе о том, как в лесу нашли арбу, на которой ее везли а сама она и ее спутники исчезли - все правда. Это я увез их в труднодоступное ущелье и поселил там Сней были еще парень лет восемнадцати, доводившейся Суанд дядей по матери, и пожилая женщина, ее тетка.

Вчетвером мы соорудили, вернее, слепили домик в две комнаты. Я то верхом, то на арбе тайно колесил между Темиргоем и их при стаи ищем, возил пищу, признал лошадей, корову, барашков. В Каплу побывал и купил там для Суанд материю на мужское платье, а она сама его сшила. И коня для нее добыл у ее дяди, который знал, где находится девушка. Попросила хороший лук, смастерил. Даже разыскал старую, длинную шашку. А потом выполняя ее просьбу, обучил верховой езде, стрельбе из лука, владению шашкой. Когда я спрашивал Суанд, зачем ей все это нужно, она не отвечала или отнекивалась, мол, мало ли что, может понадобится.

Вот так, утаивая от меня свои замыслы, она готовилась и лишь потом объявила мне свое решение: мстить.

- Так нельзя, так не годится, - говорил я, но она и слушать не стала.- "Ради нашего родства и дружбы, ради соли-каши наших матерей, которые вскормили нас, поклянись никому не обмолвиться о моей тайне!"- потребовала Суанд. И как я ни вывертывался, заставила дать клятву. Чем мог, я помогал ей - вместе угнали коней и скот у Альджеруковых, попытался я принять участие и в кровной мести, но она решительно воспротивилась:"Если хоть раз вмешаешься, клянусь покойной матерью, отправлюсь в Альджерукай, затею бой с орками и там сложу голову!" И я вынужден был подчиниться.

Разве укротишь такую! Сам видел, как она неосмотрительно, очертя голову, кидалась против врагов.

Наши орки стали подозревать меня и чем дальше, тем больше мне стало казаться, будто они, как стая волков, ходят вокруг нас. Меня обуяла тревога за судьбу матера и младшего братишки. Помнишь, ты тоже предостерегал меня...

Когда я возвращался от тебя в Темиргой с подаренным конем, до меня вдруг дошел смысл твоего предостережения, словно кто-то, толкнув, разбудил меня, я понял: больше нельзя так беспечно вести себя! Небольшое стадо я поспешно перегнал к укромному домику Суанд. Уложил в арбу весь наш небогатый домашний скарб, усадил мать и брата, и глухой ночью, тайком отвез их к Суанд. Так было тогда...

А теперь, когда вернулся брат Суанд, я не знаю, как мне жить дальше. Уйти в абреки и всю жизнь мстить оркам за их злодеяния - вот моя мечта. Но Суанд настойчивыми просьбами уговорила и меня, и своего брата оставить гибельное намерение.

А сама об одном думает - восстановить семейный очаг. Не знаю, собирается ли она прожить всю жизнь в затаенной глуши, охраняя очаг Темгановых, или по- другому построит свою жизнь, от нее трудно добиться толкового слова, отмалчивается. Приедешь, посмотришь, может, найдешь разумный выход, - окончил Батым свой рассказ.

Батым привел Ерстэма в долину, где текла та красивая и спокойная речушка, которую не так давно Ерстэм сам обнаружил неподалеку от дороги, что вела к махошевскому аулу Заяко. Но они подъехали сюда не со стороны Заяко, а где-то далеко, в верховьях речки, перевалили через гору потайными тропами и неожиданно очутились в долине. Отсюда, пробираясь по непролазной чащобе, переехали через невысокую седловину еще одной горы и попали в долину другой речки.

Ерстэм тотчас узнал ее - это была та бурлящая, рычащая, грозная речка. Стиснутая отвесными, скалистыми берегами, она тут бурлила и шумела еще яростнее. Вдоль берега тянулась узкая каменная проезжая кайма. А с противоположной стороны нависали недоступные скалы.

Батым повернул по береговой кайме вверх.

Поросшие густым лесом горы, становясь все круче и недоступнее, теснее стискивали л речку и долину. Наконец путники добрались до места, показавшегося Ерстэму тупиком - две высоченные отвесные скалы сошлись так близко, что словно гигантскими тисками сдавили ревущую реку, которая в этом месте делала крутой поворот. Вода, со свирепой силой ударяясь о левый берег, подточила скалу, и под широким сумрачным навесом образовала кипящий водоворот. Страшно было подумать, чтобы ступить здесь в воду.

Ерстэм, увидев, что Батым направляется прямо к омуту, с тревогой спросил его:

- Батым, ты, кажется, напоследок решил утопить меня?

- Верно, страшноватая вода! Но нет положения, из которого не было бы выхода, и тут проход есть,- произнес Батым, уверенно направляясь к краю водоворота.

- Погоди, куда ты?!

- Не беспокойся, Ерстэм! Мне сказано: "Приведи его к нам", - и я доставлю тебя живым и целехоньким. Следуй за мной. Имени о следуй, то есть иди точно по моим следам и нагибайся так, как это буду делать я. Батым пригнулся в седле и понудил коня спрыгнуть с крутого берега как раз у основания каменного навеса, под которым кружилась и пенилась река. Вода оказалась коню едва по брюхо. Переправившись через грозный водоворот, Батым завернул за выступ скалы и скрылся из виду.

- Следуй за мной, Ерстэм, не пугайся! - крикнул он из своего укрытия.

- Легко сказать, не пугайся! - закричал в ответ Ерстэм. - Ишь, хитрец! Придется следовать за тобой, куда дедаться! Но если утону, ты будешь виноват!

Ерстэм тоже заставил коня спрыгнуть с берега, и тут снова показался Батым и внушительно предупредил:

- Смотри, ни шагу влево! Подводный карниз, по которому ты едешь, не шире трех шагов. Соскользнешь, полетишь в омут вверх тормашками!

Благополучно выбравшись на берег, Ерстэм облегченно вздохнул:

Никогда бы не подумал, что в этой страшной глубине есть такая удобная переправа! Как ты ее нашел?

- Нечаянно. На охоте забрел однажды сюда и испугнул оленя, он помчался в эту сторону. Я подумал, что олень зажат неприступной горой, и бурной речкой, а значит, некуда ему деться, и пустился вдогонку. Но вдруг мой олень, не страшась грозной воды, на всем скаку прыгнул с берега. Я решил, что он погиб в пучине, подбежал и глазам не поверил: зверь, запрокинув на спину рога, преспокойно переправлялся через воду как раз там, где мы с тобой сейчас проехали. Оленя я упустил, но зато обнаружил скрытую переправу.

По тропе, вьющейся сквозь старый дремучий лес, они поднялись на небольшой взгорок и, когда оказались на открытой плешине, Ерстэм остановился. Широкая лощина с трех сторон была окружена крутыми лесистыми склонами, а с четвертой - отвесным берегом бурной реки. Вдали, на гарных склонах виднелись редкие поляны, остальное пространство покрыто могучими деревьями.

"Ничего не скажешь, выбрали местечко - укромнее не сыщешь!" - подумал Ерстэм.

- Другого прохода сюда нет? - спросил он. - И подводу, и скот этим путем пригонял?

- Есть еще один-единственный, через глубокое узкое ущелье. Но из Темиргоя тем путем очень далеко добираться. Разыскать его не легче, чем мою переправу.

Вот я и выбрал это место для Одинокого всадника.

Дальше тропа повела их вниз, вдоль подножья высокой крутой горы, и вскоре они оказались на небольшой поляне. На краю ее, под сенью могучих дубов стоял домик-лачужка без ограды. Конюшня и баз припрятаны у края леса. Два коня, поднятые на сваях, стояли прямо перед домом. Небольшое пространство, поросшее травой, напоминало традиционное адыгское зеленое подворье. Трава была аккуратно скошена.

Ерстэм молча, с любопытством оглядывался. Так вот куда возвращался Одинокий всадник! Он с нетерпением ждал, что же будет дальше. Особенно его заинтересовал маленький домик. Там ли Суанд? Как она встретит, как примет?

Но из домика никто не показывался, и никто не шел им "навстречу. Батым поставил коней в конюшню и повел Ерстэма к домику, окруженному широким карнизом, который поддерживался частыми подпорками. Ерстэм увидел две входные двери, значит, в домике две комнаты.

Остановившись у порога, он отдал Батыму шашку и плетъ. Тот повесил их на деревянные крюки, вбитые в стену, и, повернувшись к гостю, приветливо произнес:

- Присядь, Ерстэм, отдохни!

- Почему дом пуст, где Туркубий?

- Был дома, может повез провизию ребятам-пастухам. Тут нам приходится постоянно следить, чтобы чужой человек не забрел - всегда дозор держим. Туркубий вернется, не волнуйся. Ты посиди, я зайду в ту комнату, женщинам хабар сообщу.

Ерстэм внимательно осматривался. Он сразу почувствовал, что это не мужское жилище. Никаких особых украшений не было, но, неведомо отчего, комнатка показалась ему особенно приятной и уютной. У стены - широкая деревянная неуклюжая кровать, видно, наспех и небрежно сколоченная. Но свернутая постель покрыта нарядным вышитым покрывалом. И белая циновка, разостланная на кровати, и пестрый коврик на стене, и шелковая наволочка на продолговатой шерстяной подушке - все казалось Ерстэму необыкновенно красивым, во всем чувствовал он изящную и умелую женскую руку.

По стенам развешаны искусно орнаментированные циновки, а кое-где расшитые золотом бархатные полосы. На коврике за кроватью - шитая золотом сумочка с принадлежностями для рукоделия. На противоположной стене прибита тоже разукрашенная шелковой вышивкой вешалка, а на ней белоснежное полотенце. Как положе но, в углу у двери медный таз и кумган вычищены доблеска.

Теплая жалость набежала на сердце Ерстэма: как же, должно быть, тяжело было нести жестокую роль мужчины-мстителя бедной девушке, которая так любит домашний уют, так самозабвенно старается украсить свое "гнездышко!..

Дверь тихо открылась, и вошла Суанд. Ерстэм не сразу ее узнал и некоторое время с недоумением разглядывал. Куда девалась измученная, увядшая девушка, какой она запомнилась ему три расставания? Суанд словно повзрослела, стала стройнее, это была зрелая ослепительная красота. Платье из пестрого, тонкого шелка - Ерстэм тотчас узнал ту материю, что Батым облюбовал и купил на базаре в Азыке.

Еще не отросшие остриженные волосы Суанд покрыты легким шелковым платком. И то, как повязан платок, восхитило Ерстэма: вынужденная изощренная форма повязки, чтобы скрыть короткие волосы, казалась ему прекрасной.

Узнавая и не узнавая девушку, он растерянно поднялся ей навстречу.

Суанд на короткий миг остановилась у порога, но тут же без всякой жеманной застенчивости пошла к нему. Глаза ее были широко раскрыты, лицо озарено теплом благодарной и радушной улыбки.

Эта свобода и простота ее поведения испугали Ерстэма. Так женщина встречает близкого друга впервые - после своего замужества. Сердце Ерстэма безнадежно упало. Кроме благодарности и преданной дружбы, лет у нее к нему ничего...

- С добрым прибытием, Ерстэм! Гостя дороже в нашем доме никогда не будет! - произнесла Суанд, взяла его протянутую руку и, поклонившись в пояс, поцеловала. - Ты жизнь мою и душу мою спас. Что я могу в благодарность подарить тебе? Лишь готовность жертвовать для тебя своей жизнью!

Ерстэм грустно усмехнулся, и не отпуская руки Суанд, сказал:

- И жизнь твою и душу я бы холил и ласкал, если в придачу к ним ты подарила бы мне свое сердце. Так же, как ты похитила мое сердце, я хотел бы завладеть твоим... Иначе лад между нами невозможен!..

Суанд опустила глаза, склонила голову и совсем иным голосом, взволнованном, прошептала еле слышно:

- Оно твое. С первой минуты, как я увидела тебя, твое. Но после всех несчастий, что обрушились на меня, после того, как ты видел меня в таком неприглядном виде, разве можешь ты удостоить меня своей любви? - голос Суанд дрогнул, и кончиком платка она отерла глаза.

- Если так, красавица моя, вспомни, что я говорил тебе тогда на поляне у костра: "Что бы с ней не случилось, лишь бы найти живой..." Забыла? Так вот воз вращаю тебе поцелуй. - Ерстэм тоже поклонился в пояс и прижался губами к руке Суанд. - Ты одарила меня счастьем, и я беру его. - Ерстэм рывком притянул ее к себе и заключил в объятия.

Суанд не сопротивлялась, не пыталась высвободиться. Словно благодарная за его мужскую грубость, скинула на него глаза, полные любви, и, покорная, ослабевшая, склонила голову на его грудь.

Ерстэм, нежно глядя ее, проговорил:

- Больше я не хочу испытывать судьбу и не оставлю тебя здесь ни на один день. Готовься, вместе доедем. Иначе, кто знает, какая еще напасть обрушится на нас...

Суанд мягко освободилась из объятий Ерстэма и грустно возразила:

- Так скоро не получится. Наш дом только-только вновь слеппен, как же я покину его? Как оставлю не женатым единственного брата?

Ерстэм, сдвинув брови, задумался и наконец с трудом сказал:

- Есть в твоих словах доля истины. Но и мне ждать больше невозможно. Выслушай меня - здесь вам долго оставаться нельзя. Рано или поздно темиргоевские орки обнаружат ваше жилище. Я давно предлагал Батыму: перебирайтесь в Абадзехию, к нам в аул! Иного решения не вижу. Соберется сейчас вся ваша семья, и мы все обсудим.

В Абадзехии, на самом краю аула Чуучей, поселились две темиргоевские семьи. Это были семьи Батыма Пченитлеко и Туркубия Тамган. Пришельцы быстро поладили с аульчанами, приютившими их, и зажили душа в душу. А вскоре по аулу пошла добрая молва о единственной сестре Туркубия Темган - Суанд: "Красавица рукодельница, на -все руки мастерица!" - в один голос расхваливали ее абадзехские женщины.

Однажды к Ерстэму подошел соседский парень и, улыбаясь, сказал, что мать Ерстэма просила передать ему свою просьбу:

- Если сын хочет утешить мою старость, пусть приведет мне в невестки дочь Темгановых. Сделает так, и навеки пребудет с ним мое материнское благословение и моя благодарность.

Ерстэм с затаенной радостью выслушал эти слова, он прикинулся, будто ни о чем и не помышлял, долго стоял в глубокой задумчивости, и наконец с тяжелым вздохом, как бы нехотя, ответил:

- Нет на свете ничего, что бы не сделал я на радость матери! Передай: пусть не тревожится, будет у нее желанная невестка!

Керашев Т. М. К 36 Одинокий всадник. Роман. Майкоп, отд. книжн. изд. 1 77, С. 296. Новый роман старейшего адыгейского писателя, лауреата Государственной премии СССР Тембота Керашева посвящен изображению прошлого адыгов. Хорошее знание истории и быта адыгейского народа помогло автору зримо воссоздать события двухсотлетней давности, нарисовать яркую картину классовой борьбы, раздиравшей тогдашнюю Адыгею, розни между фокотлями и орками.

OCR by PoHbka (rony7@mail.ru) 2004

Edited by adygaabaza.ru 2020